Р.М. ГОРБАЧЕВА

"Я надеюсь..."

Новости

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге «Я надеюсь…», написанной в форме живой беседы с писателем Г. Пряхиным, Раиса Максимовна Горбачева, жена первого Президента СССР, делится с читателем воспоминаниями о своем прошлом, пережитом, впечатлениями о сегодняшних событиях, происходящих в нашей стране. Читатель «из первых рук» получит также исчерпывающие ответы на вопросы «личного характера».

- Р. М. Горбачева
  - К советскому читателю
  - К зарубежному читателю
  - Р. М. Горбачева рассказывает о себе, прожитом и настоящем в беседе с писателем Георгием Пряхиным
    - Приглашение к беседам
    - Все мы родом из детства
    - Годы студенческие
    - Экзамен жизнью
    - О чем болит душа
    - Мои надежды
- notes
  - 1

Сделано для
Maxima-Library

Р. М. Горбачева
«Я надеюсь…»

К советскому читателю

Эта книга написана по просьбам зарубежных издателей. В самом ее начале я говорю о мотивах, побудивших меня откликнуться на эти предложения, — не буду повторяться. Но, закончив работу над книгой, я решила предложить ее и советскому издательству. И вот почему.

Мне поступают запросы и от наших изданий, телевидения, радио, от журналистов — об интервью, встречах, беседах. В многочисленных письмах, обращаясь ко мне со своими раздумьями, бедами, пожеланиями, люди также задают массу вопросов «личного» характера. К тому же появилось немало и различной печатной продукции, касающейся нашей семьи. И я подумала: раз в обществе есть интерес к жизни семьи Президента СССР, то лучше, чтобы люди узнали о ней, как говорится, из первых рук. К тому же для меня — это возможность поделиться с вами тем, что наболело, своими тревогами и надеждами, которые — верю — созвучны тревогам и надеждам каждой советской семьи, всем, кому дорог наш общий отчий дом.

Я — противница двойных стандартов в чем бы то ни было, в том числе и различий в гласности «на экспорт» и гласности внутри страны, поэтому книга, которую вы, дорогой читатель, держите в руках, во всем идентична той, что выходит в американском издательстве «Харпер-Коллинз Паблишерс».

К зарубежному читателю

О мотивах, которые побудили меня взяться за перо, я, дорогой читатель, рассказала в главе своей книги «Приглашение к беседам». К сказанному могу лишь добавить: насколько решительно на протяжении последних лет я отвергала все предложения написать книгу, дать интервью о себе и о своей семье, настолько твердо пришла к выводу это сделать сейчас. Наверное, так бывает со многими, так случилось и со мной.

Книга «Я надеюсь…» родилась быстро, за четыре месяца. Это не мемуары, не воспоминания с их дотошной последовательностью и обстоятельностью. И уж тем более не системное изложение моих взглядов и позиций, хотя они присутствуют в книге. Это — прямая речь, порой, наверное, сбивчивая, эмоциональная, мозаичная. Рассказ о себе в прошлом и настоящем, событиях, впечатлениях по их горячим следам. Непосредственный, сугубо личный отклик на происходящее, на те драматические коллизии, потрясения и — все-таки — прорывы, которыми отмечена сейчас общественная жизнь моей страны.

Для меня эта книга — возможность высказаться, что-то объяснить и в чем-то объясниться. Поделиться наболевшим, своими тревогами и надеждами. И, если это найдет отклик в ваших сердцах, я буду счастлива.

А что касается ее жанра, то мне показалось, что с учетом всех обстоятельств, о которых я сказала, самым естественным для нее будет жанр живой беседы.

Р. Горбачева

Р. М. Горбачева рассказывает о себе, прожитом и настоящем в беседе с писателем Георгием Пряхиным

Приглашение к беседам

С супругой будущего первого советского Президента я вполне мог познакомиться еще в 1964 году. Она жила, в сущности, совсем неподалеку: в двухстах километрах от городка, в котором я сначала, рано оставшись без родителей, воспитывался в интернате, а затем здесь же, перейдя в школу рабочей молодежи, где каждый второй одноклассник был едва ли не вдвое старше и полновеснее меня, начинал свою репортерскую биографию. Бывала она и значительно ближе к нашему городку — месила отчаянную осеннюю грязь по здешним селам, заглядывая и в самую что ни на есть глубинку: проводила социологические обследования.

У правдивого деревенского социолога, как и у хорошего агронома, профессия пешая. Передо мной лежит сейчас тоненькая, на рано пожелтевшей газетной бумаге брошюрка издания 1967 года: «Р. М. Горбачева. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук». Называется: «Формирование новых черт быта колхозного крестьянства»…

Ходит по селам хрупкая в резиновых сапогах — выдергиваешь сапог из грязи, а вместо сапога выскакивает из голенища твоя же нога в толстом шерстяном носке, — ибо ни в чем другом по нашим тогдашним селам пройти в распутицу было невозможно. Чай со старушками, фронтовыми вдовами, пьет. Пешая профессия — деревенский социолог! Хотя вряд ли она представлялась своим реципиенткам этим непонятным тогда словом: «социолог». Находила, наверное, какие-то другие, более понятные на селе, слова…

Знакомство наше, однако, состоялось много лет спустя и далеко от этих мест — в Москве.

И вот несколько дней назад получил неожиданное предложение стать собеседником в книге, во многом биографического характера. Сегодня меня пригласили в загородную резиденцию Президента. Дорога оказалась не такой уж длинной…

Сразу от ворот машина плавно идет по кругу, огибая великолепный, не густой, а, как говорят у нас, в России, светлый» участок леса, скорее всего, когда-то, в незапамятные времена высаженный вручную. Обильные кроны елей и сосен и густые, узорно уходящие в меркнущее небо, лип, старинных, морщинистых, грузно осевших в нетронутый снег. Между стволами просвечивает желтым двухэтажный компактный

особняк, напоминающий общим абрисом усадебный дом конца прошлого века. Долга» тормозит, я выбираюсь на волю и вижу перед собой в проеме широких, двустворчатых, остекленных дверей Раису Максимовну Горбачеву.

В свитере крупной, узорной — узор не вывязан, а как бы выложен, выдавлен, вероятно, домашней вязки и «домашнего» же, топленого молока, цвета. Однажды я ее в этом свитере уже видел: в Центральной республиканской клинической детской больнице, которой она помогает и в которую приезжала несколько дней назад в сугубо рабочем порядке и пробыла там больше трех часов. В брюках же вижу впервые. И свитер, и брюки, и босоножки с матерчатым верхом и высокой танкеткой хозяйке идут. «Здравствуйте», — протягивает с порога — лодочкой — ладонь.

Взгляд карий, внимательный, приветливый.

Холл, никакой вычурности, пожалуй, даже чересчур функциональный. Налево, в углублении, вешалка. Мое пальто смотрится на ней одиноко. Под вешалкой — домашние тапочки. Переобуваться я все же не стал. По довольно крутой и безупречно чистой лестнице поднимаемся на второй этаж. Несколько рамок висят над лестницей на стене. Хозяйка показывает на одну из них:

— Как Вам нравится эта сова? Люди шлют на память то, что могут, что умеют делать, особенно дети. Сову тоже прислали. Я попросила повесить ее здесь. Сова, мне кажется, олицетворяет покой и мудрость Не так ли?

Не знаю, как насчет мудрости, но сова на стене — добродушная и совсем не серая. Сразу видно, что, рисуя ее, маленький человек использовал все без исключения краски, что оказались у него под руками.

Мы вошли в библиотеку, а затем в кабинет Президента.

Кабинет оказался значительно меньше, чем можно было бы предположить. Обычная комната, только красиво обшитая деревом. Две вещи мне сразу, с порога, бросились в глаза: красный, пожарного цвета, телефон необычной формы под прозрачным колпаком и увеличенная фотография в раме, стоящая в проеме книжных стеллажей. Что касается телефона, то я, конечно же, сразу понял, что это за аппарат — по его аварийному цвету. Что касается большого, в раме, фотопортрета, тут я сориентировался не сразу.

Все же Президент больше похож не на отца, а на мать — вот что понял мгновение спустя.

На увеличенной фотографии человек с хорошей, как после долгих и тяжких трудов, улыбкой и взмокшим поредевшим чубом. Выгоревшая-выгоревшая — даже на черно-белой карточке

это замечательно видно — гимнастерка с расстегнутым воротом. Череда орденов, медалей на широкой груди. Солдат на карточке, что называется, бывалый. Видно, что ему уже не двадцать лет. Из тех коренников, что и войну, и послевоенную жизнь тянули, как воз. Судя по всему, фотография сделана сразу после войны.

Красный аппарат и увеличенное фото смотрят друг на друга. Когда Президент сидит в кресле за письменным столом, то они с его отцом, уже, к сожалению, покойным, тоже, вероятно, встречаются взглядами.

Книги — снизу доверху за стеклянными дверцами шкафов библиотеки и кабинета. Стараюсь запомнить: может, когда-то доведется писать. Прекрасные фолианты по русской истории: Соловьев, Карамзин, Ключевский… За одной из дверок замечаю наклеенную на торец книжной полки полоску бумаги с надписью от руки: Друзья! Ставьте, пожалуйста, по алфавиту…» Хозяйка, заметив мой взгляд, улыбается:

— На этой территории я и секретарь, и библиотекарь, и картотетчик в одном лице. Пытаюсь внедрить дисциплину…

В точности не знаю, но, возможно, я — первый член Союза писателей СССР, осматривающий президентскую библиотеку. В углу на одном из стеллажей оттененная мощным фундаментом книг — цветная фотокарточка с надписью по-французски.

— Николай Бенуа, — поясняет мне. — На память.

Предварительная, импровизированная экскурсия закончена. Из предметов роскоши, напрягшись, могу назвать два: письменный стол в библиотеке со столешницей из карельской березы — за такими, вероятно, сиживают лишь президенты да классики — и чистота. Та ревностная, живая, почти благоуханная чистота, что парит в невесомом воздухе и чем-то неуловимо напоминает чистоту наших южных, ставропольских горниц — сходство, навеянное, наверное, и увеличенной фотографией фронтовика, пусть с тяжким ранением, но возвратившегося-таки с войны: редкая горница обходится в России без такой карточки. Окна, занавешенные красиво ниспадающим тюлем. Заметив мой взгляд, хозяйка отодвигает край занавески. В некотором отдалении от окна, уже наполовину размытые сумерками, видны силуэты деревьев. Сад?

— Сад… 10 марта 1985 года… Умер Константин Устинович Черненко. В десять часов вечера состоялось экстренное заседание Политбюро. Михаил Сергеевич вернулся домой, а мы тогда были на даче за городом, очень поздно. Вышли в сад. Было что-то давящее в глухой, еще не тронутой весною ночи. За три года — третья смерть. Смерть трех генсеков подряд, трех руководителей страны. Михаил Сергеевич был очень уставшим. Сначала молчал.

Потом говорит: «Завтра — Пленум. Может стать вопрос о том, чтобы я возглавил партию». Для меня такой разговор был неожиданностью. В какой-то степени — потрясением. Больше того. Я поняла, что это неожиданность и для мужа. Никаких разговоров на эту тему у нас раньше никогда не было.

Мы бродили по саду, еще лежал снег. Муж опять помолчал. Затем как бы исподволь стал размышлять — вслух: «Столько лет работал на Ставрополье. Седьмой год работы здесь, в Москве. А реализовать что-либо крупное, масштабное, назревшее — невозможно. Как будто стена. А жизнь требует — и давно! Нет, — услышала я. — Так дальше жить нельзя».

Так я впервые услыхала эти слова…

Мы давно сидим за небольшим полированным журнальным столом. Включен магнитофон. В руках у меня записная книжка, ручка. Я вижу, что моя собеседница, несомненно, готовилась к сегодняшней встрече. Но эта подготовка лишена той бюрократической заданности, что присуща нашему брату. У нее даже не блокнот, а листки. Листки из записной книжки и из обычной ученической тетрадки в клеточку, половинки и четвертушки, а иногда вдруг полновесный и полноформатньси белоснежный лист писчей бумаги возникает в этой очень «женской», разномастной стопке. Она поднимает перед собой очередной листок, на котором иногда бывает записана всего одна фраза, и то с сокращениями, мгновение вглядывается в него, как вглядываются задумчиво в карту, произносит, восстановив, записанную в нем фразу или, оттолкнувшись от пометок, развивает свою мысль. И в этих конспективных пометках, как и в самих воспоминаниях, нет усердной методичности. Процесс летуч, как и почерк, его фиксирующий. Я это представляю так: что-то вспомнилось в круговерти дня, возникла неожиданно какая-то искомая мысль, и человек наскоро записал это — на первом, что попалось под руку. Если верно, что стиль — это человек, то в данном случае листки отражают стиль не только мысли, но и самой, отнюдь не беззаботной жизни.

— Так я впервые услыхала эти слова. Сегодня их повторили миллионы людей, вокруг них возникли целые легенды… В ту ночь, пожалуй, и начался новый этап, круто изменивший и нашу, и мою жизнь.

Годы перестройки… Что они дали? Многое. Демократизация всей нашей жизни. Прорыв нового мышления в международной политике. Сопровождая Президента внутри страны и за рубежом, в море человеческих чувств, признания и доброжелательности я

вижу главное: рожденную веру в возможность жить без войны.

Годы перестройки дали много, очень много. И вместе с тем — мало. Стране тяжело. Тяжко. Проблемы, накопившиеся за десятилетия, а может — и за столетия. Трудности становления нового. Дефицит потребительских товаров. И еще, тоже очень важное. Говоря словами Ф. М. Достоевского, в смутное время перехода всегда и везде появляется разного рода «сор» — к сожалению, не обошлась без этого опасного, деструктивного, разъедающего «сора» и перестройка. Да и могло ли быть иначе? В общем, время надежд и тревог. Свершений и ломки. Время раздумий и сомнений.

Трудно говорить о себе. Трудно всегда и, пожалуй, каждому. Но сегодня, может быть, мне — особенно трудно говорить о себе…

Зазвонил телефон. То, что не красный, это я угонял затылком. У того наверняка другой звук. Да и не может он звонить в отсутствие хозяина кабинета. Его звонок следует, наверняка, только за ним, за хозяином, по пятам, где бы он ни находился — в кабинете, в машине или в очередном президиуме.

— Как ты себя чувствуешь, Михаил Сергеевич? Устал?

Ответа я не слышал — еще и потому, что встал и потихоньку вышел из кабинета в библиотеку…

— Трудно говорить о себе. Я уже неоднократно получала предложения от разных газет и журналов дать интервью. От издателей, в том числе и американских, выступить с книжкой — рассказом о себе. Я не делала этого. И, честно говоря, не думала делать. Не делала и не думала. По разным причинам, прежде всего — по субъективным. Мне всегда казалось это ненужным. Говорю без лукавства. Зачем рассказывать о себе? Да и вообще — обо мне. Я не кинозвезда, не писательница, не художница, не музыкант, не модельер. И — не политик. Не государственный деятель, принимающий решения и отвечающий за судьбы людей. Я — жена главы Советского государства, по мере сил поддерживающая мужа, помогающая ему — как могу, как делала это всегда, еще с юности, когда мы только связали свои судьбы. В нашей семье всегда было и есть такое понимание: забота каждого члена семьи — общая забота.

В 1985 году в связи с поездками Михаила Сергеевича и визитами к нам глав других государств возник вопрос. По традиции в других странах супруги руководителей участвуют в различных общественных, а также протокольных мероприятиях. В опыте же наших предшественников этого не было. Как быть? Михаил Сергеевич сказал: «Пусть все идет естественно». Так сама

собой и у нас начала приживаться практика, принятая во всем цивилизованном мире: у супруги руководителя государства стало появляться и свое общественное лицо. Еще одна, далеко, разумеется, не главная, «либерализация», принесенная перестройкой.

То, что я делаю сегодня, то, как мы с мужем ведем себя сегодня, — это естественное продолжение наших отношений, нашей судьбы и нашей жизни. Мы вовсе не выдумывали чего-нибудь «этакого» для его новой должности. Так надо ли, вновь спрашиваю сама себя, говорить, писать обо мне или мне самой рассказывать о себе? Главное ведь — дело Михаила Сергеевича, его соратников и сторонников. Оно, его дело, определяет, в сущности, и мою сегодняшнюю жизнь.

Да опять же и не принято было у нас, чтобы жены высших руководителей давали интервью, выступали с книгами — к тому же еще о себе. Американскому читателю это, вероятно, покажется предрассудком. Но ведь и предрассудки могут быть традиционными, а супруге Президента, пожалуй, традиции приходится следовать даже в большей степени, чем самому Президенту. Особенно — в подобных вещах.

И все же в данном случае я нарушаю своеобразный «обет молчания», что хранила с 1985 года. Меня подвела к этому сама логика жизни, подтолкнули встречи, контакты с людьми. Живой, неподдельный, я бы сказала, благодарный человеческий интерес к нашему делу сегодня, который так явственно наблюдается во всем мире. Наконец, сама коллизия «советская женщина и перестройка», вопросы ко мне, в том числе и во множестве писем. В обилии встреч, исподволь подталкивавших меня к мысли о книге, были и встречи на американской земле. И первые, и лета 1990 года, поездка с госпожой Барбарой Буш в женский колледж, где девушки буквально засыпали меня вопросами. Все это в конечном счете и переубедило меня.

К тому же за эти годы появилось немало материалов, статей обо мне, где доброжелательность далеко не всегда соседствует с компетентностью, а порой последняя вообще отсутствует, и тогда — домыслы, мифы и даже сплетни становятся «основой» повествования. Да простят меня некоторые авторы, но, если бы не мое имя и не моя фамилия в тексте, я бы никогда и не поверила, не поняла бы, что их «труд» — обо мне.

И тогда я решилась сама рассказать о себе. О своем понимании жизненных явлений, о пережитом, о том, что близко и дорого. Рассказать моему доброжелательному читателю. Рассказать, беседуя. Своим собеседником я пригласила Вас, Георгий Владимирович…

Она отложила очередной листок. Возникла пауза.

— Может быть, надо объяснить, почему именно меня? — спросил я, хотя сам объяснения этому не знал — потому и спрашивал.

— Ну, хотя бы потому, что я Вас знаю. Что Вы родом со Ставрополья, с родины Михаила Сергеевича. Что у Вас, наконец, в семье четыре дочери. Стало быть, Вы человечны и добры. Достаточно?

— По-моему, вполне.

— Нет. А главное, что все Ваши дети живут с Вами. Мне это говорит о многом.

— Спасибо, — сказал я, хотя, признаюсь, первый раз меня похвалили за то, за что дома иногда по-свойски поругивают: мол, непробивной — семь человек в одной квартире. Жаль, домашние не слышат.

Блокнот исписан. Магнитофон выключен. Чай выпит. За окном, за тюлевой занавеской полная, рыхлая темень. Мы ставим на место все, что сдвинули в президентском кабинете: журнальный столик и два кресла. С президентского письменного стола на низенький столик возвращается граненая стеклянная ваза. На прощание оглядываю кабинет еще раз. Рядом с фотографией отца, чуть поменьше, фотография жены — тех, первых лет. Девичье, очень сосредоточенное лицо, внимательный-внимательный взгляд, устремленный прямо перед собой, но больше обращенный внутрь самой себя.

— В год окончания университета. Знаете, на что обратила внимание совсем недавно? Здесь на мне серый жакет и вишнево-бордовая кофточка. Представляете? А еще говорят о непостоянстве женского характера.

Серый — один из ее любимых цветов. Тот самый серый, который писатель Иван Бунин изысканно называл и не серым вовсе, а «жемчужным». Жемчужно-серый.

А ведь фотография — черно-белая!. Значит, помнит — и жакет, и кофточку. Послевоенный студенческий гардероб — не ей одной запомнить его не составляло труда.

Спускаемся по той же деревянной лестнице. На сей раз в том самом, очень функциональном холле замечаю нечто, почему-то не замеченное ранее. Разрисованный картонный домик и пара санок возле него. Трогательным и новогодним повеяло в очень официальном помещении.

— А это — совершенно частная резиденция в резиденции государственной. Внучки. Вы знаете, они обе сейчас хворают —

простуда.

В той же машине — через те же ворота. Красноармеец под фонарем у КПП отчетливо козырнул на прощание. Это, кстати, был единственный военный, которого я увидел в резиденции. Да и всего-то видел здесь трех человек; постового, хозяйку и миловидную женщину, принесшую нам чай, которую супруга Президента СССР называла с русской простотой и дружелюбностью: «Шура».

Автомобиля с Президентом на обратном пути в Москву мы не встретили: восьмой час — слишком рано для его возвращения домой.

Все мы родом из детства

— Раиса Максимовна, о том, что Вы любите Антуана де Сент-Экзюпери, я уже догадался — несколько раз слышал, как Вы упоминали те или иные фрагменты из «Маленького принца». Нашу сегодняшнюю беседу я тоже начну с известной цитаты Экзюпери: «Все мы родом из детства…»

— Да, я люблю этого писателя и его маленького человечка, делающего большие, добрые дела. Детство — мир фантазии, мечты. Время тысяч вопросов. И первых поисков ответов на них. Оно было у каждого из нас. И тогда, в детстве, казалось, что другого детства и быть не может. Такое, какое было, оно и дорого…

Ходили в школу, на пионерские сборы, потом на комсомольские собрания. Гордились Магниткой, Днепрогэсом, Комсомольском-на-Амуре, челюскинцами, Валерием Чкаловым, Валентиной Гризодубовой. Восхищались подвигом Александра Матросова, Зоей Космодемьянской, молодогвардейцами. Зачитывались книгами. Мечтали о далеких путешествиях, дальних странах, городах. Я лично мечтала быть капитаном дальнего плавания… Мечтали найти клад. Все время искали клад!

— А мои младшие дети больше всего мечтают сейчас встретиться с инопланетянами…

— Нет, мы упорно, не теряя надежды, искали клад. И еще, знаете, играли в войну. Конечно, все дети в той или иной степени играют в войну. Но для детей моего поколения игра эта была исполнена некоего печального смысла: слишком часто соседствовала с явью. Конечно, играли и в школу, и в кукол, но вот у меня в памяти осталось: в войну. И каждый из нас, разумеется, хотел быть партизаном, Чапаевым, Анкой — даже мальчишки, если не доставалось никакой другой «положительной» роли. Никто не хотел быть белым или немцем, фашистом. Не задумывались о том, что те же «белые», скажем, — тоже наши соотечественники…

Да, если сейчас, с высоты пройденных лет, задуматься над детством моим, моего поколения, рассматривая, скажем, фотографии, которые я перебирала перед Вашим приходом, то главное, что вспоминается, — все-таки война. Шла за нами по пятам. Война в Испании. Добровольческие отряды. Война финская. Халхин-Гол. А внутри страны? Тридцатые годы — «враги народа». Помню, как в первом-втором классах в школе вымарывали в учебниках портреты Егорова, Блюхера,

Тухачевского. Грустно. Горько…

И наконец, Отечественная. Сорок первый — сорок пятый. Миллионы потерянных жизней, миллионы жизней покалеченных. Опустошенные дома, осиротевшие семьи, разрушенные города, села, сожженная земля… Переполненные вокзалы. Страна — вокзал. Лишь два чувства, казалось, реют над нею: прощания и ожидания. Опухшие от голода лица. И чувство страха — потерять продуктовую карточку, хлебную карточку! — я помню его до сих пор. И сбор колосков, мерзлой картошки в поле. Все это было. Было для меня, как и для всех моих сверстников.

А потом — счастье Победы. Это надо пережить. Счастье возвращения близких и родных — живыми. И вообще — это захлестнувшее после войны счастье жизни, просто, понимаете, физической жизни!

Отец мой 1907 года рождения, украинец. Мать 1913 года, русская, сибирячка-Георгий Владимирович, мы с Вами договаривались, что в моих суждениях не будет какой-то четкой и строгой последовательности, так ведь? Скорее — мозаичность. Импульсивность. Что возникло в памяти, что совпало с сегодняшним настроением. Это ведь не мемуары, не так ли?

— А мне как раз и нравится, что не мемуары. И нравится, что Вы волнуетесь, вспоминая свое детство, те годы, а не раскладываете все бесстрастно по полочкам…

— Папа всю жизнь проработал в системе железнодорожного транспорта. В автобиографиях я всегда писала: отец — служащий-железнодорожник. Беспартийный. Да-да, беспартийный. Вера в партию пришла к моему отцу вместе с Михаилом Сергеевичем — моим мужем. Несмотря на разницу в возрасте, он стал для него коммунистом, олицетворяющим правду и справедливость.

В Сибирь отец приехал весной 1929 года. Сам он из Чернигова, а весной 29-го приехал в Сибирь.

— В какое место конкретно?

— Приехал на строительство железной дороги. Первой железной дорогой, которую отец строил, была дорога Рубцовск — Риддер на Алтае. Его родители — отец, Андрей Филиппович, и мама, Мария Максимовна, — бросили в селе землю и перебрались на жительство в город — Чернигов. Бросили, оставили землю, потому что не могли прокормиться с нее. А отец в поисках работы приехал с товарищами в Западно-Сибирскую область — так она тогда называлась. Сейчас это Алтайский край. Приехал на строительство железной дороги. Строительство этой дороги проходило через село, где родилась моя мама, Веселоярск. Да-да, есть такое село — я только что получила оттуда письмо с новогодними поздравлениями…

В одном из интервью Михаил Сергеевич сказал обо мне, что я родом из Сибири, с Алтайского края, из Рубцовска. И там проявили интерес ко мне, к моей маме. Меня трогает этот доброжелательный интерес. Так вот, здесь, в Веселоярске, и сошлись судьбы моих родителей. Вел-вел отец дорогу и привел — прямо к свадьбе.

Веселоярск — красивое название. Немного таких названий у нас. Любим мы почему-то выставлять на первый план не самое лучшее в характере наших мест — национальная черта, что ли? Едешь иной раз, читаешь названия и прямо огорчаешься: Грязнуха какая-то, Черный Яр… А тут — Веселоярск!

— Нечто похожее еще Гоголем замечено…

— Я была первым ребенком в семье. По православной традиции меня крестили. Не в церкви — какая уж там церковь в 1932 году, в самый разгар борьбы с ними, церквами, — а на квартире у священника. Правда, имя выбрали не из святцев. Вы же знаете традицию: раньше священник предлагал имя, отыскивая его в святцах. А мое имя выбирали уже сами родители. Отец выбрал. Известно, как много у нас красивых народных, славянских, русских имен. А тогда уже появились и новые имена. Новые имена нового времени. Среди моих сверстниц много Октябрин, Владилен. Стали появляться и имена новой интеллигентной волны — Нелли, Жанна, Алла. А отец назвал меня Раисой. Раечка. Он мне потом объяснил, что для него оно означало «рай». Райское яблочко.

— В наших местах это тоже распространенное имя. Но такого объяснения я никогда еще не слыхал. У Вашего отца хорошая фантазия!

— Не забывайте, что я была первым ребенком. Отец, очень любивший всех своих детей, все-таки всю жизнь был особо привязан ко мне. К своему первенцу. И очень гордился мной. Последние месяцы своей жизни, находясь в больнице, здесь, в Москве, говорил мне, что почему-то все время вспоминает свою мать и меня, меня — маленькую. Я ведь знал, чувствовал, что именно ты будешь спасать мою жизнь, говорил мне в больнице. К сожалению, надолго спасти его не удалось. У него была сложная операция. В 1986 году отца не стало…

Эта картина — как я сижу у него в больнице и как он говорит мне свои, в общем-то, прощальные слова — вызывает у меня слишком много личных переживаний. Может быть, не надо о таком? Не стоит?

У нее тихий голос. Тихий и вместе с тем отчетливый. Ее легко представить в аудитории. Я знаю, что когда-то в Ставрополе студенты, а среди них были мои друзья, охотно ходили на ее

лекции. Таких преподавательниц охотно слушают еще и потому, что на них, почти ровесниц самих студентов, приятно смотреть. Но сейчас это другой голос, нежели тот, который время от времени слышится с телеэкрана. Сейчас это — голос дочери, чью аудиторию, в сущности, составляет один человек: она сама.

— Если не говорить, не вспоминать о таком, то о чем же тогда и вспоминать?

— Родители матери, — продолжает, справившись с голосом, — Петр Степанович и Анастасия Васильевна — тоже потомственные крестьяне. Легко ли им жилось? Не верь, говорит мне сейчас мама. Не верь, что процветали крестьяне в прошлом! Тяжкий, беспросветный труд. Земля, скотина, скудная еда. А бедная твоя бабушка! — восклицает всякий раз моя мама, Александра Петровна. Каторга у нее была, а не жизнь! Каторга! Пахала, сеяла, стирала, шестерых детей кормила. И — всю жизнь молчала.

Мамина сестра — Вера — умерла в шестнадцать лет. Почему? Точно никто не знает. Лечения ведь никакого не было. Старший брат — Александр — умер в двадцать шесть. Почему? Тоже не знают.

Землю родителям дал Ленин — так всегда говорит моя мама. Раньше у них своей земли не было. Сказали, вспоминает мама, бери, сколько хочешь, сколько можешь обрабатывать. Но в начале 30-х годов семья деда была раскулачена, лишилась земли и дома, стала жить временными заработками. А затем деда, говорит мама, обвинили в троцкизме, арестовали, и он бесследно исчез.

— Да что Вы!..

Наша российская, тяжко, как общая солдатская шинель, пропитанная кровью, непредсказуемая история: у человека, который сидит напротив, совсем другого по роду занятий, возрасту, наконец, происхождению», как говорили в старину, — дед тоже раскулачен. Дед мой раскулачен, отец — переселен из одной части страны — читай: света — в другую. Где еще встретишь такое? У нас же, как это ни горько, на каждом шагу.

— Да-да, не удивляйтесь. Мама до сих пор не знает, кто такой Троцкий, а дед и тем паче не знал. И вообще до сегодняшнего дня мать не может понять, в чем провинился ее отец. Наша общая трагедия — все мы ее пережили. Почему я и сегодня так боюсь призывов, раздающихся с разных сторон, «искать виновных». Ведь это — новый кровавый круг!

Бабушка умерла от горя и голода как жена «врага народа». И оставшиеся четверо детей были брошены на произвол судьбы…

А вообще, дед, Петр Степанович, учил своих сыновей. Старшего, Александра, умершего в 26 лет, выучил на экономиста.

Учил и младшего, Ивана. Образованию дочерей по российской традиции особого внимания не уделялось. В крестьянских семьях женщины почти сплошь были неграмотны. Моя мама тоже с восьми лет пахала, ткала. Уже будучи замужем, окончила ликбез. Помогла своей младшей сестре получить фармацевтическое образование. Мама у меня — человек природного, острого, одаренного ума. Отсутствие образования всю жизнь считает трагедией в своей судьбе. А главной целью своей жизни видела — дать настоящее образование собственным детям. И действительно всем детям дала хорошее образование.

Мама не работала на производстве, была домохозяйкой. Бесконечные переезды семьи вслед за отцом-железнодорожником, хлопоты, связанные с этим, случайно доставшиеся квартиры — каких «гнезд» у нас только не было: и бараки, и щитовые сборные домики… Хотя нет, был и прекрасный, большой деревянный дом на Урале. Он достался нашей семье в годы войны — я уж и не знаю, какой оказией. А какое-то время была и «квартира» в помещении бывшего монастыря. Представляете? Война. Да и после войны семья по-прежнему жила, как живут перелетные птицы. Только через 40 лет работы отец и мать получили, причем с большим трудом, постоянное жилье.

Мама была домохозяйкой еще и потому, что к двадцати пяти годам уже имела троих детей. Но я не помню с детства и по сегодняшний день, чтобы мама не была чем-то занята. Чтобы сидела, как говорят, на лавочке. Всю жизнь, всю жизнь шила, перешивала, штопала, вязала, варила, вышивала, чистила. Все сама ремонтировала, убирала, работала в огороде, держала, когда можно, корову или козу, чтобы у детей было молоко. Так и сегодня, хотя уже в преклонных годах.

По характеру мама у нас строгая и требовательная. Помню сцену, когда провожали на фронт отца. Этот переполненный вокзал — а я действительно из детства так ярко, так остро помню именно вокзалы с их неповторимой горестной атмосферой — женщины, дети и слезы. Многие женщины даже теряли сознание. И свою маму помню застывшую от горя. Ее слова: «Кто нас будет поднимать? Надо держаться!»

Мы отца на фронт проводили, но он туда не попал, вернулся в военной форме домой: железнодорожный транспорт был переведен на военное положение. Требовалось спешно строить новые железные дороги — для того же фронта. Из семьи у нас воевали брат матери и мамина сестра: она была военврачом.

Что дали мне родители? Что дала семья? Спрашивая себя об этом, знаете, о чем невольно думаю? Что мои родители и вообще люди, кто перенес весь трагизм этих лет нашей истории, кто

удерживал на своих плечах всю ее многотрудную ношу, эти люди не имели возможности реализовать себя так, как им того хотелось. Вероятно, поэтому они избрали своей целью — хотя бы через детей дотянуться до тех ценностей, которые для них самих в подавляющем большинстве так и оказались за семью печатями. Вы же знаете, у нас, русских, есть выражение: «поднять детей». По-моему, очень емкая метафора. Но я даже так скажу: родители дали нам не только образование. Всей своей жизнью они воспитывали у нас и чувство ответственности — за свои дела, поступки. И, может быть, самое главное, что дали мне мои родители, — сопричастность к человеческим нуждам и к человеческому горю… чувство чужой боли, чужого горя. Нет, ни одно поколение не живет зря на этой грешной земле…

Картинки моего детства лишены цельности. Они как бы рваные. Возможно, одна из причин — бесконечная «перемена мест».

В связи с частыми переездами семьи мне пришлось менять много школ. Это, конечно, создавало определенные трудности. Каждый раз новые учителя, разный уровень преподавания, разные требования, другой школьный коллектив. И — в общем-то, неизбежный в подобных случаях повышенный интерес к новичку.

— Вечно новенькая? А не кажется ли Вам, что это следует за Вами и во взрослой жизни? Около двух лет сопровождаю Вас с Михаилом Сергеевичем в официальных поездках и вижу, как исподволь нарастает людское, да и журналистское любопытство к Вам. Не только к Президенту — это уже привычно, — но и к Вам. Когда, избираясь на партийный съезд, он приехал на Второй Московский часовой завод, я слышал, как женщины в белых халатах, сборщицы часов, сгрудившись в цехе, спрашивали, вытягивая шеи: «А Раиса приехала?.. Где она?..» Вы уж извините, что цитирую дословно. У нас ведь, приобретая известность, женщина первым делом теряет отчество.

— И что дальше?

— Я им сказал: нет, Раиса Максимовна не приехала — это ведь встреча по сугубо партийным делам.

— Что же они?

— Были разочарованы.

— Да? А вообще и неизбежный повышенный интерес, и определенное недоверие к новичку сказывались, конечно, и на учебе, и на моем внутреннем состоянии. Все годы детства, отрочества меня сопровождала какая-то внутренняя стесненность, скованность, порой замкнутость. Ведь детский коллектив очень своеобразен.

— Вы полностью преодолели эту стесненность?

— Не знаю. Как не знаю и того, следует ли ее преодолевать «полностью»? Но положение «вечно новенькой» одновременно формировало и контактность: я просто должна была становиться общительнее.

Школа моего детства. Это не современная школа, с ее оборудованием, обстановкой. Она совсем другая. Школы были, повторяю, разные и все же в главном — одинаковые. Грубо сколоченные парты, самодельные счетные палочки, самодельная азбука, а в годы войны и самодельные тетрадки, в основном из газетной бумаги. И даже самодельные чернила.

— *Самодельные чернила?*

— Да-да, из сажи… Учебник на четверых-пятерых. В годы войны — ежедневная миска жидкой похлебки на обед. Вспоминаю всех нас, тогдашних детей, одетых в фуфаечки, телогреечки, в лучшем случае — в курточки и «пальто» из домотканой или бумажной материи. Был такой материал — саржа. Первое настоящее пальто получила в подарок от отца с матерью, когда была уже студенткой университета. С каракулевым воротничком, «бостоновое», как уверяет мама. Носила я его долго. Пальто помнит вся семья. Тогда отец по облигации выиграл тысячу рублей. Конечно, в старых деньгах. И знакомые, рассказывает мама, помогли в сельпо купить его. Дефицит! Все помнят пальто — это была прямо веха в истории семьи. Даже подруги мои студенческие и те вспоминают его. Ведь все мы приехали в университет кто в чем — кто в материнском пальто, кто в чьей-то куртке. Так было.

И все-таки это была моя школа — тем, как и детство, она мне и дорога. Мои любимые преподаватели. Мои подруги. Репетировали в школьном хоре. Пели. Ставили спектакли на школьных сценах. В спектаклях вместе с нами играли учителя и директор школы. Сейчас такое уже почти невозможно. Люди и их отношения были естественнее, проще. Впрочем, может быть, мне так кажется?

Строили физкультурные пирамиды. Причем меня поднимали всегда на самый верх — наверное, как наиболее легкую. Маршировали. Собирали металлолом, макулатуру, озеленяли школьный двор, выпускали стенгазеты. Устраивали школьные вечера. Танцевали. И получали первые записочки, первые признания в любви.

Что еще в памяти от школьных лет? Помогали семьям погибших. Торжественные клятвы давали друг другу: быть верными, быть всегда вместе, помогать, не скрывать ничего друг от друга. Скрепляли клятвы «честным пионерским», «честным комсомольским». И еще смешивали капли крови, надрезая себе

пальцы. Я это тоже помню.

Отец и мать в школу не ходили. «Отец и мать» — вообще, я их так никогда не называла. Мама и папа. «Батюшка и матушка» — тоже не называла, не было принято. Папа и мама. И — на «Вы». Мы к родителям обращались — «Вы». Не припомню случая, чтобы родители были по вызову в школе. И домашние задания мои никогда не проверяли. Только отец иногда мне рассказывал, как учился сам. Он человек грамотный. Рассказывал, что были годы «новаторских школьных реформ», когда из класса в класс учеников переводили голосованием. «Итоги» голосования на классных собраниях утверждали учителя. А уроки школьники отвечали только по желанию. «И вот высокий результат такой системы», — заканчивал он рассказы, весело тыча себя пальцем в грудь.

— *Отвечать по желанию… Сегодня, во всяком случае в моей семье, об этом даже упоминать опасно…*

— Десятый класс закончила в городе Стерлитамаке, в Башкирии. И, как сказано в аттестате зрелости, «за отличные успехи и примерное поведение награждена золотой медалью». Это давало, опять цитирую тогдашний аттестат, «право поступления в высшие учебные заведения Союза ССР без вступительных экзаменов». То был второй год, когда вручали золотые медали. Вузом для себя выбрала Московский государственный университет имени Ломоносова.

— *Какой же год это был?*

— Сорок девятый. А мне — семнадцать лет.

Что книга — чудо из всех чудес, сотворенных человечеством, я, как и многие, тоже поняла в детстве. Книга, художественная литература были моей постоянной привязанностью, любовью тех лет. Переживала это, повторяю, не я одна. Именно в те годы наша страна и становилась, как мы сегодня говорим, «читающей страной». Правда, книг было не так уж много. Выбор невелик. Но читали все, что попадалось, что доставали. И каждая книга становилась открытием.

Самые счастливые и светлые страницы детства, всплывающие в памяти, связаны с чтением книг в кругу семьи. Я любила читать вслух. Какие это были вечера!.. Трещат дрова в печи или в буржуйке. Мама готовит ужин. Брат и младшая сестренка сидят рядом, прижавшись ко мне. А я читаю. Отец редко бывал с нами, очень редко. В те годы знаете, как работали: без выходных, без отпусков. Помню, что отец всегда «компенсировал» отпуск. Было такое выражение: компенсация за неиспользованный отпуск. Он никогда и не ходил в отпуск, а просто получал дополнительные деньги и продолжал работать круглый год. И так — год за годом.

Читали мы все: Панферова — «Бруски», Шолохова — «Тихий Дон», «Поднятую целину», Льва Толстого — «Анну Каренину», Гюго — «Собор Парижской богоматери», Драйзера — «Американскую трагедию», Дюма — «Три мушкетера», «Граф Монте-Кристо». Читали Гоголя — «Вечера на хуторе близ Диканьки», Полевого — «Повесть о настоящем человеке», Фадеева — «Молодая гвардия», стихи Симонова. А когда бывал с нами отец, обязательно читали Тараса Шевченко. Прежде всего «Думы»: «Думы мои, думы мои, горе, думы, с вами! Что вы встали на бумаге хмурыми рядами?..» «Тяжко, тяжко жить на свете сироте без роду: От тоски-печали горькой хоть с моста — да в воду! Утопился б — надоело по людям скитаться; Жить нелюбо, неприютно, некуда деваться…» «На что черные мне брови да карие очи, На что юность мне девичья — нет ее короче. Годы мои молодые даром пропадают, Брови черные, густые от ветра линяют…» Очень любили «Катерину», «Широкий Днепр». Я Вам читаю по-русски, а отец любил — на украинском. Это же звучит совершенно по-другому!

Издание «Кобзаря», которое она держит на коленях, чем-то похоже на Библию: капитальный, прекрасно оформленный гроссбух. Она легко ориентируется в нем. Но с русского на украинский все же переходит с погрешностями: так нередко люди, самозабвенно слушающие, да и поющие украинские народные песни, — сам я, например, — прозой» их повторить уже не могут — произношение не дается.

— Как только беру в руки любой томик Шевченко, сразу вспоминаю папу. Вспоминала его, и когда была последний раз на Украине. Там состоялась встреча с писателями республики. Тоже говорили с ними о Шевченко, о «Кобзаре»… Как любил его мой отец!

Брат моложе меня на три года, а сестра — на шесть лет. У каждого из нас, естественно, своя дорога в жизни, своя биография, своя судьба. Сестра для меня всегда была ребенком, которого я, как старшая, опекала. Я и сегодня называю ее — Людочка. Когда я уехала из дома учиться в Москву, сестре тогда исполнилось всего одиннадцать лет. Из эпизодов детства, связанных с нею, которые чаще всего вспоминаю, мне хотелось бы рассказать о двух. Она, брат и я играли в любимую нами игру: отгадывание задуманных каждым из нас имен — мужских или женских. Была ее очередь задумать имя. Мы долго не могли отгадать его. Бились-бились — никак. Дело дошло до слез. Стали подозревать в обмане. Вмешалась мама. И наконец сестра «открыла» нам это имя. Так и сказала: мужское имя «Бывалоча».

Мы рассмеялись. Сразу поняли, о ком речь. В то время, как

Вы знаете, гостиниц в небольших городах, поселках не было. И приезжие останавливались у знакомых. И у моих родителей таким частым постояльцем был один из сослуживцев моего отца. Он был хорошим рассказчиком и вообще бывалым человеком, вечерами его любила послушать вся наша большая семья. И любой рассказ начинал со слов: «Вот, бывалоча, мы…» Над этим его «бывалоча» подшучивала вся семья. А для сестренки оно стало именем собственным. Вот она и задумала его: «Бывалоча». Я и сама не помню сейчас, как же звали этого человека на самом деле. А вот его неизменное «бывалоча» помню превосходно. В общем, дня два, по-моему, отгадывали мы с братом. Потом начались слезы, взаимные обвинения, наконец, она призналась, что за имя загадала — «Бывалоча».

— А вообще, эта игра рассчитана на взаимную честность — нечто подобное было и у нас.

— Да, детские игры почти все построены на честности.

И второй эпизод. На строительство железной дороги в годы войны привлекались пленные немцы. На станции, где мы тогда жили, произошел пожар. Несколько домов сгорели дотла. Другие пострадали частично и требовали ремонта. В числе последних был и дом, который занимала наша семья. Немцы чинили крышу нашего дома, помогали нам. Моя сестра — такая махонькая, голубоглазая, беловолосая — постоянно привлекала их внимание. Однажды, играя во дворе, я вдруг увидела, как к сестре подошел немец и протянул руку — погладить ее по головке. Сердце мое сжалось от страха. В одно мгновение я оказалась рядом, рванула сестренку к себе. И только тогда посмотрела на него. И вдруг увидела: немец плачет… Вы знаете, я была потрясена! Мы так и стояли — плачущий, сгорбившийся молодой мужчина-немец, я, подросток, и пугливо прижавшаяся ко мне моя младшая сестра-Сегодня, вспоминая эту сцену, вновь и вновь думаю о тех чувствах, которые владели тогда мной, всеми нами в те страшные годы фашистского нашествия, думаю о чудовищной трагедии миллионов ни в чем не повинных людей.

— А я сейчас вспоминаю Вас на кладбище советских военнопленных в Штукенброке в ФРГ.

— Да, сложные чувства переживала я, когда мы с рядом общественных деятелей, сопровождавших Михаила Сергеевича в его официальном визите в ФРГ, приехали поклониться могилам наших многострадальных соотечественников. Множество людей, немцев, тоже приехали в тот день на кладбище. И мне показалось, что над горестным Штукенброком на всех нас, и живых и мертвых, снизошла благая весть примирения. Прощения. Ненавистью жить нельзя. Я думаю, что бесконечные могилы — не

только в Штукенброке, но и в нашей стране — в конечном счете взывают все же не к отмщению, а — к разуму…

Сестра закончила медицинский институт. Врач. Муж — инженер. Теперь у нее уже взрослый сын и маленькая внучка.

— А брат?

— Судьба брата сложилась по-другому. Брат — одаренный, талантливый человек. Но его дарованиям не суждено было сбыться. Его талант оказался невостребованным и погубленным. Брат пьет и по многу месяцев проводит в больнице. Его судьба — это драма матери и отца. Это моя постоянная боль, которую я ношу в сердце уже больше тридцати лет. Я горько переживаю его трагедию, тем более что в детстве мы были очень близки, между нами всегда была особая душевная связь и привязанность… Тяжело и больно.

Собеседница замкнулась. А я вновь подумал о матушке-России: не только историю едва ли не каждой семьи в стране, независимо от ее положения, но и сегодняшние беды наших семей она чаще всего тоже лепит по одной, не очень искусной, сугубо отечественной колодке. Самое время было задать наводящий вопрос из какой-нибудь другой «оперы». Но вопрос, как на грех, не отыскивался — у меня и у самого есть что вспомнить на эту нашу нечаянно затронутую тему…

— Вспоминая тот или иной период своей жизни, я неожиданно для себя обнаружила одну удивительную вещь, — заговорила собеседница сама, без наводящих вопросов. — Может быть, и не удивительную, а закономерную. Все воспоминания моего детства, отрочества, юности, да и зрелых лет у меня неизменно сопровождаются какими — то яркими, сильными впечатлениями от природы. Убеждена, что это — из детства. Я выросла в природе. Природа и дети — это вообще, по-моему, какое-то единое начало.

Неподдельная красота природы не имеет себе соперниц в этом мире. Всегда со мной запах черемухи, хвои. Радость весеннего, звучного уральского ручья. На Ставрополье весна пролетала очень быстро, ручья там не было, он был на Урале. Именно радость. Радость весеннего, звучащего ручья и снежного сугроба, и морозного, солнечного дня. И красота изумрудного мха. Тот много в жизни потерял, кто не был ни разу в тайге! Я и сейчас как наяву вижу и этот изумрудный мох, и узорную вышивку на нем — морошки, брусники, голубики. А спрятавшийся рыжик, груздь, подосиновик, сыроежечка! Это все оттуда — из моего детства. И оттуда, считаю, из детства, пришла — и ко мне тоже — вечно живущая в душе каждого русского человека тоска но белой березе и по нолю ржи или пшеницы,

окаймленному васильками и ромашками. А потом, позднее — и по алой, до горизонта полыхающей тюльпанами ставропольской весенней степи. И по багряно-лиловой, зелено-желтой прелести осени Северного Кавказа.

Я убеждена: насилие над природой, ее оскудение ведет и к оскудению, к деформациям человеческой души. Имеет отношение и к взрыву насилия в людском сообществе. Спасать природу сегодня — значит спасать человеческое в человеке.

В одном из интервью Михаил Сергеевич на вопрос о любимом виде отдыха ответил: ходьба по лесным тропам. Да, тропинки Подмосковья, ставропольской степи, предгорий Большого Кавказского хребта — сотни километров пройдено по ним. И они дарили душевное равновесие, веру, силы.

Среди любимых песен Михаила Сергеевича — «Когда иду я Подмосковьем, Где пахнет мятою трава, Природа шепчет мне с любовью Свои заветные слова…» И еще «Русское поле»: «Поле, русское поле. Светит луна или падает снег, Счастьем и болью вместе с тобою. Нет, не забыть тебя сердцу вовек». Он любит эти песни и поет их.

— Знаете, — новую мысль она то и дело начинает этим словом — «знаете»: как мосток пробует, прежде чем шагнуть. — Георг Вильгельм Фридрих Гегель писал, что философия — это эпоха, схваченная в мыслях… Удивительное определение! А что такое песня? Тоже ведь эпоха, судьба народа, человека. Только «схваченная» в музыке, в мелодии и в слове, а в конечном счете — в чувстве. Песни моего детства: Каховка, Каховка, родная винтовка…», «Дан приказ: ему на Запад, Ей — в другую сторону…», «Расцветали яблони и груши, Поплыли туманы над рекой…», «Темная ночь. Только пули свистят по степи. Только ветер гудит в проводах, тускло звезды мерцают…», «Степь да степь кругом. Путь далек лежит. В той степи глухой умирал ямщик…» — пронзительная по своей «русскости» смерть того безвестного ямщика длится уже длиннее любой жизни, больше столетия. «Есть на Волге утес, диким мохом оброс от вершины до самого края…», «Бьется в тесной печурке огонь. На поленьях смола, как слеза. И поет мне в землянке гармонь про улыбку твою и глаза…», «Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой! С фашистской силой темною, с проклятою ордой…».

Позже пришла, но все равно нашла нас — «Этот День Победы порохом пропах, Это — праздник с сединою на висках, Это радость — со слезами на глазах…». Да, хоть и пришла значительно позже, но тоже стала неразделимой с песнями моего поколения…

Говорят, сердце зорче всего. Скажите, чье сердце, пережившее

и воспринявшее все это, не отзовется на людское горе, на людскую доброту?

Голоса Руслановой, Утесова, Шульженко, Бернеса, Козловского, Лемешева — как дороги они нам были на патефонных пластинках! И сколько лет я, как и многие-многие мои сверстники, бережно храню их. Как, впрочем, храню в своей памяти и невыразимо печальные, хотя и не всегда трезвые, голоса слепых, калек военных и послевоенных лет — на базарах, толкучках, вокзалах, в вагонах поездов и электричек. Голоса, певшие вовсе не бравым, а скорее грустным речитативом о боях и атаках, о смерти, любви. Война ушла, а ее печальная, надрывная мелодия долго-долго еще стелилась, как дым за прогрохотавшим составом. Везде пели: в поездах, на пятачках, перед домами, окруженные нами, детьми — самыми верными слушателями…

В прошлом году мне удалось в связи с поездкой Михаила Сергеевича побывать в Свердловской области. Край уральских самоцветов, малахита, горного хрусталя, величавой, суровой и вместе с тем дивной природы. Родина Бажова — творца замечательных уральских сказок и Мамина-Сибиряка — автора «Приваловских миллионов». Место «уральской святыни» — город Верхотурье, основанный в XVI веке, через который шла торговля Европы с Сибирью — по реке Туре. Город с уникальными памятниками — кремлем, соборами, монастырями.

В годы войны на Урале очень активно строились железные дороги — мой отец и прокладывал их вместе с другими. И наша семья переезжала одновременно с новыми дорогами. И как только не переезжала! — в товарных вагонах-теплушках, дрезинах по временному рельсовому пути, на санях по бездорожью тайги. Особенно ярко вспоминается последнее. Зимняя тайга. Трескучий мороз. Глухомань. Мы, дети, в санях, укутанные в тулупы. Лошади, по брюхо проваливающиеся в снег, комья снега, падающие с лохматых лап сосен, пихт, кедров. И изредка сверху проникающий, ослепительный солнечный луч. Остановки — на ночлег, отдых — в попутных, оторванных от мира, глухих деревеньках, хуторах. Надо иметь в виду, что тайга в те военные годы была, вообще-то, небезопасна не только сама по себе, но еще и потому, что являлась пристанищем всякого рода бежавшего из мест заключения уголовного люда, дезертиров и даже — беглых военнопленных…

На Урал эвакуировали оборудование из западных центров, фабрики и заводы. Отсюда везли на фронт технику и оружие. Значительная часть моего «уральского» детства прошла как раз в Свердловской области. Именно здесь, в старой церкви, переоборудованной под клуб, я бесчисленное количество раз

смотрела «Чапаева». Именно здесь, прыгая на одной ножке, мы дразнили друг друга: «рогозинская шпана, на двоих одна штана». А нам отвечали вполне паритетно: «белоглинская шпана, на двоих одна штана». Именно здесь, в городе Алапаевске, первый раз в жизни была в театре. Смотрела пьесу «Платон Кречет» — это тоже запомнилось.

— В общем-то, Вы и сейчас связаны с миром детства — имею в виду Вашу благотворительную деятельность.

— Да, все мы родом из детства. Были когда-то детьми. К сожалению, часто забываем об этом. Здоровье детей — физическое, нравственное, духовное — что может быть дороже? Вспоминаю Армению, трагические дни землетрясения. Никогда не забуду горестные руины на месте человеческого жилья. Лица людей… Крики и стоны. И этот потрясенный разум. И слезы. Тысячи в одно мгновение погребенных мыслей, надежд и мечтаний. Десятки, сотни крохотных гробов, стоявших прямо на улицах. Была в больницах, где лечились пострадавшие дети. Знаете, какими словами встретил меня мальчик, у которого были передавлены ноги — школа рухнула прямо во время урока! «Тетя Рая, тетя Рая! Я больше никогда не пойду в школу!» — закричал он с кровати, едва я перешагнула порог палаты.

Что могла я сказать ему? Как утешить? Что бы ни стряслось с нашими детьми — даже если это удар слепой стихии, — мы, взрослые, в такие минуты смотрим в детские глаза не просто с состраданием, но и с чувством вины тоже.

— И все-таки — что же Вы сказали ему?

— Попросила его крепиться. «Ты же мужчина, — говорю, — а рядом — твоя мама». Сказала, что построим новые школы в его городе, красивые, прочные, в них будет не страшно. Держала его ладошки, и мальчик постепенно успокоился…

Благотворительностью ныне никого не удивишь — и уж американского читателя тем паче. Да я и не хотела бы делать какой-то отчет о своих «добрых делах». Я только хочу сказать, что забота о детях, благотворительность в этой сфере сегодня в нашем обществе не прихоть, не мода, это самая что ни на есть жесткая необходимость. Я не металась в выборе, куда приложить силы. Определилась без труда — в сферу детства. Шефствую над Центральной детской республиканской больницей в Москве, где лечатся дети практически из всех наших республик. Михаил Сергеевич свои гонорары, премии, включая Нобелевскую, передает главным образом на нужды здравоохранения. И часто эти почетные поручения — передать деньги или медицинское оборудование — Михаил Сергеевич доверяет мне. В этом плане им многое сделано для лечебных заведений в разных уголках

страны — в Белоруссии, на Украине, в Узбекистане, Казахстане, в том числе и для больницы Красногвардейского района Ставрополья, откуда Михаил Сергеевич родом.

Больница, над которой я шефствую, также получила от него немало современного зарубежного оборудования, валютную помощь. У ее врачей, а это преимущественно совсем молодые люди, «фанаты» своего дела, появилась возможность стажироваться в лучших клиниках США, ФРГ. Сейчас в СССР идет серьезная гуманитарная помощь из различных стран. Хочу особо поблагодарить своих будущих американских читателей — значительная доля этой помощи, в том числе направляемой и на мое имя, поступает из США. Отзывчивость американского народа вызывает у советских людей и у меня лично ответное благодарное чувство.

Вместе с мужем я была в Чернобыле. Неоднократно встречалась с детьми, чья судьба оказалась опалена этим горем. Вошла в правление созданной у нас Ассоциации «Гематологи мира — детям», цель которой — лечение детей, больных лейкозом, а также в правление фонда японского бизнесмена Сасакавы «Помощь детям Чернобыля». Совсем недавно побывала в радиологическом отделении больницы, где встречалась, беседовала и с сегодняшними больными, и с теми, кто состоит под наблюдением больницы, и даже с их семьями.

С чем я никогда не могу смириться — так это с обреченностью. Я Вам уже говорила про Республиканскую детскую больницу. Сюда со всей России, а в общем-то — со всего Союза стекаются самые больные, самые «тяжелые» дети. Увы, есть среди них и неизлечимые… Недавно, приехав сюда, вместе с гурьбой ребятишек вошла и в их общую игровую комнату. Здесь тоже было полно детворы. Стоит такой приглушенный, как бы несмелый, шум — Вы же знаете, как играют тяжелобольные дети. И посреди этой детской пестроты — а в больнице дети едва ли не всех наших национальностей — сидела на низеньком стульчике молодая женщина, прижимая к себе трехлетнего малыша, и неподвижно глядела перед собой. Когда неожиданно увидела меня, сказала глухим, измученным голосом, без истерики, на том крайнем пределе человеческих сил, на который способна, наверное, только женская, материнская душа: «Раиса Максимовна, помогите. Сделайте что-нибудь! Мы семь раз приезжаем в Москву, и только на седьмой раз удалось получить место в этой больнице в гематологическом отделении. Но нас только обследовали и сказали: мол, возвращайтесь домой, мальчик безнадежен. Помогите!»

У меня подогнулись колени. Взяла у матери ее малыша, стала

гладить его по головке, и мы с нею обменялись взглядами, после которых слова не имеют значения…

Потом, уже в кабинете главврача, доктора пытались убедить меня, что разумнее все же выписать мальчика: ведь он практически обречен. В случае операции, которую он вряд ли перенесет, лишь один шанс из ста, что будет жить. «Но есть же этот один шанс, и вдруг он — его…» Просила сделать все возможное, и даже больше того. «Умоляю вас», — сказала я.

Мальчика звали Димой. Вчера я узнала: чуда не произошло. Димы не стало…

В тот вечер я уезжал с кипой писем в портфеле. Потом дома долго сидел над ними. Письма уже носили следы делопроизводства: к их уголкам подколоты бумажки с рукописными пометками — от кого, когда получено. Некоторые увенчаны прямо целыми картонными паспортами с грозными бюрократическими аббревиатурами: «код», «шиф», «исп.»… Посмотрел на конверты и понял смысл столь суровой избирательности: картонную шапку имеют письма, пришедшие по адресу: Москва, Кремль, Горбачевой. А если еще короче, совсем уж просто — Москва, Горбачевой Р. М., то и картонки никакой нет — обычный листок бумаги со старомодным, понятным: от кою и когда. Вполне домашняя канцелярия.

В России, как в никакой другой стране, принято писать начальникам. Эпистолярная связь народа с властью вполне в нашей национальной традиции. Как и обычай мысленно поселять больших начальников исключительно в Кремле, хотя ни одной квартиры, за исключением ленинской, да и то нежилой, там давным-давно нет.

Женам же самых больших начальников у нас, по-моему, не писали несколько десятилетий, хотя я, может быть, и не прав.

А тут впору заводить собственную канцелярию. Канцелярии, судя по всему, пока нет: бумажные лоскутки подписаны одним и тем же, уже знакомым, почерком. Стало быть, в графе «исп.» должна бы стоять фамилия моей собеседницы: «Р. М. Горбачева». Но рука кремлевской канцелярии в последний момент, видать, дрогнула: в графе стоит пробел.

Что же это за письма? Исполнения чего, каких таких просьб — а в России письма такого рода — это, конечно же, просьбы, просьбы и еще раз просьбы, продиктованные чаще всего не прихотью, а несовершенствами самой нашей жизни и надеждами на «верха», — ждут корреспонденты от своей адресатки?

Эти письма оказались так или иначе связаны с детьми. Мальчики и девочки Кемеровской музыкальной школы

благодарят за встречу в Москве, во время их гастролей в столице. А также — за два баяна «Ясная Поляна», специально изготовленные по заказу программы «Новые имена» Советского Фонда культуры на Тульском объединении «Мелодия» и переданные в дар школе. Длинное, возвышенное и сбивчивое письмо актера и режиссера Р. Быкова, лично для меня — по-прежнему непревзойденного «Айболита-66»: о нуждах детского киноцентра в Москве. Голубенький, фигурный, по-моему, даже надушенный конвертик выскользнул сам собой из объемистой кипы, как будто из прошлого века с его Смольнинским институтом и с благородной архаичностью манер. Наталия Сац: Надеюсь увидеть Вас в середине мая и рассказать Вам про свой проэкт (именно проэкт — даже орфография смольнинских времен) создания ассоциации Искусство — детям». Листок, на котором написано письмо, тоже резной, голубой, шуршащий, как накрахмаленная материя.

Несколько писем, написанных твердым, характерным почерком на плотных листах бумаги, в верхней части которых типографским способом набрано — по-русски и по-английски: Бехтерева Наталья Петровна, академик Академии наук СССР, директор НИИ экспериментальной медицины, руководитель отдела нейрофизиологии человека и т. д. В общем, одна из самых «титулованных» женщин СССР.

«Наконец-то совсем недавно смогли, пройдя бесконечную цепочку барьеров, заключить договор со шведской фирмой на поставку позитронно-эмиссионного томографа, который для меня всегда будет связан с Вами — спасибо Вам за помощь. Сделаем все для реализации открывающихся возможностей и для скорейшего создания отечественных аналогов…» И далее:… потому, что я знаю о механизмах мозга, наше общество сейчас проходит фазу, только через которую и можно достигнуть нового желаемого уровня в социально-коммерческом и экономическом планах».

В каждом ее письме есть хотя бы строчка о долгожданном томографе — как он себя «чувствует» и как трудится на благо отечественного здравоохранения. И в конце: Думаю о Вас… но почему-то сейчас, когда Вы так хороши на экране… когда Вас так тепло принимают… болит у меня за Вас душа…» Язык ясный, русский, и почерк как будто типографский. Передавая мне на время эти письма, хозяйка сказала грустно:

— У Натальи Петровны — трагедия. Почти одновременно из жизни ушли сын и муж.

«О госпитализации в ФРГ больного мальчика В. Уварова.

Родители мальчика в связи с невозможностью обеспечить в СССР лечение выявленной у ребенка болезни крови направляли письмо М. С. и Р. М. Горбачевым с просьбой помочь в организации лечения в ФРГ, где имеются необходимые методики и медикаменты. В ответ на это письмо М. С. Горбачев обратился к канцлеру ФРГ Г. Колю с просьбой оказать помощь мальчику. Просьба была встречена доброжелательно. И сегодня из Бонна советник посольства СССР в ФРГ В. В. Тютюнов сообщил, что Валерий Уваров помещен в детскую клинику г. Ганновера. Руководит лечением профессор Хуберт Поливода, лечащий врач — профессор Ханс-Йорг Рум. Финансирует пребывание мальчика и его мамы благотворительная организация «Кэр Дойчланд». В. Александров, помощник секретаря ЦК КПСС».

> «После нашей последней встречи в Республиканской больнице многое изменилось к лучшему. Мы с профессором Е. Б. Владимирской организовали новый институт на базе больницы, а также двух отделений в городе, чтобы охватить москвичей, больных заболеваниями крови; проводим ремонт в двух отделениях на том этаже, где Вы осматривали банк крови. В одном из отделений с помощью германских коллег и фирмы «Стиг» начата организация первого детского отделения трансплантации костного мозга.
>
> *Ваш — профессор А. Г. Румянцев».*

Мне показалось, что между двумя этими сообщениями есть некая связь.

Мальчик Илюша Мальшев благодарит за подаренную ему гитару и за помощь им с мамой и братишкой в получении долгожданной квартиры. «Раиса Максимовна! Летом я выступал в учреждениях и на предприятиях с платными концертами. Вместе с Вашей замечательной гитарой мы заработали 340 рублей. Отослал их на счет 700 344 (проэкт «Саманта» — поразительно, но орфография такая же аристократическая, как и у Наталии Сац!). Слушают «мои» песни военных лет — и так хорошо, что даже плачут…»

О, этого мальчика я знаю. И мальчика, и его маму. Участвовал во встрече Р. М. Горбачевой с ними в Фонде культуры. Письмо, как я понял, давнее, сейчас паренек уже учится в музыкальной школе при консерватории. На встрече он в известной мере давал «отчет» о своих творческих делах последних двух лет. Но меня на ней тронул не только он, худенький, романтичный, с симпатичной шевелюрой и тонкими

застенчивыми пальцами. Меня тронули простота и достоинство, с которыми держались обе женщины: Р. М. Горбачева и Илюшина мама — Нина Давыдовна. Здесь не было «благодетельницы» и «искательницы». Две женщины спокойно и здраво беседовали друг с другом — причем не только об одаренном пареньке и его ближайшем будущем. В еще большей степени — о жизни, что бурлила за окном особняка на Гоголевском бульваре, где размещается Советский фонд культуры.

«Дорогая Раиса, — обращается по-итальянски госпожа Фанфани. — Мне очень жаль, что я не смогла увидеть Вас хотя бы для того, чтобы пожать Вам руку и пожелать счастья в Новом году. От имени Аминторе передаю Президенту самые теплые и сердечные пожелания успеха в его деятельности на благо русского народа. Барон фон Тиссен, с которым я виделась в Риме, передает Вам приветствия и добрые пожелания.

Направляю Вам список помощи, которую мы привезли для Ваших больниц с октября месяца до сегодняшнего дня. Я счастлива, что смогла без помощи Правительства и министерств осуществить эту добровольческую миссию, собрав, подготовив и доставив все своими руками. Мы сделали это от всего сердца и с пожеланием, чтобы Советский Союз уже в скором времени не нуждался больше в помощи. Мы тогда будем приезжать в Москву только для знакомства с культурой. Я хотела бы, в любом случае, чтобы Вы знали, что в Италии у Вас есть подруга, настоящая подруга, которая любит русский народ и любит семью Горбачевых».

«Дорогая Раиса Максимовна! Я отныне имею право Вас так называть, ибо дороже Вашего имени для меня нет. И я бесконечно, до конца дней своих, буду благодарен Вам и Михаилу Сергеевичу. Несмотря на свою занятость, Вы нашли время и помогли моему сыну превозмочь тягчайший недуг. Я уже дважды навещал его в клинике (госпитале им. Бурденко) и сообщаю Вам, что смерть отступила. И хотя положение еще тяжелое и потребуется еще большое и длительное лечение, но самое страшное позади. Как мне сказали врачи — это пока единственный в мире случай, что такой больной выжил.

Как я Вам благодарен за Ваше доброе, отзывчивое сердце!

У моего сына был гнойный абсцесс мозга, с прорывом гноя в мозговые желудочки. Искусные руки врачей и Ваше доброе участие в этом моем горе совершили чудо.

Четыре года тому назад при операции умерла моя жена, самый большой мой друг, соратник и дорогой мне человек. Теперь вот горе с сыном. Тяжелое горе толкнуло меня написать

Вам просьбу о помощи, и Вы с Вашим мужем помогли. Я не стану писать в газету, говорить громкие слова. Скажу только одно. Помните, что на нашей земле есть человек, готовый отдать за Вас все, даже жизнь.

Я бывший летчик, ныне офицер запаса. У меня два сына, тоже оба офицеры, и вот с одним случилась беда. То, что сделали Вы для меня и моего сына, невозможно выразить человеческим языком. До конца дней своих я буду помнить о Вашей доброте и милосердии.

Может, Вам покажется нескладным мое письмо, но поверьте, что эти слова идут из самой глубины отцовского сердца. И еще и еще раз говорю Вам и Вашему мужу спасибо за доброту и участие. Нести такую ношу на плечах, какую несете Вы с мужем, и найти время и принять участие в беде, постигшей человека, — не каждый на это способен. А Вы это сделали.

Низкий Вам поклон и бесконечная благодарность! Мне уже 66 лет, я многое повидал на свете, но такого человеческого сострадания еще не встречал. Я желаю Вам и Михаилу Сергеевичу самого доброго и крепкого здоровья, радости, счастья и всего, всего самого наилучшего! Еще раз огромное Вам отцовское и человеческое спасибо. С искренним уважением и признательностью к Вам — Судаков Владимир Дмитриевич».

Это письмо я решил привести здесь полностью. Сам я читал его в ночи и видел за темным, непроницаемым окном человека, отца, его писавшего. Горя у нас много, моментов преодоления его — мало, слишком мало. И в этом смысле письмо показалось мне редкостным человеческим документом — исполнения насущного, выстраданного. Пусть взлетит, посылая мерцающую надежду всем нам, страждущим, — в России, в Америке, где угодно.

Среди писем оказалась и страничка машинописного перевода письма Иоко Оно, вдовы легендарного Джона Леннона. Она делилась добрыми впечатлениями от встречи на международном форуме в Москве и предлагала написать совместную «женскую» книгу.

И еще один конверт — без каких-либо опознавательных лоскутков — выпал из общей кипы. Он тоже был вскрыт, и я машинально вынул из него письмо… «Дорогая Раечка, здравствуй!..»

Что-то очень уж необычно. Необычнее, чем даже у госпожи Фанфани. Прочитал первую строчку еще раз — нет, не ошибся. «Дорогая Раечка, здравствуй…» Понял, что письмо, подколовшись, видимо, к другим, попало сюда, ко мне, случайно. Свернул и вложил его снова в конверт. На конверте после

обратного адреса стояла фамилия: Алферова Л. Сестра? Родственница? Подруга?

…На школьной фотографии, которую мне показали в тот вечер, сидят они, ребятишки сорокового года, сгрудившись, как галчата, вокруг своей учительницы. Жмутся друг к другу, в глазах и любопытство, и не только оно… Льнут друг к дружке, потому что им так теплее и надежнее в том ненадежном мире.

Да и в этом, наверное, тоже. Трудное дело — во все времена — быть в средоточии, в перекрестье чьих-то надежд. Быть последней инстанцией чьих-то отчаянных мольб и святых в своей справедливости требований. Ни один исполнитель на свете (может быть, за исключением одного-единственного, да и тот пока не в Кремле живет) не в состоянии ведь исполнить все, чего от него ждут…

А на той фотографии свою собеседницу я узнал только по одному признаку. По тому самому, по которому она и оказывалась на самой макушке, на верхотуре весьма рисковых школьных гимнастических пирамид сороковых годов.

Ищите на карточке самую худенькую, самую маленькую — это и есть она.

Годы студенческие

Вновь еду в загородную резиденцию Президента. Похоже, в Москву в кои-то веки вернулась зима, как возвращается нечто древнее, первозданное, но вспугнутое в свое время людскими или природными катаклизмами. Добрый знак — в Москву возвратилась зима. Окрестные леса заточены в ней, как в свечном литье. Даже с обочин Рублевского шоссе, которое москвичи по старой памяти именуют «правительственным», сугробы надвигаются крутыми искрящимися лбами к самым ветровым стеклам автомобиля.

Шоссе довольно ухоженное, регулярно подновляемое, но степень «правительственности», честно говоря, убывает с каждым годом. Шоссе демократизируется на глазах. Первый раз мне довелось проехать по нему в 1984 году. О, тогда оно еще пребывало в загадочной, аристократической отчужденности от прочих, будничных и разночинных, дорог и тропинок Подмосковья. Въезжавший под сени сосен, почти сомкнувшихся над ним, ощущал горделивый холодок под ложечкой: он ступал на тропу официального успеха.

Помню, как поразили тогда меня, в сущности, случайного здешнего «прохожего», суровость и иерархическая завершенность царивших здесь порядков: нашу "Волгу" несколько раз заставили не просто посторониться, а прямо-таки сунуться рылом в снег, замереть, как замирают при виде опасности мелкие насекомые, освободить дорогу обгонявшим нас или несшимся нам навстречу угрюмо-непроницаемым «ЗИЛам» — этому земному транспорту советских небожителей. По Рублевскому направлению с бог знает каких еще времен располагались дачи высшей советской элиты. Режим Рублевского шоссе бьи точной метафорой режима тогдашней власти.

Где-то с 1986-го стал ездить по этой дороге более или менее регулярно. Не скажу, что моментально, но очень заметно, наглядно, практически на моих глазах исчезли за это время усиленные посты ГАИ, несколько будок сейчас просто-напросто пустуют, наводя меня на мысль о любопытной демилитаризации, «огражданствлении» самой власти, — исчезло некое ритуальное священнодейство: дорога стала дорогой, а не "путем». Рядовой советский дачник, чей горбатый «Запорожец» еще пуще горбится под вожделенной тяжестью раздобытых где-то и прямо на запорожскую спину навьюченных досок, снует себе и снует, как частик на мелководье, по трассе, на которую когда-то шагу ступить не смел. Иностранные номера засквозили на шоссе —

возможно, даже слишком густо, ибо, как говорят, всякого рода «СП» стали энергично скупать под загородные офисы» участки и строения в здешних пронзительно русских далях.

Да и количество «ЗИЛов» на трассе, как и в целом по Москве, резко убавилось: перестроечная советская номенклатура мало того что поредела в числе, но еще и перешла с громоздких, в стиле советского ретро, автомобилей на более скромные и экономичные, сразу став куда менее заметной в столичной жизни. Достаточно сказать, что даже Политбюро пересело в «Волги». В 1984 году такое невозможно было представить наяву.

И уже никто никого не сталкивает в кювет властным полосатым жезлом (лица не видно, один жезл вылетает торчком из-за стекла, как само олицетворение власти). Несколько раз видел на этой дороге и автомобиль Президента. Причем однажды различил и его самого: сидит человек на переднем сиденье — почему-то на переднем — и читает газету. Даже «ЗИЛы», кажется, в эпоху гласности стали более проницаемыми.

Не могу сказать, что за эти годы на Рублевке стало больше порядка, но что больше стало человеческого достоинства — это точно.

Шоссе петляет. Эти частые, почти заячьи петли, говорят, закладывались еще в 30-х — чтобы у возможных злоумышленников не было возможности прицелиться. Машина идет легко, после обильных снегопадов в ходу у нее даже появилось нечто санное, немашинное, немеханическое. И все равно дорога на сей раз оказалась минут на десять — пятнадцать длиннее, чем накануне.

… А ведь нигде так хорошо не думается, как в дороге. Особенно в дороге, что так напоминает покойный санный след, эту поневоле к неспешным размышлениям располагающую Ариаднину нить заснеженных среднерусских равнин.

Я думаю о том, что ведь характер власти меняется и под воздействием характера, да что характера — и просто облика женщины, чью книжку вы, читатели, держите сейчас в руках.

Почему?

Да уже одно только появление ее рядом с Властью в 1985 году делало ее, Власть, и обаятельнее, и доступнее, и, если хотите, жизнерадостнее. Моложавее, что ли, что тоже немаловажно, если учесть, что все последние годы олицетворением ее, Власти, выступала сама старость, сама отчужденная от всего мирского немощь.

Красноярск, Норильск, Донецк… Детский сад, Дом ребенка, детский дом… В привычном кругу мужских официальных лиц — лицо женское, привлекательное уже тем, что острее, больнее

чувствующее: и радость, и печаль на нем — заметнее.

И этот памятливый, впитывающий карий взгляд, вынесенный, похоже, из детства, когда уже сам образ жизни — жизни почти что на колесах — сам калейдоскоп лиц, мест, вокзалов и полустанков сызмальства заставлял ее пристально вглядываться в бегущий навстречу мир.

…Приехал в резиденцию на сей раз я с новинкой: с магнитофоном «Грюндиг». Магнитофон был у меня и в прошлый раз. Но — маленький, японский, в пол-ладони. Нам-то с собеседницей он удобен, но для стенографистки Иры, которую я попросил перенести звукозапись на бумагу, не очень. И вот на сей раз заявился с «Грюндигом». Он по-немецки основателен, не то что японская игрушка, и самое неожиданное — без батареек. Включается в сеть.

В розетку над диваном, как я, сбросив пиджак, ни издевался над нею, штекер «Грюндига» не входил. Тогда я обратил внимание, что рядом с президентским столом, одна сторона которого опутана проводами, как бывает опутан ими человек на операционном ложе, в простенке, есть — среди множества занятых — и одна свободная розетка. Проход к ней между столом и окном так узок, что у меня закралось сомнение: пройду ли? Восемьдесят пять килограммов живого весу… А отодвигать стол нехорошо: стол не тот. Президентский.

Раиса Максимовна перехватила мой сомневающийся взгляд.

— Не пройдете? Давайте я — я прохожу! Диета.

— *А мне кажется, что просто порода…*

— Что Вы! — улыбнулась, — суровое обращение с собой.

Я, слава Богу, тоже прошел. Бобина в «Грюндиге» начала свой бесшумный круговорот…

— Георгий Владимирович, как я поняла, сегодня мы хотели поговорить с Вами о годах моей юности. Впрочем, уже в этой главке мне будет трудно везде говорить — «моей». Наверное, чаще буду говорить — нашей с Михаилом Сергеевичем. Но вначале все-таки — «моей». О годах молодости, юности, о самых дорогих ее воспоминаниях. Юность ведь — миг, но тот миг, та искра, которую несешь и несешь в сердце.

Для меня юность — прежде всего годы студенческие. Без них, скажу Вам, и юность бы не состоялась. Я так полагаю. И думаю, что без них не состоялись бы и мы сами. Не было бы нас…

— *Были бы. Только были бы другими.*

— Согласна. Я определяю юность как время душевной поэзии, самоутверждения, поиска истины, ответов на извечные человеческие проблемы. Но что отличало мою юность? Что было

связано с нею?

Первая половина 50-х годов. Послевоенные годы страны. Особое время в нашей отечественной истории. Эти годы вместили в себя так много: и трагического, и героического. Я и сейчас не могу объяснить, как смогли люди сделать, совершить то, что они сделали в те незабываемые годы. Откуда черпали силы? Поднимались заводы, электростанции, города и села, возрождалась к жизни искалеченная войной земля.

Господи! Как мы радовались всему, гордились. Хотя продолжали жить невероятно трудно. В колхозах трудодень был такой мизерный, пустой, что говорили: «работаем за палочки». В магазинах, в быту не было самого необходимого. Огромные трудности с жильем…

Да, многое вместили эти годы. Испытание атомной, а затем и водородной бомбы. Конец монополии Соединенных Штатов на ядерное вооружение. Варшавский Договор. Новые тревоги за судьбу так дорого оплаченного мира. Поймите, все это не отвлеченные вещи. Все это очень важно для понимания нас, нашей юности.

Но и это не все. Были «Ленинградское дело партийных работников»… «Дело московских врачей»… Для победившего, ценой неимоверных жертв и страданий перемогшего беду народа, для того нравственного и социального опыта, который вынес он из войны, — эти последние конвульсии сталинизма были особенно унизительны.

5 марта 1953 года скончался И. Сталин — мы тогда были в Москве…

О чем я сейчас подумала? Жизнь человека складывается из определенных внешних обстоятельств, событий, его собственных действий, поступков. И — из жизни внутренней. Воспроизвести, конечно, легче первую, внешнюю сторону. Труднее — внутреннюю. Но, согласитесь, смысл и сущность жизни в их единстве, взаимообусловленности. Внутреннее состояние, мир человека, гамма чувств, владеющих его душой, — именно они часто являются определяющими в принятии человеком тех или иных решений, в совершении тех или иных поступков. Но зафиксировать их сложнее…

Итак, 1949 год. Я еду в Москву. Еду учиться.

— Поездом?

— Конечно. И каким поездом! Вагоны переполненные. Полки все — и «плапкарта», и «сидячие», и багажные — «висячие» (третий этаж) — заняты. Это сейчас там, наверху, чемоданы. А тогда и наверху были люди. Какие полки! Люди едут и стоя — в проходах, тамбурах. Поезда ползут медленно, с долгими и

частыми остановками. Не только наш — все поезда в стране были такими. Постельного белья нет, но его никто и не спрашивает. Вместо вагона-ресторана станционный бак с кипятком и привокзальный базар, куда все толпой выбегают во время остановок.

— *И никто не боялся опоздать.*

— На поезда той поры, по-моему, невозможно было опоздать: если и опоздаешь, так все равно догонишь. К поезду выносили продавать вареную картошку, молоко, яйца, буханки хлеба, самогон, водку, яблоки, колодезную воду — пять копеек за кружку. Соленые огурцы, ягоды. Правда, все было очень дорогое. Рассчитывать в дороге приходилось в основном на материнский узелок.

В душе у меня, впервые самостоятельно отправившейся в столь дальнее путешествие, грусть. Грусть расставания с родными. Расставания со школьными друзьями. Те, кто провожал меня на платформе, так и стояли перед глазами. Расставания с обжитым, понятным миром. Грусть и тревога. Начало неизведанного, уже самостоятельного жизненного пути. А временами тревога и печаль — просто толчками — вытесняются вдруг ощущением счастья, радости и гордости, сознанием того, что буду учиться в Москве! Москва, ее Красная площадь, памятники, музеи, театры, библиотеки — все это становится моим. Буду учиться в Московском государственном университете, где учились многие столпы отечественной науки и культуры. В общем, еду на поезде, но временами кажется — лечу на крыльях.

Университет — моя «альма-матер». Наша с Михаилом Сергеевичем «альма-матер». Знаете, как это переводится с латыни дословно? «Кормящая мать». С материальной пищей, правда, в университетах, похоже, всегда негусто, а вот с духовной… Наш университет и в самом деле стал для нас духовной «кормящей матерью». В значительной мере он определил и личностное становление, и в целом наш дальнейший жизненный путь.

Мы были вторым послевоенным набором студенчества. Мое поколение, поколение семнадцатилетних, пришло в университет со школьной скамьи. Но среди первокурсников было и много взрослых, тридцати и даже тридцатипятилетних. «Стариков», как мы их тогда называли. Те, кто в годы войны по разным причинам прерывал учебу: находился на оккупированной территории, работал где-то, партизанил, был эвакуирован или просто не мог раньше учиться. Но большинство «стариков» — это были демобилизованные фронтовики, так и не снявшие шинель, военную форму за все годы студенчества. Так и не переодевшиеся. И потому, что не во что особенно было

переодеваться, и потому, что не торопились расставаться с фронтовой юностью и фронтовым братством. Это, по-моему, хорошо схвачено в «Тишине» Юрия Бондарева, в «Студентах» Юрия Трифонова, в других романах и повестях о той поре. Кое-кто из моих сверстников, вспоминая их, «стариков», сейчас первым делом отмечает, что они водку пили — фронтовики. Пили, конечно. Но эти люди несли с собой в нашу среду и нечто более значимое. Несли особое — прилежание, трудолюбие, ответственность и реализм жизни, человеческих отношений. Своего рода университет в университете.

Университет собрал нас из самых разных уголков страны. Русские, узбеки, украинцы, белорусы, казахи, азербайджанцы, евреи, армяне, латыши, киргизы, грузины, туркмены и все-все… Сколок самой страны.

Учились с нами и иностранцы. Албанцы, болгары, югославы, чехи… Они и жили в одних комнатах с нами. Немцы, испанцы, корейцы, китайцы, вьетнамцы…

Все мы были рядом. Занимались вместе в одних и тех же библиотеках, в одних и тех же аудиториях. Сдавали экзамены, писали дипломные работы, ели в общих столовых. Дружили, женились, выходили замуж. Дух молодости, товарищества — это и был воздух университета. И еще — всех, нас в те годы объединял оптимизм. Молодость, ощущение, просто осязание своей молодости, товарищества и — оптимизм. Бог знает, откуда мы его брали, но это было так. Оптимизм объединял нас. А может быть, просто я так воспринимала жизнь? Нет, пусть в моем восприятии, но это был все-таки именно оптимизм.

Сколько лет пролетело! И не просто пролетело. И я горжусь, когда вижу, наблюдаю или слышу по каким-то долетающим до меня отголоскам, что эти пройденные, прокатившиеся, в том числе и по каждому из нас, годы не отняли, не растоптали у тех, кто был тогда с нами, юношеское, студенческое чувство братства и человечности. Не отняли…

Она делает паузу и повторяет после нее:

— У большинства не отняли. По крайней мере, у тех, с кем доводится или доводилось общаться мне. Вот недавно не стало Мераба Мамардашвили. Он мой однокурсник. Грузин, ставший крупным авторитетом в мире философской науки. Женился на девушке из моей комнаты, с которой я несколько лет прожила вместе. Поэтому мы и были особенно близки. Мераб — один из постоянных гостей в нашей девичьей комнате. Их было несколько человек. Завсегдатаи нашей комнаты — мы к ним привыкли. Мераб женился на одной моей подруге, а социолог Юрий Левада — на другой.

Мы уже тогда уважали Мераба за его ум. Помню, как помогал он нам, девчонкам, «грызть» «Капитал». Я очень хорошо знала Мераба. Потом, правда, жизнь развела нас. У него была сложная судьба. Знаете ли Вы, что Мераб до последних дней старался остудить разбушевавшиеся межнациональные страсти? Имел мужество встать на пути националистической круговерти. Я горжусь Мерабом.

— Может быть, в этом мужественном, противостоянии любой оголтелости, откуда б *она ни исходила, полнее всею и выражается истинный философ?..*

— Может быть. А я хочу сказать, что все это — наши годы. И то, что нас объединяло. И что осталось, несмотря ни на какие передряги.

Зденек Млынарж — однокурсник Михаила Сергеевича. Он тоже наш друг. Он, как Вы знаете, чех. В июле пятьдесят пятого в честь окончания университета подарил моему мужу свою фотографию и дипломную работу на тему «Общий надзор прокуратуры и методы его осуществления». Подарок с надписью: «Мишке, хорошему другу, на память о том, что мы юристы широкого профиля».

— Профиль и в самом деле оказался очень широким!.. Будущий идеолог социализма с человеческим лицом» и, образно говоря, его стратег, практик.

— Со Зденеком мы встретились вновь в 1967 году. Он приезжал на Ставрополье.

— Млынарж в шестьдесят седьмом был на Ставрополье?!

— Да, приезжал к нам.

— В шестьдесят седьмом?..

— Да. Накануне всех событий. И мы встречались с ним. А потом встретились со Зденеком и его супругой уже в 90-м.

— А в промежутке не было встреч?

— У Михаила Сергеевича в последнее время были, но официальные. Личных не было. Встретились в 90-м. А недавно Зденек прислал письмо в связи с присуждением Михаилу Сергеевичу Нобелевской премии мира. Я зачитаю Вам его: «Дорогой Миша! На этот раз, наверное, нам не удастся встретиться. И поэтому я решил коротко написать тебе. Ты знаешь, что я не формалист, но все-таки хочу от себя и от Ирэны выразить тебе самые сердечные благоножелания в связи с получением Нобелевской премии мира. Ты заслужил это и сделал тем самым для наших общих жизненных убеждений больше, чем можно ожидать от одной человеческой жизни. Искренне твой Зденек. P.S.: Если тебе что-либо нужно от меня, я всегда готов… Много у меня теперь опасений, но я знаю, что без этого нельзя, и

я стою на той же стороне, что и ты».

Наши студенческие годы остались с нами… Жили мы, конечно, скромно. Очень скромно. Сегодня кому-то, может, даже кажется, что убого. Старые, старинные здания МГУ, в чьих аудиториях прошли наши с мужем годы учебы, располагаются, как Вы знаете, в центре города, на улице Герцена и Моховой. Студенческое же общежитие тогда находилось в Сокольническом районе, на Стромынке, на берегу Яузы. Огромное, четырехэтажное, замкнутое прямоугольное здание с большим внутренним двором. Три верхних этажа занимали студенты и аспиранты, расселявшиеся по факультетам: филологи, историки, философы, физики, юристы, биологи и т. д. На первом этаже библиотека, читальный зал, студенческий клуб, больница, пошивочная мастерская, столовая, буфет. В угловом доме напротив общежития продмаг. Он и сегодня там. На другом берегу Яузы, в Преображенском или, как мы тогда называли, «на Преображенке» — рынок.

— *А переход к рынку?*

— Переход? Переход, естественно, — улыбается, — через мост. Рынок продовольственный, не «тряпочный».

Наша Стромынка, Преображенская площадь, Преображенская набережная — все это, по преданию, бывшая Преображенская слобода, вошедшая в историю Москвы. Построена Петром Первым. Говорили, что здание нашего студенческого общежития служило когда-то казармой Петровскому Преображенскому полку. А позже, уже в годы Советской власти, надстроили еще два этажа. Ближайшая от общежития станция метро — «Сокольники». До нее три остановки на трамвае. Да, если мне память не изменяет, три. А ближайший кинотеатр — клуб Русакова. Здание, если Вы когда-нибудь видели, очень необычной формы, в духе конструктивизма.

На первых курсах в каждой комнате студенческого общежития нас размещалось от восьми до четырнадцати человек. И только студенты-старшекурсники, аспиранты имели возможность селиться по четыре — шесть человек. Меблировка самая простая, почти монастырская: кровати, стол, стулья, тумбочки, этажерки, платяной шкаф. На этажах общие кухни и туалеты с умывальниками.

Скромен был тогда и наш гардероб, если наши «семисезонные» одежки вообще можно величать «гардеробом». Тут много можно рассказывать, очень много.

Ничего страшного. Даже интересно.

— Ну, вот хотя бы один факт. При тридцатиградусных московских морозах — а тогда зимы были более суровые, я

помню, даже до сорока доходило — мы, за редким исключением, не имели теплой зимней обувки, теплого белья, чулок, зимних головных уборов. А у многих даже и зимнего пальто не было.

Деньги экономили на всем. На питании. Помню, как трогательно, по-матерински пыталась накормить нас с моей подругой Ниной Лякишевой ее тетя. (Нина осталась сиротой в годы войны и выросла в детском доме в Ташкенте.) Мы с Ниной изредка наезжали к ней в город Балашиху Московской области, и у тети были, вероятно, более чем красноречивые основания считать, что приезжали мы преимущественно с одной целью: мало-мальски подкрепиться.

Экономили деньги на транспорте. Как? Да просто старались ездить бесплатно. И на трамвае, и в метро.

— И в метро?

— Да, у нас было очень много приемов, как это сделать. Но я и сейчас не буду об этом рассказывать. Свои тайны! Увы, как ни экономили, а за десять дней до стипендии денег уже не было. Как там у поэта Николая Рубцова: «Стукну по карману — не звенит. Стукну по другому — не слыхать. Если только буду знаменит, то поеду в Ялту отдыхать…» Сколько удивительных приключений случалось на этой почве! Но выход все равно находили. Я и сейчас говорю Михаилу Сергеевичу: какой бы вы закон ни приняли, найдутся такие, что все равно придумают, как его объехать. Ездили же мы сами на трамвае и в метро бесплатно!

— И Михаил Сергеевич?

— Вы, Георгий Владимирович, задаете провокационные вопросы. А что касается метро, могу сообщить лишь одну наводящую деталь: тогда автоматов не было. Были билеты. Кондукторы сокольнического трамвая тоже поневоле принимали наши негласные требования. И когда утром многотысячная (не знаю точно — пять или шесть тысяч жило нас на Стромынке) студенческая толпа заполняла, забивала трамвай, билеты никто и не спрашивал. Только некоторые особо принципиальные кондукторы ворчали, другие же, большинство, не обращали внимания: смирились.

Мы покупали самые дешевые билеты в театр. Билеты, на которых стоял штамп: «Галерка, неудобно». Галерка, галерка!.. Входя в театр, я до сих пор оглядываюсь на нее — именно с галерки слушала я первую в своей жизни оперу на сцене Большого театра — «Кармен» Бизе и впервые в своей жизни Четвертую и Шестую симфонии Чайковского. С самого верхнего яруса смотрела первый в жизни балет — «Дон Кихот» Минкуса. И «Три сестры» Чехова во МХАТе…

— А на правительственную, «царскую» ложу поглядывали?

— Да нет, пожалуй. Как-то не интересовала… Что касается правительственной лжи, то могу рассказать Вам о другом эпизоде, правда, из сегодняшней жизни. Помните, не так давно приезжал в Москву изумительный тенор — Лучано Паваротти?

— *Да.*

— Мы с Михаилом Сергеевичем слушали его в Большом театре. Одна ария, другая. Буря восторгов. Я наклоняюсь к Михаилу Сергеевичу: «Неужели «Аве Мария» не споет?» «Подожди, — говорит. — Наберись терпения: наверняка исполнит». А он поет все новые и новые вещи, но — не «Аве…». Опять наклоняюсь: «Неужели?..» «Слушай, — улыбается Михаил Сергеевич, — даже если вдруг и не исполнит, то так уж и быть — я тебе спою здесь «Аве Мария». И добавляет: «Правда, боюсь, что это будет последнее мое публичное выступление…» Представляете? — «Аве Мария» из правительственной ложи…

— *Не представляю… Ну и спел?*

— Кто?

— *Если бы спел Президент, то об этом бы уже не только Москва — об этом бы уже весь мир знал.*

— «Аве Мария» Шуберта в исполнении Паваротти у меня в записи, на пластинке «Pavarotti's Greatest Hits».

— *Как поет Президент, я никогда не слышал, но то, что у него отменное чувство юмора, заметил давно — и не я один.*

— Да, не до песен ему сейчас. А что касается юмора, Вы правы, это особенность его ума. Счастливая особенность. Часто мгновенно, неожиданно, искрометно снимающая внутреннее напряжение, усталость или неловкость. Два примера, пришедших сейчас мне вдруг на память. Во время официального визита в ФРГ в ноябре прошлого года. Летим ночью — на вертолете в аэропорт Франкфурт-на-Майне. Все сидим молча, словно придавленные напряжением прошедшего дня. Вертолет идет на посадку. Люди, встречающие нас на поле, пытаются защититься от порывов ветра, который всегда сопровождает взлет и посадку вертолета. Михаил Сергеевич говорит: «Вот мы и причесали встречающих. Можно пожимать руки». И от этой шутки сразу стало как-то легче, будто сняли с нас усталость и тяжесть целого дня.

А помните Барселону, знаменитый музей «Дом Пикассо»? Здесь собраны ранние, ученические работы великого художника: его керамика, поразившая нас с Михаилом Сергеевичем серия вариаций на тему знаменитых «Менин» Веласкеса и целая анфилада залов под названием «Пабло и Жаклин». В залах — только портреты, картины и рисунки с его жены-красавицы Жаклин. Сотни Жаклин смотрят со стен. Есть и такие, возле которых Фелипе, молодой наследник испанского трона,

сопровождавший нас, мне казалось, стесняется останавливать нашу торжественную многочисленную процессию. В один из этих моментов Михаил Сергеевич сказал: «Если б так нарисовали Раису Максимовну, она перестала бы спать». Все засмеялись.

Но вернемся, однако, в студенческие годы. Мы были «трудящимися» студентами. Подрабатывали где и как могли. Разгрузка вагонов с овощами и углем в Химкинском речном порту, на московских станциях была обычным делом наших ребят. Конечно, с нами в группах учились и молодые люди, родители которых были сталинскими лауреатами, заслуженными и просто очень обеспеченными людьми. Москва — многослойна, как никакой другой город в стране. Эти молодые люди не жили в общежитии. У них были совсем другие условия. По-другому отдыхали, по-другому одевались. Но не помню, чтобы лично я или те, кто близко меня окружал, чувствовали себя от этого униженными, обделенными. Нет. Скажу больше. Мы были счастливы. Счастливы своей молодостью, надеждой на будущее. Да уже тем, что — жили. Что учились в университете. Мы этим дорожили.

Нашими наставниками, преподавателями были ведущие ученые. Существовала и такая традиция. Не знаю, как сейчас, но, надеюсь, и сейчас она сохраняется. С лекциями приглашали выступать крупнейших ученых страны. Авторов известных книг, учебников. Например, логику нам читал Асмус — автор учебников по логике и истории философии. Психологию читали Рубинштейн, Леонтьев, Лурье. Философские дисциплины вели Ойзерман, Нарский и другие. Мы были погружены в сам процесс познания, и он нас увлекал.

— Получали знания из первых рук…

— Да, в университете преподавали те, чьи имена являлись гордостью отечественной науки. Да и в среде наших сверстников было много яркой, одаренной молодежи. Иногда студенческие группы на 2/3 состояли из юношей и девушек, окончивших школу с золотой или серебряной медалью. Послевоенная страна торопилась жить — сколько всего талантливого выплеснула она тогда из своих, казалось бы, совершенно обескровленных недр! Я думаю, не случайно из тех, кто заканчивал университет в те годы, сегодня немало академиков, докторов наук, профессоров, известных государственных и политических деятелей, журналистов, писателей, экономистов, филологов.

На факультетах активно работали научные студенческие общества — это тоже вносило свою интеллектуальную лепту в духовную атмосферу университета. Мы все были в научных кружках.

Наши программы предусматривали изучение очень широкого круга дисциплин, предметов, специальной и общественной литературы. Сам объем изучаемых дисциплин, литературы был чрезвычайно велик. Библиотека и читальный зал — мы часами просиживали в них. На Стромынке, проснувшись утром, надо было сначала занять место в читальном зале, а потом уже делать какие-то свои ежедневные, необходимые дела. Занял, «застолбил» место, потом справился со всеми утренними хлопотами и возвращаешься опять в библиотеку — работать. На весь день. В комнатах мы учить, работать не могли. Уж очень много нас было. Корпели в читальных залах, в нашей университетской библиотеке, позже — в «ленинке», когда уже стали старшекурсниками. Но много времени проводили и в библиотеке на Стромынке.

«Поиск истины» продолжался и на семинарах, лекциях и даже на собраниях. Помню, с каким ликованием на факультетском комсомольском собрании «открыли» закон отрицания отрицания, гегелевский закон диалектики, «не признанный» в работах Сталина. Студенческие собрания того времени! — они уже сами по себе были предтечами «оттепели». Скорлупа косности, молчания и тотального страха стала давать трещину — во всяком случае, в студенческих аудиториях. Афоризм Рене Декарта «Я мыслю — следовательно, я существую» был нашим лозунгом.

Мы не обсуждали тогда проблем студенческого самоуправления. Но вопросы расселения в общежитии, поддержания порядка, организации досуга решались при самом активном участии самих студентов. Помню, как активно отстаивали права студенческой семьи! На университетской комсомольской конференции в сатирической газете был изображен ректор, наступивший сапогом на брачное свидетельство — ни больше ни меньше! Молодым людям некуда было приткнуться, а некоторые студенческие или аспирантские семьи уже имели детей. Нужен был свой угол. Извечная проблема. И сейчас она стоит. Но тогда была особенно острой.

Позднее, спустя годы, занимаясь научной и педагогической работой, читая лекции по философии, истории атеизма и религии, этике, я поняла, что система и методика нашего образования и в школе, и в институтах во многом закомплексована, догматизирована, и это, в частности, лишило меня в университете многих знаний из истории отечественной и мировой культуры. Мы зазубривали наизусть, скажем, выступление Сталина на XIX съезде партии, но весьма слабо изучали историю отечественной гуманитарной мысли. Соловьев, Карамзин, Бердяев, Флоренский — только сейчас по-настоящему

пришли к нам эти историки, философы, писатели. Слишком многое было схематичным, мертвым. И это, конечно, лишило нас многих знаний. И еще: лишило возможности настоящего знания иностранного языка. В университете мы учили немецкий и латынь. Но изучение иностранного оказывалось потом практически невостребованным, ненужным. Я думаю, это общая беда моего поколения.

Помнится, в свое время в западной прессе было немало изумленных возгласов, когда обнаружилось, что с женой члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, сопровождавшей супруга в его едва ли не первой — в новом ранге — поездке за границу, можно общаться по-английски. Это было непривычно: обычно советские высокопоставленные жены молчали по-английски, по-немецки и т. д. еще более несокрушимо, нежели их мужья.

Я тоже был свидетелем, когда моя собеседница заговаривала с кем-либо за рубежом по-английски. Правда, чаще всего не с официальными лицами или их «половинами», а, что называется, с «улицей». С детьми, домохозяйками и просто пешеходами, узнающими ее и плотным кольцом окружающими везде — на улицах, площадях, в музеях. Здесь, в этом окружении, она своего английского не стесняется. Как, кстати говоря, и окружение, публика не стесняется своего русского: «Раиса! Раиса!» — несется со всех сторон. Если в руках у людей оказываются плакаты, афиши, она тоже читает их вслух, громко. Людям приятно, ей, по-моему, тоже.

— Никогда в жизни не завидовала, что на ком-то платье или украшения красивее, чем на мне. А вот людям, свободно владеющим иностранными языками, завидую по-настоящему. И до сих пор. Английский учила уже позже. Пыталась наверстать упущенное…

— Мы остановились на атмосфере в МГУ тех лет.

— Да, при всех элементах закомплексованности налицо был и радикализм, творческий характер учебы. Они присутствовали в МГУ, именно они и создавали неповторимую университетскую атмосферу. Знаете, я бы даже сказала точнее. При всем общем недостатке нашей системы обучения все-таки учебная, общественная жизнь МГУ несла на себе в отличие от других вузов больше радикализма, азарта и творчества, компенсируя в чем-то издержки учебного процесса.

Благодаря университету, его обстановке мне привилась и осталась у меня навсегда любовь к студенческой аудитории, к

молодежной среде. Чувствую себя в ней по-особому. И, должна признаться, я по ней постоянно скучаю. Сама атмосфера молодежной аудитории, даже, если хотите, ее воздух, в любую минуту готовый взорваться смехом, ее особый колорит, что ли…

— Когда спускаюсь в метро, то сразу погружаюсь в запах собственной юности. Знающие люди говорят, что пахнет разогретой резиной, пылью, а мне кажется — шестидесятыми годами. Запах метро ассоциируется с запахом моей собственной студенческой молодости — никогда в жизни не ездил в метро так часто, бесконечно, как в те годы.

— Такое отношение у меня, возможно, еще и потому, что сама много лет преподавала. Не знаю. Но, думаю, что это все-таки оттуда, из студенческих лет. Молодость — вечный источник жизни, ее беспокойства, ее полноты и многоцветности. Состояние молодежной аудитории похоже всюду, где б я ни работала, где б ни училась и где б ни бывала, в том числе и в рамках программы официальных визитов Президента СССР. В гуще молодости и себя чувствуешь моложе. Это чувство испытывала я и в аудиториях ставропольских институтов, и в аудиториях Московского университета, и в Карловом университете в Праге, в Университете имени Гумбольдта в Берлине, и в Стэнфорде…

Это же чувство вынесла я и из колледжа Уэлсли в Бостоне. В июне 90-го года во время государственного визита Президента в Соединенные Штаты госпожа Барбара Буш и я ездили в Бостон, в престижный женский колледж Уэлсли. Принимали участие в торжественной церемонии вручения дипломов выпускницам. Помню, от имени выпускниц выступила совсем юная Кристин Бикнелл. Так вот, по американскому журналу — а журнал печатал также и наши с Барбарой Буш выступления — прочитаю Вам в переводе фрагмент ее прекрасной речи.

«Давайте надеяться, — сказала Кристин, — что и после окончания Уэлсли мы на все время сохраним мужество по-прежнему критически оценивать себя и решать трудные проблемы, которые ставит перед нами жизнь. Я полагаю, что мы — сильные женщины, высокообразованные женщины, женщины, давшие обязательства улучшить мир, в котором мы живем. И я верю, что мы справимся с теми трудностями, которые ждут нас в этом мире». Видите, какое совпадение в подходах! Видимо, это вообще пафос самой молодости.

— Мне показалось, что Вы с госпожой Барбарой Буш поставили студенток перед затруднительным выбором.

— Каким образом?

— Олицетворяли перед ними два разных пути. Одна — путь почти исключительного, «жертвенного» служения семье. Вторая —

путь профессионального самоутверждения в сочетании с ведением семьи. По моим наблюдениям, молодым, азартно честолюбивым выпускницам пришлось по душе упоминание о Вашей кандидатской степени, сделанное директрисой колледжа…

— Но мне запомнилось и другое: какую волну ликования вызвали слова Барбары о том, что она уверена — именно в этом зале сидит где-то, может быть, даже на последнем ряду, будущая супруга будущего Президента Соединенных Штатов!..

— Что ж, вы неплохо дополняли друг друга не только на трибуне, но и вне ее.

— У меня самое теплое, уважительное отношение к госпоже Барбаре Буш. Мне импонирует ее естественность и простота в отношениях.

Молодые приходят в жизнь с извечной уверенностью внести что-то свое, что-то сделать, преобразовать. Поэтому я и люблю ее, эту вечно юную, одухотворенно-самонадеянную студенческую поросль.

В университете я встретилась с Михаилом Сергеевичем. Здесь образовалась наша семья…

Меня часто спрашивают, как мы встретились, как Михаил Сергеевич ухаживал за мной. Наверное, это важно в воспоминании каждой семьи. Но для меня куда важнее, ценнее другое. Наши отношения и наши чувства с самого начала были восприняты нами… Знаете, — откладывает она листки, — я долго думала, как же поточнее сказать. Так вот, для меня все-таки более ценно следующее. Наши отношения, наши чувства с самого начала были восприняты нами как естественная, неотъемлемая часть нашей судьбы. Мы поняли, что друг без друга она немыслима, наша жизнь. Наше чувство было самой нашей жизнью.

Помните поэтессу — Наталию Крандиевскую? Жену Алексея Николаевича Толстого? У нее есть такие строчки:

Небо называют — голубым,
Солнце называют — золотым,
Время называют — невозвратным,
Море называют — необъятным,
Называют женщину — любимой,
Называют смерть — неотвратимой,
Называют истины — святыми,
Называют страсти — роковыми.
Как же мне любовь мою назвать,
Чтобы ничего не повторять?

Первая встреча — на вечере танцев в студенческом клубе Стромынки. Михаил Сергеевич пришел со своими друзьями: Володей Либерманом и Юрой Топилиным.

Мы тогда, Георгий Владимирович, не изучали свой гороскоп. Да, честно говоря, и не знали о существовании гороскопов. Это сейчас они в моде. А мы действительно не знали, что означает для нас знак зодиака Козерог, под которым родилась я, или знак Рыбы, под которым родился Михаил Сергеевич. Не знали, будут ли устойчивы, согласно этим знакам, наши отношения или нет. Будет ли гармоничен наш брак. Даже не задумывались над этим. Нас это не волновало. Не коснулись нас и меркантильные соображения: наследство, родственные связи, чье-то положение, протекционизм. Нет. Не было ни наследства, ни родственных связей. Все, что мы имели, — это мы сами. Все наше было при нас «Omnia mea mecum porto». «Все свое ношу с собой».

— *А я думал, что это английская поговорка.*

— Нет, латынь. Как и другая максима: «Dum spiro spero». «Пока дышу — надеюсь».

В речи ее, и без того правильной, нет-нет да и мелькнет прожилка латыни. Не только след языка, но, наверное, и след той тяги, что вела ее когда-то именно в университет.

— Мы долго дружили, прежде чем поженились…

Мне никогда не забыть наши длинные прогулки пешком по Москве — от университета с Моховой до Сокольников, Стромынки. Представьте, сколько это надо прошагать! Прогулки по улицам Горького, Петровке, Неглинной. Называю маршруты, которые мы любили. От Библиотеки имени Ленина — к Арбату, Кропоткинской, Волхонке. От Преображенской площади (это уже наш излюбленный маршрут в Сокольниках) до старого здания театра Моссовета. Все это — наша лирическая московская география.

Не забыть совместные походы на выставки, в кино, театр. Концерты Лемешева, Козловского, Александровича, Звездиной, Огнивцева. Спектакли с участием Мордвинова, Марецкой. Выступления Набатова…

Не забыть наш любимый Сокольнический парк, его Оленьи пруды (сейчас и не знаю, есть ли они, а тогда были), его зимний каток. Вы бывали когда-нибудь на московском катке? На каком?

— *Лет десять назад водил детей в Сокольники.*

— Вы знаете, в наши времена на катке крутили всегда одну и ту же пластинку. Пытаюсь вспомнить эту песенку. Почему-то больше ее нигде не встречала. Вьется белый, какой-то там снежок. Догони, догони… Да, только на катке крутили.

— *Повторы «догони, догони» помню и я.*

— Больше я эту песню нигде никогда не слыхала. Не могу вспомнить. Но именно она звучала на Сокольническом катке.

Не забыть мне и встречу нового, 1954 года в Колонном зале. Елка, музыка. Кругом молодые лица, и мы. Помню, что окружающие почему-то обращали на нас внимание. Не знаю почему.

— *Пара, наверное, хорошая была.*

— Как бы тянулись к нам. И рождалось ответное теплое, дружеское чувство. Храню его до сих пор. Может быть, то был общий праздник — молодости, счастья молодости? Новогодняя елка в Колонном зале 1954 года. А может, это было связано еще и с тем, что наступал именно пятьдесят четвертый год? Старое оставалось где-то там, за чертой, в пятьдесят третьем…

Поженились мы накануне, осенью пятьдесят третьего. Регистрировались в Сокольническом загсе, на другом берегу Яузы. Но, когда вновь приехали в Москву и побывали там с Михаилом Сергеевичем, загса уже не нашли. Его перенесли во Дворец бракосочетаний. Сейчас на том месте какая-то коммунальная служба. А загс был как раз напротив нашего общежития.

— *Все логично: студенческое общежитие, а напротив — загс.*

— А само здание сохранилось. Большое здание. Там, на другом берегу, на Преображенке, вообще стоят фундаментальные здания. На первом этаже и был загс.

Свадьба отшумела на Стромынке, студенческая, веселая, с песнями, тостами, танцами. Деньги на свадьбу, на новый костюм для себя и на мое «свадебное» платье (условно свадебное, возьмем это слово в кавычки: тогда специальные платья не шили. Да и колец обручальных не было. Но платье было новое.) — деньги на все это Михаил Сергеевич заработал сам. Родители, если честно, даже не знали о наших намерениях. Мы поставили их в известность в последний момент. Так молодежь считается с мнением родителей — и тогда, и сейчас Мол, так и так, у нас свадьба, денег не надо, у нас они есть. Вот и все известие. Да и денег-то у наших родителей особо не было. Вообще мы жили с постоянным чувством ответственности перед ними. Я, скажем, всю жизнь старалась не отяготить чем-либо своих мать и отца, не просить лишнее, не брать. Я ведь старшая, а у них было еще двое детей, и жилось нелегко.

Деньги заработал Михаил Сергеевич сам, летом, комбайнером на уборке хлеба. Правда, мне на туфли у нас не хватило. И туфли я одолжила у подруги в группе. Но платье было — это первая наша совместно приобретенная вещь. Платье, сшитое в настоящем московском ателье, я помню хорошо это

ателье: около метро «Кировская».

Летом 53-го, перед свадьбой, мы расстались с Михаилом Сергеевичем на три месяца. К каникулам присоединилась его учебная следственно-прокурорская практика. Проходил он ее у себя в Красногвардейском районе. Тогда район назывался Молотовским. Жили мы эти месяцы ожиданием писем друг от друга…

Эти письма у своей собеседницы я заметил давно. Еще как только мы утвердили на столе магнитофон и расположились для разговора — она за столом, а я в кресле напротив. Я уже давно смотрел на эти листки из линованной тетрадки, которую почему-то называют «общей». Давно понял, что это — письма. От писем, на чем бы они ни были написаны, всегда исходит нечто, что сразу позволяет определить: это — письмо. Если все, побывавшее в руках человека, так или иначе несет отпечаток человечности, то письмо человечно вдвойне. Особенно старое. Истончившееся так, что, кажется, сама душа сквозит, проглядывает сквозь написанное, когда смотришь его на свет. У меня и у самого есть такие пожелтевшие письма. Только нет и никогда не было писем от матери, она у меня умерла неграмотной…

Я, конечно, уже догадался и о том, чьи это письма лежат на столе. Давно исподтишка присматривался к ним, но в мои руки они так и не попали. Собеседница, конечно, заметила мой взгляд, но самому посмотреть, подержать, если и не почитать письма, не предложила. Напротив, на протяжении всего разговора рука ее вольно или невольно покоилась на этой тоненькой стопке с уже подкопченными временем краями.

Как там у Высоцкого? Не люблю, когда чужой читает письма, заглядывая мне через плечо?

В таком случае этот характерный мужчина пел и от лица этой характерной женщины.

— Сегодня, перечитывая письма Михаила Сергеевича, эти строчки на пожелтевших листочках бумаги — столько лет прошло! — написанные то чернилами, то карандашом, то в степи на комбайне, то в районной прокуратуре в обеденный перерыв или поздно ночью, после работы, вновь и вновь думаю не только о чувстве, которое соединило нас в юности. Думаю и о том, что наш жизненный выбор, наш жизненный путь, истоки которого в нашем детстве и юности, что он — не случаен.

Хочу привести отрывки из двух-трех писем Михаила Сергеевича. Полностью не надо, нельзя, здесь есть страницы, предназначенные только мне, — со мною они и уйдут… Да, есть

вещи, которые предназначаются только для меня, сколько бы лет ни прошло. Но кое-что я вам зачитаю. Посмотрите, на листке сохранился штампик — «прокуратура Молотовского района»…

— А я подумал, что Вы сейчас эти значки поставили.

— Ничего подобного. Эти письма никто не трогал. Просто сейчас я стала перечитывать. Да посмотрите: «прокуратура Молотовского района». И даже число: 20 июня 1953 года. Был на работе в прокуратуре и стал писать письмо на первом подвернувшемся листке.

> «…как угнетает меня здешняя обстановка. И это особенно остро чувствую всякий раз, когда получаю письмо от тебя. Оно приносит столько хорошего, дорогого, близкого, понятного. И тем более сильнее чувствуешь отвратительность окружающего… Особенно — быта районной верхушки. Условности, субординация, предопределенность всякого исхода, чиновничья откровенная наглость, чванливость… Смотришь на какого-нибудь здешнего начальника — ничего выдающегося, кроме живота. А какой апломб, самоуверенность, снисходительно-покровительственный тон! Пренебрежение к науке. Отсюда — издевательское отношение к молодым специалистам. Недавно прочитал в газете заметку зоотехника — Мовсисяна, окончившего Ставропольский сельскохозяйственный институт. Просто обидно. Видишь в этом зоотехнике свою судьбу. Человек приехал с большими планами, с душой взялся за работу и уже скоро почувствовал, что все это и всем абсолютно безразлично. Все издевательски посмеиваются.
>
> Такая косность и консерватизм…»

Прерывает чтение и говорит:

— Тридцать семь лет прошло. Думала ли тогда, что вот так буду читать? Вслух…

Говорит с такой интонацией, что у меня закрадывается опасение: чтение будет закончено? Но через минуту все же продолжает:

> — «Я беседовал со многими молодыми специалистами. Все очень недовольны. У меня по-прежнему много, очень много работы. Обычно допоздна сижу. Ночью оформляю «дневник» — короткие заметки. Потом он будет подписываться прокурором… Еще нигде здесь не был. Но, правда, негде и быть: скука. Если бы не работа…»

— Вы читаете, а я так и вижу молодого человека, попавшего сразу из столицы, из университета, с его, как Вы говорите, яростным радикализмом, с «идеями» и бурлениями прямо в глушь, в «сонное царство».

— Насчет «сонного» как сказать… На чем мы остановились? Да: «Прошу, пиши мне. Я их так жду, твои письма, всегда. С ними ты приходишь сама ко мне. А ты мне нужна здесь. Твой навсегда Михаил».

А это, — берет со стола другие листки, — письмо с поля. Работал на комбайне и писал его, видимо, с перерывами, в два или в три приема:

> «…Сейчас уже началась полным ходом уборка урожая. И уборка по своим условиям трудная…»

— Поэтому, вероятно, и карандашом, что с поля?

— Наверное. «Хлеба буйные, урожайные и к тому же уже проросшие во многом травой. Это здорово осложнило работу на комбайне. День работы на комбайне строится так. Поднимаешься задолго до восхода солнца. Проводим подготовку комбайна, технический уход. Это занимает приблизительно 3–4 часа, и косим… Косим, пока есть возможность, то есть пока сухая пшеница. Для ночной уборки есть специальный свет… Каждый день 20 часов на ногах. Да еще в жуткой пыли, на раскаленном железе. Солнце жжет нестерпимо. Сколько уже дней жара — 35–36 градусов… Доводит до того, что хочется все порвать на себе. Дышать нечем… Кончаю писать… Как я вышлю тебе письмо, не знаю… Написал семнадцатого. Когда отправлю, точно не знаю…» Ну, дальше необязательно.

— А Ваши письма к нему сохранились?

— Да разве вы, мужчины, храните письма так, как женщины? Я сберегла все — до одного… Зачитаю фрагмент еще одного письма. Та же тетрадь, тот же карандаш. Видимо, дня через два писал: «Ты спрашивала о строительстве дома… Я, правда, не могу назвать это домом. Это обыкновенная хата. Сейчас она уже покрыта черепицей, вставлены окна. В общем, пригодна для жилья. Вся беда в том, что до сих пор никак не достанем леса для полов…»

— Очень актуально!

— Да, к сожалению. Всю жизнь мы в дефицитах. Кстати, мое первое пальто купить отцу помогал кто-то знакомый из сельсовета. Но мы отвлеклись.

«Были уже даже в Сталинграде. Но все впустую. Облицовка стен произведена. Позже будет и побелка. Пока же мы еще на квартире, что имеет своим последствием ряд неудобств. Маме

особенно надоело…

Да, Раечка, я тебе не писал. У нас агрегат почти на сто процентов состоит из Горбачевых. Комбайнер — папа, Горбачев, штурвальный — я, тракторист — Горбачев Семен Григорьевич. На соломокопнителе одна девушка — Горбачева Анна Михайловна. Отвозит зерно от комбайна на машине Горбачев Василий Алексеевич. Так уже и говорят: «Горбачевы поехали». Папа, Семен и Василий — по отцам двоюродные братья… Я должен закончить письмо… Посылаю горячий привет из сферы производства в сферу интеллекта».

— Это он писал Вам домой? Вы были на каникулах?

— Нет, я была в университете. Он уехал на практику, а я что-то еще досдавала, какие-то экзамены.

В том же, 53-м году мы переехали в студенческое общежитие на Ленинских горах. Новый университетский ансамбль, строительство которого шло в 50-е и последующие годы, включал и учебные, административно-общественные помещения, и библиотеки, клубы, столовые, поликлинику, и современное, удивительно комфортабельное, как нам тогда казалось, общежитие студентов и аспирантов. Все было необычно и здорово. Каждый имел теперь отдельную, пусть и крохотную, меблированную комнатку. Душ и туалет в блоке на два человека.

Переезд в новое здание университета совпал с годами завершения учебы в МГУ. Здесь пошел уже другой этап нашей студенческой жизни. Теперь мы с Михаилом Сергеевичем всегда были вместе. Писали дипломные работы, готовились к сдаче государственных экзаменов. Много читали. Работали над «своим» немецким языком. Даже первоисточники с Михаилом Сергеевичем сами переводили. У меня была возможность вплотную наблюдать, как азартно, стремясь добраться до сути, до сердцевины, учился студент юридического факультета МГУ Горбачев.

Серьезно думали о будущем. Последние годы учебы я много болела. Перенесенная на ногах ангина осложнилась ревматизмом. Врачи настоятельно советовали сменить климат. После окончания университета я была рекомендована в аспирантуру. Выдержала конкурс и поступила. Михаилу Сергеевичу предложили на выбор: работу в Москве или аспирантуру. Но мы решили оставить все и ехать работать к нему на родину, на Ставрополье…

Задумавшись, Раиса Максимовна замолчала…

— Конечно, есть какая-то тайна. Тайна чувств и законов, соединяющих двух людей. Именно тех людей, которые становятся друг другу необходимы. И это неподвластно ни людскому суду,

ни суду науки. И хорошо, что есть что-то на свете тайное…

Мысленно возвращаясь в те годы, я вновь думаю: каким тогда, в юности, вошел в мою жизнь Михаил Сергеевич? Каким? Умным, надежным другом? Да. Человеком, имеющим собственное мнение и способным мужественно его защищать? Да. В свое время тогда же, в юности, я столкнулась — и это было одним из моих очень болезненных разочарований — с тем, что иные люди не умеют отстаивать собственное мнение, да и не имеют его. А он — человек, имеющий собственное мнение и способный его сохранять, отстаивать с достоинством. Но и это не все.

Сегодня, Георгий Владимирович, думаю вот о чем. В нынешнем яростном борении добра и зла, верности и предательства, надежды и разочарований, бескорыстия и продажности я думаю о его врожденном человеколюбии. Уважении к людям. Именно о врожденном. Это ведь не воспитывается — таково мое убеждение. Не приобретается с дипломом — ни с каким. Уважении к людям, к их человеческому достоинству… Думаю о его неспособности (боже, сколько я над этим думаю!) самоутверждаться, уничтожая других, их достоинство и права. Нет, не способен он утверждать себя уничтожением другого. Того, кто рядом.

Вижу его лицо и глаза. Тридцать семь лет мы вместе. Все в жизни меняется. Но в моем сердце живет постоянная надежда: пусть он, мой муж, останется таким, каким вошел тогда в мою юность. Мужественным и твердым, сильным и добрым. Чтобы мог, наконец, снова петь свои любимые песни, а он, повторяю, любит петь. Чтобы мог читать свои любимые стихи и смеяться — открыто, искренне, как это было всегда…

Беседа закончена. Я потихоньку раскладываю по конвертам магнитофонные кассеты и проставляю на конвертах номера: 1-й, 2-й, 3-й… Моя собеседница еще какое-то время молча сидит, отложив в сторону многочисленные, вкривь и вкось исписанные, испещренные листки и листы. Смотрит задумчиво перед собой, поднимает руку к виску. Лицо заметно побледневшее. Ее последние слова были поразительно похожи на молитву…

Мне пришлось наблюдать, как в перерывах памятного декабрьского съезда к ней не раз обращались депутаты:

— Раиса Максимовна! Зачем Вам здесь сидеть? Только душу рвать? Уж тогда лучше дома, по телевизору посмотреть.

Она, разумеется, не ушла. Уже не раз писали, что она бывает практически на всех выступлениях мужа — в стране и за рубежом. На зарубежных пресс-конференциях сидит где-нибудь в первом ряду. В стране на первые ряды, под телевизионные камеры не

садится, но в любом зале нет, пожалуй, у него более чуткого слушателя. Вся — мембрана. Но слышит не только его. Слышит и зал за своей спиной. Нелегкая судьба, особенно в России: быть на постоянном перекрестке — взглядов, слов, мнений.

Ее присутствие в зале он, думаю, чувствует, даже когда входит в спорщицкий азарт — а такого темпераментного оратора советская политическая сцена не знала, пожалуй, с ленинских времен, — когда, казалось бы, вообще никого, кроме своего конкретного оппонента, не видит.

«Тайна, неподвластная суду молвы…» Как и у всяких двоих. Просто у этих двоих аудитория — волею судеб — больше. А значит, и молва круче.

Когда американские журналисты однажды спросили у Горбачева, какие серьезные вопросы он обсуждает с женой, тот подумал и ответил:

— Все.

Не каждый бы на его месте позволил себе такую мужскую прямоту, хотя скажите откровенно: а есть ли серьезные вопросы, которые мы не обсуждаем со своими женами? Нет, конечно. Просто одни признаются в этом, другие предпочитают не признаваться, считая, что тем самым прибавляют себе в чужих глазах мужественности и самостоятельности.

Горбачев подчеркнуто рыцарственно относится к жене. Я далек от глупости считать, что это продиктовано идеями перестройки. Я не ищу здесь связи. Я просто вижу здесь символ. Знак. Хотя в России отношение к женщине, особенно к собственной жене, тоже может быть фактом перестройки и даже требовать от человека известной смелости. По крайней мере, в той России, которую сам я лучше знаю, потому что родился и вырос в ней, — нравы Запорожской Сечи в моей России пока ох как живы.

Она позволяет себе индивидуальность, что выражается прежде всего в чувстве собственного достоинства. Он же к этому чувству относится с неизменным, без нажима, уважением. Такое уважение, похоже, входит в некий кодекс чести, которому он следует с завидным самообладанием даже в тех ситуациях, когда другой давно бы сорвался в истерику. Будь я посмелее, я бы сказал, что в отношениях двух этих людей, вышедших, что называется, «из народа», есть некий аристократизм, который мне, впрочем, неоднократно доводилось наблюдать и в хороших, основательных крестьянских семьях. Назовем это интеллигентностью — применительно к нашему конституционному строю.

«Спасибо! — прочитал в одном из писем, адресованных

Р. М. Горбачевой. — Благодаря Вам — и Вам в том числе — меняется образ советской женщины в стране и в мире. К ней возвращается достоинство…»

Горбачев платит своему народу чужие многолетние долги, в чем, возможно, и состоит его главная драма. В том числе платит и по векселю «человеческое достоинство».

…На прощание похвалил ее дочку, с которой познакомился, — еще и потому, что сам, грешен, определяю людей, хорошие или плохие, по одному, главному признаку: по тому, как относятся они к моим детям.

— Спасибо, — сказала она. — А хотите, расскажу одну забавную историю? Когда родилась первая внучка, мы с мужем приехали к Иришке в роддом. Заходим в вестибюль, я говорю нянечке: «Открывайте дверь пошире — бабушка приехала!» Нянечка открывает, а сама заглядывает мне за спину: «А где же бабушка?»

Карие глаза блеснули лукавством.

— *Вот видите. А говорите — диета.*

— Так это же давно было! — улыбнулась, поднимаясь из-за стола…

Что касается последнего Съезда, о котором шла речь, то он закончился в пользу Президента. После первого дня ход Съезда переломился, и, не покинув его, моя собеседница стала свидетельницей не только труднейших, драматичных минут Президента, но и минут преодоления драмы. Причинно-следственные связи здесь неимоверно сложны, но мне кажется, право же, что самое обыкновенное человеческое мужество, верность и терпение тоже достойны вознаграждения.

Нет пророков в своем Отечестве. И чтобы завершить заключительную тему этой главы, приведу одну цитату.

> «Позвольте мне, господин Генеральный секретарь, поблагодарить Вас за оказанное нам гостеприимство и пожелать здоровья Вам с госпожой Горбачевой, чье присутствие рядом с Вами создало о Вашей стране новое представление — обаяния и культуры. И моей супруге, и мне самому особенно приятно видеть ее здесь…
>
> *Франсуа Миттеран».*

Экзамен жизнью

— Раиса Максимовна, предыдущая наша беседа заканчивалась на том, что Вы отказались от аспирантуры и выбрали Ставрополь…

— Да, оставила аспирантуру, хотя уже выдержала конкурс, уже поступила. Михаил Сергеевич тоже отказался от Москвы. Мы выбрали Ставрополь, его родину…

Ставрополь… Говорят, для каждого сердца Отечество — его малая родина, место, где человек родился, вырос. Представляете, какая «малая» родина в таком случае у меня? Весь Советский Союз: столько переездов, столько перемен мест жительства было в детстве. А для Михаила Сергеевича малой родиной является, конечно, Ставрополье…

Что мне хотелось бы сказать о Ставрополье? Удивительный край! Край щедрого солнца, пшеницы, садов. Чего стоит один подсолнечник, который в течение дня поворачивает голову вослед горячему солнцу. Край изумительных гор и степей. Степи полны запахов. Чем пахнут степи на Ставрополье? Вы, Георгий Владимирович, должны бы это знать, помнить.

— У *меня на родине летом они пахнут полынью.*

— Да, но еще и чабрецом. Степи, пахнущие полынью и чабрецом. А кроме того, край живительной, целебной воды — минеральных источников, редчайшего сочетания бурунов песка полупустыни и ледников гор. Если Вы были в Кисловодске, наверняка видели высеченные на камне слова Лермонтова: «Как сладкую песню Отчизны моей, люблю я Кавказ».

Сюда, в Ставрополь — центр этого края, — после окончания университета молодыми специалистами, полными планов и надежд, и приехали Михаил Сергеевич и я. Здесь — начало нашего трудового пути, вхождения, если хотите, в новые слои жизненной атмосферы.

Вы спрашивали, Георгий Владимирович, как я восприняла Ставрополь после Москвы.

И Москва, и Ставрополь — города. Но какие разные! Говорят, первое впечатление о человеке самое сильное. Не знаю, как о человеке, но о городах это сказано очень точно. У меня в памяти навсегда осталось именно первое впечатление.

Ставрополь поразил меня своей зеленью. Половодьем зелени. Город был словно одет в роскошные одежды зелени. Пирамидальные тополя, каштаны. Сколько каштанов! А еще — ивы, дубы, вязы. Сирень. И цветы, цветы. Осенью весь этот наряд придает городу прекрасный багряно-золотой, трогательно-

нежный облик. Образ города в эти дни — образ самой осени. Лучшей осени я нигде не встречала и вообще считаю, что осень — коронное время года на Ставрополье. Если в детстве я полюбила весну, уральскую весну с ее журчащими ручьями, с разливами, то на Ставрополье полюбила осень. Здесь весна быстротечна, зато осень долгая, красочная, теплая.

Поразил меня краевой центр и какой-то особой размеренностью и тишиной. Площадь, улицы и дома как будто хранили дух прапрапрадедов: русских, казаков, пришедших сюда двести лет назад.

Да, когда говорила о зелени, забыла о такой детали. Пораженная в первые дни ее красотой и обилием, я лишь потом узнала, что красота эта — «хобби» города, добрая давнишняя традиция ставропольчан, я потом и сама с удовольствием участвовала в его озеленении.

— *На Ставрополье каждый городок «возделывают», как сад.*

— Даже фильм был: «Самый зеленый город России». О Ставрополе. Я помню этот фильм. А второе, что поразило, — размеренность жизни и патриархальная тишина краевого центра — центра такого огромного региона страны. Это была размеренность пешего шага. Да-да, проблем транспорта, «часа пик» в те времена в Ставрополе не существовало. На работу, в магазин, в баню, парикмахерскую, поликлинику, на рынок — всюду можно было добраться пешком. Асфальтированы только центральная площадь и несколько улиц. Лишь отдельные административные здания города и жилые дома имели центральное отопление. Питьевую воду брали из водопроводных колонок. А в самом центре, напротив пединститута, красовалась лужа. Круглый год — не проедешь, не пройдешь. Чем тебе не Миргород! Конечно, сегодня Ставрополь стал уже другим.

Более трех десятилетий прошло. Современная промышленность, новые научные, учебные, культурные центры, почти в два раза выросло население. В два раза! Уже одно это, конечно, изменило и содержание, и ритм жизни города, изменило его лицо. Тогда же для центра огромного региона России, в состав которого в те годы входила не только Карачаево-Черкесская, но и Калмыцкая автономная область, Ставрополь был даже чересчур провинциальным.

Кинотеатр «Гигант» — разумеется, «Гигант», в каждом таком городке тогда непременно было по «Гиганту», — Драматический театр имени Лермонтова, репертуар которого мы до дыр изучили в течение двух-трех месяцев. Я смотрела в этом театре все подряд, знала все, что поставлено. Краевая библиотека, филармония, краеведческий музей, еще два кинотеатра — «Октябрь»,

«Родина», — несколько клубов и киноустановок. Вот и все культурные заведения.

— Вы приехали в Ставрополь со столичным университетским образованием. По тем временам это была редкость. Как смотрели на Вас товарищи по работе? Как складывались отношения на службе?

— А никак.

— Не понял, Раиса Максимовна.

— А что понимать: устройство на работу оказалось для меня проблематичным… В первые месяцы в Ставрополе я просто не могла найти работу! Потом полтора года работала не по специальности. И два года по специальности, но — на птичьих правах. С почасовой оплатой или на полставки, с периодическим увольнением по сокращению штата. Вот так. «Человек со столичным университетским образованием». «Нетипичное по тем временам для Ставрополья явление…» Да. В сущности, четыре года не имела постоянной работы.

— Почему?

— Думаю, по двум причинам. Насколько мне известно, в те годы в стране вообще сложно было с трудоустройством специалистов с высшим гуманитарным образованием. Я знала, например, что в том же Ставрополе тогда приблизительно 70 процентов учителей работали на неполной ставке. Но не менее важна, на мой взгляд, и вторая причина.

Да, специалистов с университетским образованием, тем более окончивших МГУ, в городе в то время практически не было. Точно не знаю, поэтому подчеркиваю слово «практически». Ну, может быть, 2–3 человека. На кафедрах вузов, где могла быть использована моя профессиональная подготовка, соответствующие дисциплины преподавались людьми, имеющими педагогическое — очное или зачастую заочное — образование. Как правило, это были выпускники своего же, Ставропольского пединститута. Я не ставлю под сомнение профессионализм всех их. Работая позднее в этой среде, я встречала людей, кто вел большие научные исследования, был способен к ним, читал прекрасные лекции, пользовался заслуженной любовью студентов, отдавал педагогике всего себя. Но как много было и тех, кто просто не мог, да и не хотел заниматься ни научно-исследовательской, ни педагогической, ни методической работой! Не хотел и не мог. Не был способен. Эти люди читали чужие, кем-то и когда-то подготовленные лекции, использовали чужие материалы, с заметным трудом выговаривали философские категории и понятия. С трудом, с грехом пополам. Но для института это были «свои» люди: знакомые, прижившиеся,

удобные. Даже — выгодные. А оплата труда у нас ведь стабильная — за должность, за звание, но не за количество и тем более качество выполняемой работы.

Мне приходилось сталкиваться с людьми, кто вообще не мог читать лекции, однако получал доцентские ставки. Получал, а лекции за них читали другие. Конкурсы на замещение вакансий, как правило, проводились формально. Институт стремился сохранить своих людей. К тому же приглашенные со стороны специалисты обычно нуждались в квартире. А где ее взять? В любом коллективе своих очередников хоть отбавляй. Даже если студенты были недовольны уровнем лекций, семинаров — ничего страшного. Они ведь все равно обязаны посещать занятия, независимо от того, устраивают их эти занятия или нет.

Уровень преподавания, сама система, структура обучения сказывалась, конечно, на подготовке специалистов во всей стране, а не только на Ставрополье. В вузах ведь все было регламентировано. Все, что можно и даже что нельзя. Соотношение студентов и преподавателей, штатное расписание, нагрузка, часы по различным дисциплинам. Число научных сотрудников, преподавателей института всегда определялось количеством набора студентов, подготавливаемых специалистов. Выгодно было больше принять абитуриентов и выпустить ровно столько, сколько ты их набрал. Иначе — несоответствие. Иначе — надо «сокращаться». Только этим и можно объяснить некоторые эпизоды в моей преподавательской практике, об одном из которых хочу Вам рассказать.

Студент-заочник делает третью попытку сдать экзамен. Беседую с ним, пытаюсь услышать ответ хотя бы на самые простые, элементарные вопросы. Добиваюсь от него, что же такое философия? Увы, все мои усилия тщетны. И вдруг, когда я уже совсем выбилась из сил, он с состраданием говорит мне: «Раиса Максимовна, мне так Вас жаль». «Вам, меня?!» — изумляюсь. «Ну что Вы так волнуетесь?! Время теряете. Третий раз приходите. Я же всем так сдаю. Все предметы так сдаю. Правда, все ставят мне «три», и я пошел. И все спокойны. Какая разница?!» — спрашивает меня.

И что же Вы ему поставили?

— Тоже «три» — взяла грех на душу: не первый и не единственный раз.

Вообще я рада, что мы сегодня серьезно задумались над бедами, накопившимися у нас в сфере образования, во всей системе обучения — общеобразовательной, профессионально-технической, среднеспециальной, высшей. Ищем пути к ее демократизации, к совершенствованию всех ее звеньев,

улучшению качества обучения и подъему престижа высшего образования в стране. В самом деле — столько формализма! Готовили специалистов неизвестно для чего. Сколько дипломов наплодили! Много раз я сама говорила в институте: зачем мы даем диплом человеку, не подготовленному ни профессионально, ни в общекультурном плане? Приходя на работу с дипломом, он требует тех же прав, что и человек, действительно образованный, действительно специалист, позарез нужный делу. Ведь получается порочный круг — воспроизводство ненужности.

В этой сфере необходимы крупные изменения. Хорошо, что они уже начались. Возьмите последние решения Президента о предоставлении автономии высшим учебным заведениям. Все это — шаги поиска, совершенствования доселе косной системы. Был, конечно, и опыт, традиции, завоевания, но и косности порядком поднакопилось.

— *Раиса Максимовна, вернемся все-таки к Ставрополю.*

— Извините, не удержалась, увлеклась. Тема высшего образования — профессиональная боль… Ставрополь… Михаил Сергеевич приехал сюда из Москвы в год окончания университета, несколько раньше меня. Приехал с дипломом юриста в распоряжение краевой прокуратуры. Однако проработал там всего десять дней. Писал мне: «Нет, все-таки не по мне служба в прокуратуре… Встретил товарищей по прежней работе в комсомоле». В другом письме: «…с учетом моего комсомольского опыта работы в школе и в университете меня приглашают на работу в крайкомол. Ты знаешь мое отношение к комсомольской работе». И дальше: «Был длинный, неприятный разговор с прокурором края». В новом письме: «Со мной еще раз побеседовали и, обругав кто как хотел, согласились на мой уход в крайком комсомола». Следующая фраза: «Меня утвердили в должности заместителя заведующего отделом агитации и пропаганды».

Кстати, прокурором края тогда работал В. Н. Петухов. Тот самый, с которым у Михаила Сергеевича был «длинный, неприятный разговор». Петухов — человек незаурядный. Почти 50 лет посвятил прокурорско-следственной работе. Написал немало интересных очерков, связанных с этой работой. Две свои книги, изданные в 1970 году и 81-м, передал с дарственными надписями Михаилу Сергеевичу. И написал письмо, которое я Вам тоже сейчас процитирую: «Сегодня я с огромным удовлетворением думаю о том, что поступил тогда правильно, не встав на Вашем жизненном пути».

— *Дальновидный был человек!*

— Зарплата Михаила Сергеевича составляла тысячу рублей в

месяц — «старыми», как принято называть, деньгами.

— *Формально — сто рублей «новыми».*

— За вычетом налогов, членских взносов во всевозможные организации оставалось 840 рублей. До сих пор помню — ведь эти деньги, учитывая мою длительную «безработность», долго были единственным источником нашего существования. Не считая продуктовых посылок, которые иногда передавали нам из села родители Михаила Сергеевича. Большим помочь они не могли — не было возможности.

Работая в комсомоле, Михаил Сергеевич часто бывал в командировках по краю. И вот в одном из таких «командировочных» писем он писал мне…

— *Писал письма из командировок по краю?*

— Да, а что ж тут удивительного?

— *Сейчас, по-моему, даже из загранкомандировок женам не пишут. А тут — из командировки пи краю.*

— Смотря какие мужья. Так вот, в одном из писем писал мне следующее: «…сколько раз я бывало приеду в Привольное, а там идет разговор о 20 рублях: где их взять, притом что отец работает круглый год, день и ночь. Меня просто захлестывает обида. И я не могу (честное слово) удержать слез. В то же время думаешь: а они ведь живут еще неплохо. А как же другие?.. Очень много надо еще сделать. Как наши родители, так и тысячи таких же, заслуживают лучшей жизни…»

— *В этих строчках мне почудилось что-то от районных будней» Овечкина…*

— Он жадно вглядывался в жизнь, как будто хотел наверстать время, проведенное на учебе в Москве. Ему не давали покоя раздумья, у него была постоянная потребность высказаться — еще и этим, наверное, продиктованы его многочисленные письма из командировок ко мне. В самом деле — как очерк районных будней.

Жизнь в те годы была не такой уж дешевой. Если иметь в виду наши восемьсот рублей. Двести рублей каждый месяц мы платили за квартиру, за маленькую частную комнатку, которую снимали.

— *А где снимали?*

— Я покажу сейчас Вам дом, а Вы сами догадайтесь, где он стоит, раз тоже называете себя ставропольчанином.

В пакете заранее приготовленных фотографий отобрала маленькую любительскую карточку. Карточка уже изрядно выцвела. На первом плане деревья — в Ставрополе, куда ни наведи фотоаппарат, на первом плане окажутся деревья, — а за

ними сквозит типичный ставропольский «частный» дом из местного же известняка. Я сам когда-то снимал угол в таком. Даже в мои времена, в конце шестидесятых, три четверти Ставрополя были застроены такими домами, густо обвитыми хмелем и вьющимся виноградом. Поди угадай, где стоит этот: на Осетинке, на Тагиле или на Нижнем базаре?..

— И все же я, наверное, плохой ставропольчанин, Раиса Максимовна. Или слишком давно уехал из Ставрополя — в 1973 году. Не узнаю улицу. Давайте назовем адрес.

— А надо ли? Дом стоит и сейчас. Нужно ли привлекать к нему внимание, смущать покой живущих там людей, родственников бывших наших хозяев. Нет, лучше расскажу Вам подробнее о комнатке, которую мы там снимали, — она буквально встает перед глазами.

— Ну, если Вы так считаете…

— В ней с трудом умещалось даже наше тогдашнее «состояние». Кровать, стол, два стула и два громадных ящика, забитых книгами. В центре комнаты — огромная печь. Уголь и дрова покупали. Еду готовили на керосинке в маленьком коридорчике.

Были у нашей «квартиры» и преимущества. Комнатка светлая, целых три окна — и все выходили в сад. А сад большой, красивый. И были хорошие, добрые хозяева — я это тоже отношу к достоинствам квартиры. Старые учителя-пенсионеры. Дедуля, в отличие от жены и дочери, суров и малоразговорчив. И только выпив, в «нетрезвом виде» учил меня, что «надо трезво смотреть на жизнь».

Здесь, в этой комнатке, в ночь под православное Рождество 6 января 1957 года родилась наша дочь Иринка. В роддоме в медицинском паспорте записали: «Вес при рождении 3 килограмма 300 граммов. Рост 50 сантиметров. Вес при выписке из роддома 3 килограмма 100 граммов. Здоровая». Запись эту помню наизусть, а в те счастливые дни она для меня вообще звучала, как музыка.

В том же году благодаря усилиям коллег Михаила Сергеевича мы получили «государственную квартиру». Она была в доме, два верхних этажа которого при строительстве спланировали как жилье. А нижний, первый — под служебные помещения. Но из-за трудностей с жильем и они постепенно также превратились в жилые. Наша «двухкомнатная» квартира — в недавнем прошлом кабинет с приемной — была последним павшим бастионом. Точнее, для кого-то, для какой-то конторы павшим, а для нашей семьи — обретенным. В результате весь этаж стал огромной

восьмиквартирной коммуналкой с общей кухней в конце коридора и с общим туалетом.

— То есть Вы пожили и в коммуналке?

— Да. Здесь жили демобилизованный подполковник, механик швейной фабрики, сварщик газопровода, сантехник… Все это были люди с семьями. И четыре женщины-одиночки: две жили вместе, а две занимали по комнатке. И мы с Михаилом Сергеевичем — впервые в жизни в собственной квартире.

Это было маленькое государство с очень разными и очень суверенными субъектами, если применять современную терминологию. Государство со своими неписаными, но понятными для всех законами. Здесь работали, любили, расходились, выпивали по-русски, по-русски ссорились и по-русски же мирились. Вечерами играли в домино. Вместе отмечали дни рождения. Пренебрежение в отношениях и высокомерие исключались полностью. Это был какой-то непосредственный, естественный, человечный мир…

Михаил Сергеевич подшучивал надо мною. Самое интересное, что он уже тогда употреблял сегодняшний наш парламентский сленг. Писал в одном письме — а письма мне он писал так часто еще и потому, что у нас не было телефона, да и вообще времена были еще «нетелефонные» — «Дипломатические отношения с суверенными единицами должна поддерживать ты. Надеюсь, не без гордости будешь проводить нашу внешнюю политику. Только не забывай при этом принцип взаимной заинтересованности».

— Ну что ж, сформулировано современно!

— Здесь, в этом доме, я познакомилась с людьми, с кем поддерживала добрые отношения все годы нашей жизни на Ставрополье. Среди них Зоя Васильевна Каретникова — жена подполковника. Человек нелегкой личной судьбы, но щедро одаренный. Переехали они в Ставрополь из Львова по состоянию здоровья мужа — Петра Федоровича. Сегодня его уже нет — пусть земля ему будет пухом.

Зое Васильевне в свое время в связи с профессией мужа-военного не удалось окончить институт — она училась в геологическом. Сама москвичка. У нее были золотые руки и природный художественный вкус. Должна Вам сказать, что никаких спецателье, так же как и спецмагазинов, у нас на Ставрополье не было. Зоя Васильевна двадцать лет шила и перешивала все мне и моей семье. Двадцать лет я дружила с этой женщиной. Была ее верной, постоянной клиенткой.

— Насколько я понял, Вы шили у нее и когда уже были женою первого».

— Да.

— *Ставрополь — относительно небольшой город, и мне приходилось слышать, что жена у первого секретаря — модница.*

— Это только подтверждает, что у Зои Васильевны были действительно золотые руки.

— *Это и было Ваше спецателье?*

— Можно считать так. Здесь же я познакомилась с Ксенией Михайловной Ефремовой — работницей швейной фабрики. Ее жених погиб в финскую войну. И она так и осталась одинокой. Я не знаю, конечно, доведется ли когда-нибудь моим давнишним соседкам и добрым помощницам прочитать эту книжку. Но я хочу каждой из них сказать спасибо. Спасибо и Ксении Михайловне за помощь в трудные дни моей жизни, когда я работала, писала диссертацию, ездила в длительные командировки и когда много болела моя дочь…

Вышли мы все из народа… Где-то в начале семидесятых услыхал неожиданное продолжение цитаты: да как нам вернуться в него? Отношения между «вышедшими» и средой, «народом», из которого они вышли, бывают весьма непростыми. Как часто доминантой в них становится едва ли не полное взаимное отчуждение. Одни не хотят, чтоб им напоминали, откуда есть, пошли они, большие начальники или жены больших начальников. Другие — другие безошибочно чувствуют это нежелание.

Почему-то не сами начальники, а именно жены больших начальников чаще всего и «не желают»…

В этом случае все иначе. Я давно обратил внимание на эту способность без натуги, но и без заискивания понимать и принимать мир, откуда и сама она родом. Естественность в отношениях с ним и чувство некоей извечно присущей русской интеллигенции обязательности перед ним. Я не призываю вас умиляться этим, просто прошу отметить в памяти на будущее «однокоммунальщиков» пятьдесят седьмого года. Как часто ведь по мере нашего продвижения «вперед и выше» мы вышагиваем из старых друзей, как из старых одежд.

— Работа означала для меня не только зарплату. Она была и делом, без которого я бы считала свою жизнь несостоявшейся. Студенческие лекции, семинары, научно-теоретические конференции, собрания, диспуты — сколько сил, времени, душевного напряжения и даже бессонных ночей требовали они! Но они многое и давали мне самой. Давали ни с чем не сравнимое чувство морального удовлетворения.

А споры, дискуссии во внеучебное время: в студенческом

общежитии, на колхозном поле, куда мы, преподаватели и студенты, ездили на уборку кукурузы, винограда и картошки! И даже у меня на квартире, где тоже бывали мои студенты. Обсуждали все: новые театральные постановки, новые фильмы, события в жизни института, края, страны. До хрипоты спорили, разумеется, и о смысле жизни — что же за студенческий диспут без этого «гвоздевого» вопроса. Словом, дискутировали обо всем, начиная с извечных человеческих проблем.

Цветы, которые дарили мне в жизни студенты, письма, которые они присылали мне, давно уже став самостоятельными, семейными и даже немолодыми людьми, — это самые дорогие для меня подарки. Точно так дорожу и их оценками, строгими, но справедливыми — и меня самой, и моей работы…

Хорошо помню свою первую в жизни прочитанную в большой аудитории лекцию. Это было еще в Москве, в студенческие годы. По путевке общества «Знание» читала лекцию в заводском Доме культуры. В объявлении после лекции значились танцы. Такова была традиция. Народу собралось прилично, в основном молодежь — я так думаю, именно в предвкушении танцев. Поднялась на трибуну, к микрофону, в руках листки написанной лекции…

— *Наподобие тех, что Вы держите сейчас?*

— Ну что Вы — все было очень чинно и тщательно… Итак, поднялась на трибуну, посмотрела в зал и вдруг в первом ряду слушателей увидела деда с огромной седой бородой. Помню его до сих пор! И я… испугалась. Тема моей лекции была «Сон и сновидения в свете учения И. П. Павлова». Готовилась к ней честно, обстоятельно поработала в Ленинской библиотеке. Но, видимо, все же чувствовала уязвимость и своих знаний, и излагаемых теоретических положений. И еще — «уязвимость» собственного возраста перед лицом этого всеведущего старца, который сам, я думаю, мог бы прочитать лекцию о «сновидениях». Читала, не отрываясь, страницу за страницей и с ужасом ждала реакции. Нет, не зала, а деда. «Колдуна». Но, Вы знаете, стояла тишина. Ни одного звука, ни одной реплики. И — ни одного вопроса ни в ходе лекции, ни после нее. Дед тоже безмолвствовал. Видимо, и ему, и аудитории все было абсолютно ясно. Или он тоже ждал с нетерпением танцев? А скорее всего, — улыбается она, — аудитория почувствовала состояние юного лектора и сжалилась над ним.

Хочу пояснить своим американским читателям, что такое общество. Знание». Цель его — распространение научных и политических знаний среди населения. И хотя первое поручение этого общества я — считаю — выполнила не очень-то удачно, но

связь с этой организацией, продолжавшаяся у меня долгие годы, была для меня и полезной, и очень интересной.

— Почему же неудачно? Ни одного вопроса — так доходчиво объяснили…

— Я же сказала, что отношу это на счет танцев. А вообще на Ставрополье я входила не только в состав лекторской группы этого общества, но и в президиум его краевой организации. Что дало мне возможность войти в круг, познакомиться с очень разными представителями научной, творческой интеллигенции Ставрополья: с учеными и поэтами, писателями, артистами, врачами, композиторами, художниками, педагогами. Многих из них я хорошо знала и часто встречалась с ними.

Запомнилась мне и первая лекция в качестве преподавателя вуза. Это было в Ставрополе, в медицинском институте. Лекция по истории философии. Случилось так, что в тот день «в порядке обмена опытом работы преподавателей общественных наук города», как формулировалось официально, а по правде сказать — с целью проверки кафедры из-за каких-то возникших в коллективе неурядиц и склок сюда нагрянула представительная комиссия. В ней были заведующие кафедрами города и самые известные тогда в Ставрополе обществоведы.

— И это совпало с Вашей первой лекцией?

— Да. В принципе они пришли не ко мне, а в институт, на кафедру. Кафедра была довольно значительной. Но заведующая кафедрой почему-то сочла наилучшим выходом отправить всю эту многочисленную комиссию именно на мое занятие. Хотя я еще только начинала работать в институте. Волновалась я ужасно!

Вообще, память у меня была хорошая. И я свои лекции «перед лицом аудитории» — такое выражение бытовало среди преподавателей — практически никогда не «читала», то есть не зачитывала с листа. Лишь иногда по ходу изложения темы проверяла отдельные цитаты, изречения, цифры. Ведь Вы же знаете, что лектор работает дважды. Первый раз — работа за письменным столом, подготовка лекции. Так вот, этот первый этап позволял мне потом совершенно свободно чувствовать себя и на втором этапе — за кафедрой, в аудитории. Видеть лица, слушать своих студентов, наблюдать их реакцию, при необходимости на ходу что-то уточнять, дополнять, повторять или перестраивать изложение.

Но тогда, на первой учебной лекции в студенческой аудитории у меня, конечно, совершенно не было опыта. Не было ощущения временного объема материала, то есть величины количества, необходимого материала для двух- или, как требовалось в том конкретном случае со мной, трехчасовой

учебной лекции. Не был выработан оптимальный темп речи. Это ведь тоже важно для преподавателя. Не было «запасных» тем для диалога с аудиторией на случай, если лекция завершится раньше: все это пришло только со временем, с опытом педагогической работы. Да, забыла сказать: аудитория была весьма солидной — человек 200. В общем, свою первую лекцию я закончила за тридцать минут до звонка. Эти полчаса! Я не знала, куда их девать и куда деваться самой — и от студентов, и от комиссии!

После лекции — ее обсуждение. А что обсуждает комиссия: достигнута ли цель лекции, правильно ли выделены узловые проблемы, удалось ли лектору связать развитие философии с достижениями естествознания и т. д.

И вдруг заведующий кафедрой сельскохозяйственного института задает вопрос: «Простите, а как давно Вы читаете лекции?» Отвечаю — ни жива ни мертва: «Это моя первая лекция».

Чтоб Вы полнее увидели всю тогдашнюю картину, опишу Вам, что я представляла из себя перед маститыми профессорами и грозной комиссией. Пятьдесят килограммов веса, зеленое платьице, вот здесь, — трогает себя за ключицы, — галстучек. Знаете, в первые годы работы я старалась надеть на себя больше одежды, чтобы выглядеть взрослее и солиднее. Весомее. Да и в детстве еще мама меня за это гоняла. Надену, надену на себя — все, что есть. «Это что такое?! — ругалась мама. — Ну-ка, распаковывайся!» И в институте старалась как можно больше надеть на себя — кофты, свитера, чтоб тоже выглядеть более «мощно», что ли. Мода тогда такая была — девушки в духе Дейнеки…

«Говорите, первая лекция?» — заведующий кафедрой встал. «Стыдно, коллеги», — сказал и вышел.

На следующий год он взял меня на работу к себе в институт. Сам ушел на полставки, предложил это сделать еще одному из преподавателей кафедры, который тоже был уже в приличном возрасте. И на освободившуюся ставку зачислил меня. Помню, на кафедре он часто повторял модное тогда выражение Н. С. Хрущева: «Мы едем с ярмарки, дорогие друзья». И добавлял: «И мы должны помочь молодому специалисту». И шутливо показывал на меня. Так я стала на кафедре собирательной фигурой молодого специалиста — и, естественно, старалась не подвести заведующего. Выкладывалась сполна. Но вскоре его не стало. Умер он неожиданно.

— Имя, отчество его не вспомните!

— Почему же? — удивилась она. — И имя, отчество и фамилию — Николай Иванович Хворостухин. Умер от рака. Он, к

большому сожалению, умер, а меня вскоре отчислили с кафедры по сокращению штатов.

— *Ну и поворот!*

— Поворот, увы, типичный. Сколько всего доброго держится зачастую на одном-единственном добром человеке!

За долгие годы моей профессиональной работы я, честно говоря, так и не привыкла к лекции — в том смысле, что она так и не стала для меня какой-то заурядной, повседневной обязанностью. Каждая лекция — экзамен. Всегда волновалась, начиная читать лекцию, особенно в новой аудитории. Спокойствие, уверенность приходили только тогда, когда чувствовала, что установлен контакт, что вызван интерес слушателей, что я привлекла их внимание.

В силу специфики предмета, который преподавала — философию, — и характера моей научно-исследовательской работы, связанной с социологией, тематика моих лекций была очень разнообразной.

Скажу без похвалы: иногда мои собеседницы, почему-то именно собеседницы, женщины, удивляются, откуда мне известны те или иные научные сведения, подчас из сфер, очень далеких друг от друга. А это просто-напросто дала мне моя профессия, связанная с широким кругом знаний. Та же диалектика предполагает знакомство с естествознанием, физикой, химией, общими законами их развития. А исторический материализм? Чрезвычайно много дали мне занятия конкретной социологией. И потом — я ведь вела не только студенческие курсы. Читала лекции аспирантам, слушателям вечернего университета, куда приходили уже люди зрелые, умудренные опытом жизни, с квалификацией, — азами, азбучными истинами от них не отделаешься.

Тематика лекций, повторяю, была очень разнообразной: от истории философии, гегелевской «Науки логики», кантовских антиномий, ленинской теории отражения, методов и форм научного познания, проблемы сознания до роли личности в истории, структуры и форм общественного сознания, современных социологических концепций, философских течений в зарубежных странах и т. д.

Конечно, сказывались и условия периферии, недостаток специалистов в вузах. Попытки более узкой специализации и на кафедре — в преподавании философии, — ив тематике публичных лекций, выступлений нам не удавались. Не удавались в основном из-за нехватки специалистов. Приходилось быть и «жнецом», и «швецом»… Научный работник больших центров, таких, как Москва, Ленинград, обычно читает всего несколько тем

— то, чем занимается в своей научной деятельности. А в периферийном вузе к тебе без конца обращаются с просьбами о чтении то одной, то другой лекции самой разной направленности. Особенно к молодым. Тех, кто постарше, на такие дела зачастую уже не поднять. Вот и «выезжают» на молодых. И я была в числе тех, на ком «ездят»: вела, помимо основных своих дисциплин, этику, историю атеизма и религии. Недолго, правда, но вела. Но нет худа без добра. В шестидесятые годы в моей библиотеке, а еще точнее, в моей жизни появились Библия, Евангелие, Коран… Как я их доставала! Какими причудливыми путями! Но они у меня уже тогда были, уже тогда я их читала. И тогда же впервые серьезно задумалась о вере, веротерпимости, о верующих и церкви.

Чрезвычайно важную роль в моей профессиональной судьбе сыграло увлечение социологией. Как наука социология в нашей стране практически перестала существовать где-то в тридцатые годы. Оказалась — я здесь тоже хочу быть точной, ибо это важно — «ненужной», а может быть, даже «опасной» в условиях формирования командно-бюрократической системы. Социология воплощает то, что мы называем «обратной связью», — уже поэтому система команд ей органически чужда. Так же, как и она этой системе.

Возрождение социологии началось в самом конце пятидесятых, а по существу — в начале шестидесятых годов. Началось медленно, трудно, весьма противоречиво. Наука об обществе, различных его социальных структурах, общностях, их взаимодействии, социология столкнулась с трудностями жизненных реалий 60–70-х годов, с догматизмом и начетничеством теоретической общественной мысли. И все же многими, в числе их оказалась и я, была воспринята как совершенно необходимое общественной науке явление, как средство преодоления разрыва между теорией и практикой.

Занятие социологией открыло для меня мир новых общественных концепций, многие имена талантливых ученых-философов, экономистов, социологов как нашей отечественной, так и зарубежной науки. Познакомило с замечательными людьми — первыми социологами страны, энтузиастами своего дела, преданными этому делу и верящими в него. Судьба этих людей оказалась непростой. Потребовались силы и мужество, чтобы выдержать сопротивление новому и даже его подавление в 70-х и начале 80-х годов — в то время, которое позднее назвали «застоем».

— Слишком часто социология говорит нам не очень приятные вещи, не укладывающиеся в официозную доктрину.

— Да, — произносит она раздумчиво. — Считаю очень важным, что предметом моего социологического изучения стало именно крестьянство. Деревня России, откуда все наши корни, вся наша сила, а может быть — и наша слабость. Важным для моего становления как молодого ученого, как личности. Наконец — для формирования моих жизненных позиций. Немаловажно и то, что изучение крестьянства, его реального положения шло на материалах Ставрополья — традиционного района сельскохозяйственного производства страны.

Для изучения жизненных процессов села нами тогда использовались все возможные методы и формы исследования. Статистика, различного рода документы, архивы, анкетирование, интервью… Знаете, мною лично в те годы было собрано около трех тысяч анкет! К тому же я и сама в известной степени находилась «внутри» процессов, событий, происходящих на селе. Не чувствовала себя посторонней. Бывая в колхозах, посещала дома колхозников, бригады, фермы, школы, библиотеки, магазины, медицинские, детские дошкольные учреждения, дома для престарелых.

— *Дома для престарелых?*

— А как же! В селах уже тогда у нас появились первые дома для престарелых. В Григориполисском, например.

— *Я помню Григориполисское. Там был и детский дом. Некоторое время в Григориполисском детдоме воспитывался мой самый младший брат. Я бывал у него. Это тоже было в шестидесятых.*

— Видите, мир тесен… Бывала и в домах для престарелых, очень хорошо знаю их тогдашнюю реальную обстановку. Но это — особая тема. И не просто посещала. Чем могла, помогала. Читала лекции, проводила тематические вечера. А сколько встреч было с сельской интеллигенцией! Какие это беззаветные труженики в подавляющем своем числе — сельские интеллигенты! Особенно, если учесть условия, в которых они живут, и возможности, которыми они располагают.

Выступала я и на краевых совещаниях, научных конференциях, семинарах с конкретным анализом, рекомендациями, предложениями по изменению, улучшению тех или иных сторон жизни села.

Непосредственным предметом моих личных исследований, по материалам которых я потом защищала кандидатскую диссертацию, была крестьянская семья. Ее материальное положение, быт, культурно-духовные запросы, характер взаимоотношений в семье. Но вместе с другими научными сотрудниками из Ставрополя и Москвы я проводила и

комплексные социальные исследования колхозов края — экономика, трудовые ресурсы, организация оплаты труда, условия быта и отдыха, структуры и функции управления.

Не все у нас, конечно, получалось как надо. Тем не менее наша работа, скажу без преувеличения, стимулировала в крае не только профессиональные интересы научных сотрудников, но и поиски специалистов, руководителей колхозов, совхозов. Институт стал получать от различных хозяйств, предприятий заказы на разработку на договорной основе планов социального развития того или иного трудового коллектива. Наша кафедра многое сделала в этом направлении и продолжала (я это знаю) разрабатывать его и после моего отъезда в Москву.

Практика конкретных социологических исследований, в которых я участвовала в течение многих лет, подарила мне и встречи с людьми, пронзительные, исполненные потрясающей психологической глубины картины, реалии жизни, которые я никогда не забуду. Сотни людей, опрошенных мною по самым разным вопросам, их воспоминания, рассказы, оценка происходящих событий — все это осталось в моей памяти и судьбе. Их повседневный быт, заботы. Сотни километров сельских дорог — на попутной машине, мотоцикле, телеге, а то и пешком в резиновых сапогах…

Да, один мой знакомый председатель колхоза говорит, что хороший агроном пешком ходит. Босиком, говорит, так уж и быть, не надо, не те времена, но пешком — обязательно. Не имеет ли это и впрямь отношение и к социологии? Во всяком случае, не потому ли, что моя собеседница обследовала села преимущественно пешком, не воспаряя над грешной землей, ее кандидатская диссертация хотя и называется весьма оптимистично — «Формирование новых черт быта колхозного крестьянства», а от действительности, в общем-то, не отрывается? Даже по тем временам. Вот лишь одна, наугад открытая таблица в диссертации: о соотношении заработков мужей и жен в колхозе «Победа». Заработки мужей выше, чем заработки жен, в 91,2 процента обследованных семей. В том числе «в два и более раза» — в 62,7 процента… Из числа работающих женщин в той же «Победе» специалисты и «административно-хозяйственный персонал» составляли, согласно данным социолога, лишь 2,4 процента. Зато полеводов — 71,5 процента. Я хорошо знаю, что такое «полевод» тех лет. У меня у самого мать, тоже бессменный «полевод» и «животновод», по ночам, как малых детей, баюкала собственные большие, неженские руки — болели…

По России — не нами замечено — правда вообще до сих пор

передвигается по старинке: пешком. Слава Богу, что не босиком…

— Моя «конкретная социология» — это социология с человеческим лицом, с лицами и судьбами, которые вошли в мою судьбу. Она резко углубила мои представления о «живой жизни», мое понимание этой жизни, людей. Именно в ходе таких встреч, наяву, не из книжек и газет, не в театре и не из фильмов поняла я и многие наши беды, сомнительность многих безоговорочных утверждений и устоявшихся представлений.

Здесь, в сельской глубинке, вновь я восприняла живую боль войны, чья печальная аура все еще окутывала народную жизнь, хотя после войны к тому времени прошло уже двадцать лет.

Проводя комплексное социальное исследование семьи, обнаружила, что каждый четвертый-пятый двор в селах Ставрополья — двор женщины-одиночки. Представляете? Дом обездоленной женской судьбы, разрушенной войной. Я, конечно, и до этого приводила в своих лекциях, статьях подобные фактические данные, но, как бы Вам сказать, не задумывалась над этим так глубоко, что ли. А вернее — не представляла это так наглядно, зримо и больно. А когда опрашивала села и каждый четвертый или пятый дом оказывался домом женщины-одиночки, то теперь уже сама воочию видела и эти дома, и этих женщин. Женщин, не познавших радости любви, счастья материнства. Женщин, одиноко доживающих свой век в старых, разваливающихся, тоже доживающих домах. Вдумайтесь — ведь речь идет о тех, кому природою предназначено давать жизнь и быть ее средоточием. И удивительно, что эти женщины в большинстве своем не озлобились, не возненавидели весь белый свет и не замкнулись в себе — они, сохраняли эту вечно живущую в русской женской душе самоотверженность и сострадание к несчастью и горю другого. Это удивительно!

— А Вы не думаете, что судьба, возможно, Вас и выбрала от лица этих женщин?

— Не знаю, — быстро взглянув на меня, ответила она. *И по взгляду, и по ответу я понял: тему эту в разговоре она не поддержит.*

Но сейчас, когда сижу один над расшифровкой нашего разговора, вновь и вновь возвращаюсь к своему вопросу. Она говорила о социологии в лицах». И передо мною тоже в очередной раз встает одно конкретное женское лицо. Опять — лицо моей собственной матери. Война ведь и ее оставила одинокой. Точнее — матерью-одиночкой. Одинокой матерью. Сколько их, чьих законных суженых повенчала на себе война — просто война и та,

которую народный, не только по таланту, но и по судьбе, поэт назвал «войною с собственным народом»? И им просто не оставалось ничего другого, как рожать от «незаконных» — чтоб только исполнить свое главное предназначенье на многострадальной российской земле. От незаконных мужей — незаконные дети. Вот и в моих метриках в графе «отец» стоит выразительный прочерк. А в метриках моего интернатского друга — видно, писарь в сельсовете оказался большим грамотеем — в той же графе значится грустно и исчерпывающе: «незаконнорожденный».

И мне хочется верить, что женщина, с которой я время от времени беседую, не просто узнала, не просто изучила и даже не просто впитала в свое время жизнь и судьбу таких, как моя мать. Но что и на распахнувшийся перед нею мир она и сегодня во многом смотрит их внимательными глазами.

В моем отношении к ней нет ни грана зависти. Может, потому, что я теперь чуть лучше других знаю, каково ей бывает — на столь опасной высоте, какая зовется Властью. Высота — Власть, а рядом с Властью — еще опаснее, ибо рядом с высотой всегда соседствует пропасть. А может, потому что я мужчина — а ей все-таки больше и чаще завидуют женщины, они же, я думаю, и будут главными и наиболее «проницательными» читательницами этой книжки. А может, все-таки потому, что я все же верю: судьба выбрала ее и от лица тех — безвестных и так много, трагически много недополучивших хорошего и яркого в своей жизни…

— Я о другом. Наверное, человек, который больше пережил, и больше сострадает? Вспоминаю одну женщину, в чьем доме я очутилась поздно вечером со своим опросно-анкетным листом. А в листе у меня было до тридцати вопросов! После беседы, после ответов на мои многочисленные дотошные вопросы она вздохнула и спросила:

— Доченька, что ж ты больно худенькая?

Я ей говорю:

— Да что Вы, нет, нормальная…

Она тем не менее продолжила:

— Мужа-то, небось, нету у тебя?

Я говорю:

— Есть…

Опять вздохнула:

— Небось, пьет?

— Нет…

— Бьет?

— Что Вы?! Нет, конечно.

— Что ж ты, доченька, меня обманываешь? Я век прожила и знаю — от добра по дворам не ходют.

Дважды, заметил я, дрогнул голос моей собеседницы за этот долгий вечер: когда она вспоминала крестьянку, что, отвечая на ученые вопросы молоденького социолога, сама перешла к вопросам — определенным и еще более жизненным, чем в любой анкете, а также, когда говорила о дочери. Но то — чуть позже. И я понял: женщина эта и впрямь сопровождает ее по свету, помнится. Не растворилась в тумане за давностью лет…

— Вспоминая свое прошлое, я часто думаю и об этой женщине, олицетворившей для меня очень многое: судьбу страны, судьбу сельской труженицы и — что для меня тоже важно — своеобразную народную оценку нашей социологической, тогда по существу подвижнической деятельности. «От добра по дворам не ходют…» — сказала она тогда, как бы в подтверждение моих наблюдений. Может быть, и так. Да, это была все-таки подвижническая деятельность, которая, несмотря на недостатки и трудности, несмотря ни на что, пыталась в те годы нести знание и правду жизни, как бы горька она ни была. Что касается моей диссертации, она тоже, повторяю, была основана в том числе и на этих тысячах анкет.

Сегодня, в годы перестройки, демократизации и гласности, наблюдая за развитием социологии, деятельностью социологических служб, я думаю: а использует ли сегодня социология в полной мере открывшиеся для нее возможности? Помогает ли она научному прогнозированию, управлению общественными процессами? Или, опять подчиняясь чьей-то субъективной воле (разницы ведь нет: воле правительства, партии или интересам какой-то группы), все более политизируясь, уходит от объективности, от великого предназначения всякого научного знания: помогать людям, освещать, а не затемнять им дорогу?

— То есть опять начинает обслуживать кого-то, а не работать на все общество?

— Да, это важно. Здесь тоже нужна правда. Наблюдала работу съезда социологов — он очень сложно шел… Но вернемся к нашим делам тогдашним, житейским. У нас росла дочь. Ходила в городской детский сад. Училась в городской общеобразовательной школе. В обычной, рядовой школе микрорайона, где мы жили. Занималась музыкой, на каникулы ездила к бабушке с дедушкой в село. Жили мы всегда сами, без старших. И наша дочь делила вместе с нами радости и трудности

тех лет. В меру своих сил помогала убираться по дому, готовить, ходила в магазин, овладевала навыками составления домашней библиотечной картотеки и даже — классификации и обработки моих многочисленных социологических анкет и документов. Надо сказать, Иришенька очень рано научилась составлять библиотечную картотеку, а у нас в семье это — работа, поскольку книг в доме всегда было очень много.

Но ребенок есть ребенок. И я постоянно испытывала и испытываю чувство, что где-то в детстве обделила ее материнским вниманием… Не отдала столько, сколько могла, или, еще точнее, — сколько она того требовала. Родилась она у меня в то время, когда по закону декретный отпуск был всего два месяца. Материальные условия нашей жизни, трудности с работой не позволили мне хотя бы какое-то время жить на зарплату мужа. И я никогда не забуду, как ранними утрами недоспавшую, наспех одетую, едва не бегом несла ее в детские ясли, сад. А она приговаривает: «Как далеко мы живем! Как далеко мы живем!» Не забуду ее глазенок, полных слез и отчаяния, расплющенный носик на стекле входной двери садика, когда, задержавшись допоздна на работе, я опять же бегом врывалась в детский сад. А она плакала и причитала: «Ты не забыла меня? Ты не оставишь меня?» Вот так…

В этом месте как раз голос и дрогнул — второй раз…

— Она часто и много болела. Врачи, консультации… Разные диагнозы, разные рекомендации — порой взаимоисключающее. Все это тоже не проходит мимо материнского сердца. Стараешься лишний раз не брать больничный лист: ведь на работе заменить тебя некому. Когда Иришка стала старше, она оставалась дома и одна. А малышкой, чего греха таить, я частенько вела ее с собой в институт. Она терпеливо сидела, играла в преподавательской, ожидая конца рабочего дня. Взрослые, заметив ее, задавали вопросы. И она с детской непосредственностью, шокируя их, отвечала. «На кого ты похожа, девочка?» — «На папу — у нас совершенно одинаковая ладонь». — «Как тебя зовут, девочка?» — «Захареныш». — «Да?! А твою маму?» — «Захарка»…

— *Любопытно…*

— Еще в студенческие годы на одной из фотографий я, восемнадцатилетняя, напомнила Михаилу Сергеевичу Захарку с картины Венецианова, русского художника XIX века, «Захарка». И он стал меня так шутливо называть. Так и вошло это в историю нашей семьи. А сейчас, между прочим, повторилось — на новом витке. Недавно Настенька, младшая, четырехлетняя наша внучка, в присутствии весьма солидных приглашенных гостей на вопрос Михаила Сергеевича: «Где же Раиса Максимовна?» — вполне

серьезно сообщила: «Твой Захарик пошел по лестнице». Приглашенные удивленно переглянулись и рассмеялись. Ничего не поделаешь, пришлось и им объяснять, кто такой «Захарик» и почему «Захарик».

Во втором классе Иришка писала сочинение "За что я люблю свою маму». Оказалось, за то, что у меня «много книг», за то, что «все студенты любят маму», потому что говорят маме. Здравствуйте!» и — главное — за то, что «мама не боится волков». Я храню это сочинение.

— Я смотрю, Вы просто идеальный архивариус.

— Возможно, сказывается и моя профессия — социолога, лектора. Социолог без архива — человек без памяти.

Школу Ириша окончила с золотой медалью. За десять лет учебы, помню, в четверти у нее была только одна четверка: по черчению. Так же и мединститут окончила — вообще без четверок. И знаете, я этим горжусь.

В годы отрочества, юности дочь много читала. Только теперь признается мне, что очень часто — ночами, как она говорит, «втихаря». «Мне нравилось, — говорит, — что никогда и никто из вас не указывал мне, что можно читать, а что нельзя, мол, еще рано. Все книги в доме были в полном моем распоряжении». Ей это, как видите, нравилось! Любит читать художественную литературу и сейчас. Некоторые вещи Толстого, Гоголя, новеллы Моэма, пьесы Пристли, роман Митчелл «Унесенные ветром» перечитывает вновь и вновь. «Унесенные ветром», по-моему, вообще выучила наизусть.

— Мои девчата тоже. Разговаривают друг с дружкой диалогами Скарлетт О'Хары и Рэтта Батлера.

— А знаете их можно понять. Там сильные характеры, много благородных людей. Прекрасные женские образы. Да и мужские, скажу Вам. А женская натура — ее влекут прямота и благородство.

— Поверю Вам на слово.

— В шестнадцать лет у дочери появилась и своя молодежная компания, свои музыкальные кумиры: Алла Пугачева, «Битлз», Джо Дассен, Демис Руссос, опера «Иисус Христос — суперстар».

Правда, сейчас Иришка говорит мне, что ей больше всего нравятся танго 20–30-х годов. И так же, как и мы с Михаилом Сергеевичем, очень любит музыку Чайковского, его симфонии, балетную музыку. Любит «Аве Мария» Шуберта, «Паяцы» Леонкавалло, «Норму» Беллини. Налицо, если хотите, сближение вкусов «отцов и детей»…

В семьдесят четвертом поступила в Ставропольский мединститут. Недавно в интервью корреспонденту «Медицинской

газеты» сказала, что после школы она осталась в Ставрополе, потому что не хотела расставаться с родителями. Кого из родителей не тронет такое признание?

На первом курсе института познакомилась со своим будущим мужем Анатолием. Учились в одной группе. Мать Анатолия врач-невропатолог. Отец — высокий, красивый, инженер-геодезист, преданный своему делу человек. Но он рано умер — в возрасте 56 лет. У него был рак. Перед смертью очень страдал. Об этом и сейчас тяжело вспоминать… Дважды его оперировали в Москве — мы жили уже здесь.

В 1978 году Ирина и Анатолий поженились, и Анатолий вошел в нашу семью. Когда меня спрашивают, сколько у нас детей, я отвечаю: четверо — Ирина, Анатолий, Ксения и Анастасия. Но вырастила я все-таки одну дочь. Один ребенок в семье. Сегодня говорят, что работающая женщина с двумя детьми — это уже многодетная мать. Нелегко совмещать профессиональные, общественные обязанности с семейными, с ролью матери и жены.

Право на равный труд, на материальную, социальную независимость, на реализацию себя как личности — все это огромные завоевания женщин нашего времени. Мне самой приходилось проводить анкетный опрос среди женщин: оставили бы Вы работу в том случае, если бы муж полностью обеспечивал семью? Даже при этих условиях большинство женщин отвечали: нет.

С другой стороны, семья, этот социально-нравственный, кровнородственный союз людей был и остается важнейшим институтом человеческих отношений, человеческой, людской судьбы, источником ее благополучия, счастья или, напротив, несчастья. Время меняло и меняет устои, формы, структуры семьи, основы ее создания. Но не снижает для человека значимости семейных уз.

Возьмите хотя бы практику воспитания детей. Опыт жизни, на мой взгляд, очень убедительно показывает, что при огромных возможностях и даже при очевидной необходимости общественного воспитания оно должно непременно сочетаться с воспитанием в семье. Непременно! Ничто не заменит эмоциональные, основанные на любви взаимоотношения детей и родителей. Ни ясли, ни сады, ни школы-интернаты или детские дома.

— Мой личный интернатский опыт с лихвой подтверждает это. Недополучившие родительской любви дети — особенно отданные на воспитание в казенные заведения — потом, взрослыми, нередко вымещают «детскую» обиду на всем

обществе…

— Думаю, до тех пор, пока суждено существовать самому человеку, не будет утрачено и природное, естественное чувство отцовской и материнской любви. Те же самые опросы показывают, что доля женщин, вообще не желающих иметь детей, крайне ничтожна. Как соединить два начала — работу женщины, ее профессию и семью? Сегодня это, пожалуй, всеобщая, мировая проблема, и проблема острая.

Условия женского труда, оплата его, государственная поддержка семьи — у нас, мягко говоря, здесь вопросов еще предостаточно. А если к тому же учесть уровень развития нашей социальной сферы, бытового обслуживания, здравоохранения, состояние жилищного вопроса. И этот вечный товарный дефицит… Трудно сейчас в стране и с продовольствием, и с промышленными товарами. Да и сколько помню себя, достатка в этом никогда и не было. Скажем, сколько лет мы жили на Ставрополье, столько лет все основные покупки — я не говорю о продуктах питаниях — делались где-то: в Москве, Ленинграде, в поездке за рубеж. Словом, где удавалось. Как только командировка в Москву или еще какая оказия, так составляется длинный список собственных нужд и нужд ближайших друзей. Список включал все: книги, пальто, шторы, белье, туфли, колготки, кастрюли, бытовые моющие средства, лекарственные препараты… Вы же знаете, как «любила» и «любит» Москва за это всех приезжающих…

— Да и за границей о наших «списках» уже хорошо знают. Приезжаешь — и сразу спрашивают: ну а где твой список?

— Могу показать десяток писем Михаила Сергеевича, когда он, скажем, писал мне из Сочи, что купил какие-нибудь туфли, или нечто подобное сообщал из Москвы. Вечные поиски!

А в целом все эти реальные трудности приводят к тому, что каждая женщина эту проблему — сочетание профессиональных и семейных обязанностей — решает по-своему. Расставляет личные приоритеты, акценты, что-то выдвигает на первый план, что-то подчиняет. И в результате, по-моему, шкала ценностей нередко скособочивается.

Проблематичность, сложность соединения служебных и семейных обязанностей, уверена, в нашей жизни является одной из причин более низкой профессиональной квалификации женщин и их замедленного служебного роста. Ведь, допустим, среднее образование имеет не меньший процент женщин, чем мужчин! И в студенческой среде девушек у нас не меньше, а даже больше, чем мужчин. А вот потом, по ходу жизненного пути, женщины все больше начинают отставать. Возьмите ту же

научную сферу, более знакомую мне. Кандидатов наук, конечно же, среди научных работников-женщин меньше, чем среди мужчин. Докторов наук — еще меньше. А среди академиков — много ли среди наших сегодняшних, живых, «полных» академиков женщин? По пальцам сосчитать…

Точно так же и на вертикалях власти. На ее верхних этажах ведь процент женщин тоже до обидного мал! Хотя среди руководителей низшего звена их довольно много. Но по мере роста по иерархической лестнице процент женщин уменьшается. И виноваты в этом вовсе не законы природы, а все те же несовершенства нашего общества. Сказываются они, я не сомневаюсь, и на падении рождаемости. Система «ет ктй» тоже ведь неспроста утвердилась в жизни, тоже связана с общим положением вещей.

Я думаю, что в трагедии добровольного отказа иметь детей вообще — а я считаю это именно трагедией — виноваты не столько женщины. По крайней мере, не только женщины. Лисистрата — героиня одноименной пьесы Аристофана — женщина, остановившая когда-то войну, нужна в каждом доме. В каждой семье — как сохраняющая семью. Потому что в семье тоже вспыхивают разрушительные войны, да еще какие! Но Лисистрата и сама нуждается в защите и помощи.

Распространенный и, в общем-то, очень привлекательный образ женщины-хранительницы очага для идеала представляется мне сегодня все же неполным. Время требует от женщины еще более деятельной роли. Наверное, у современной женщины столько ролей, на сколько хватает у нее сил и воображения.

Георгий Владимирович, а Вы видели памятник Гарибальди в Риме?

— *Не помню.*

— А я помню. Есть в Риме памятник Гарибальди. Так знаете, кто рядом с Джузеппе Гарибальди, на фризе памятника? Его Анита. Анита Гарибальди. Жена. Памятник Гарибальди и, в общем-то, Аните Гарибальди — жене, которая прошла с ним через все освободительные походы и умерла во время похода. Разделила сполна трудности и взлеты его судьбы. Она ведь тоже — «хранительница домашнего очага»…

Но вернемся в Ставрополь. Михаил Сергеевич работал в комсомоле до шестьдесят второго года. Потом перешел на партийную работу. Был парторгом территориально — производственного колхозно — совхозного управления (какое название!) — то есть на партийной работе районного уровня. Потом — первым секретарем горкома партии, а затем и вторым и первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС.

Это — огромный кусок времени. Времени и для страны, и для партии сложного, очень своеобразного. Оно подавало надежды, и оно же — разочаровывало. Время оттепели, ломки многих сложившихся представлений, стереотипов, формирования новых идей, новых подходов и вместе с тем — время невозможности полной реализации этих идей и подходов. Время поощрения демократических процессов, инициатив и — время неудачи основных начинаний, реформ, а позднее и вообще их свертывания.

В 1958 году, в апреле, Михаил Сергеевич писал мне с XIII съезда комсомола, на котором выступил Никита Сергеевич Хрущев: «От съезда сильные впечатления-выводы, к которым не всегда придешь у себя дома… оправдание накопившегося внутреннего беспокойства, усилий, напряжения…» Ну а дальше — личное: «Твои просьбы стараюсь выполнить… Что купил, не буду говорить. Об одном жалею, что денег уже нет… Я подписал тебе Всемирную историю — 10 томов, Малую энциклопедию, философские произведения Плеханова… Скоро приеду, может быть, даже раньше письма, ибо не исключена возможность — самолетом».

Вспомним хронологически хотя бы некоторые главные события с середины 50 до середины 70-х годов. Февраль 56-го — XX съезд партии. Доклад Никиты Сергеевича Хрущева, а затем Постановление о культе личности и преодолении его последствий. Октябрь 56-го — события в Венгрии. Июнь 57-го — Пленум ЦК, Постановление об антипартийной группе Маленкова, Кагановича, Молотова. Октябрь 57-го — запуск первого в мире искусственного спутника Земли. Апрель 61-го — первый в мире советский космический корабль «Восток» с летчиком-космонавтом Юрием Гагариным на борту совершил полет вокруг земного шара. Боже, как ликовали мы тогда!..

Октябрь 64-го — Пленум ЦК КПСС освободил Н. С. Хрущева от обязанностей Первого секретаря, избрал на его место Брежнева Леонида Ильича. В моих папках сохранилась газета «Правда» за 17 октября 1964 года. Она писала в передовице: «Партия — враг субъективизма и самотека в коммунистическом строительстве. Ей чуждо прожектерство, скороспелые выводы и поспешные, оторванные от реальности решения, действия, хвастовство и пустозвонство, увлечение администрированием, нежелание считаться с тем, что уже выработала наука и практический опыт. Строительство коммунизма — дело живое, творческое. Оно не терпит канцелярских методов, единоличных решений, игнорирования практического опыта масс». Слова и дела…

Март и сентябрь 1965-го — Пленумы ЦК о положении в

сельском хозяйстве и промышленности. Август 68-го — события в Чехословакии, ввод советских и союзнических воинских подразделений на ее территорию. 1972 год — Договор ОСВ-1, признанный в мире ядерный паритет СССР и США… То было время, которое требовало осмысления многих фундаментальных вещей. Конечно, это осмысление дается непросто. Не случайно философы называют процесс познания «Танталовыми муками»…

В 60-е годы Михаил Сергеевич окончил заочный экономический факультет Ставропольского сельскохозяйственного института, считая, что ему для работы необходимы углубление и систематизация экономических знаний. Учеба была неплохим дополнением к его университетскому юридическому образованию, гражданскому и профессиональному опыту.

— В те же годы Вы, как я понял, преподавали в том же институте. Не приходилось ли Вам принимать у Михаила Сергеевича зачет или экзамен?

— Нет. Я избегала подобных ситуаций.

Наряду с образованием, думаю, для формирования и становления его как государственного деятеля очень важно было и его вхождение в руководящие структуры власти страны — в ЦК партии, Верховный Совет СССР. Открывавшиеся в связи с этим многообразные возможности, в том числе и личные контакты с руководителями партии и государства.

— Раиса Максимовна, я слышал легенду, что, когда Н. С. Хрущев приезжал на Ставрополье, ездил по краю, Михаил Сергеевич был в числе тех, кто сопровождал его по хозяйствам края, и что Никита Сергеевич якобы обратил на него внимание. Благословил. Это правда?

— Впервые слышу. Думаю, легенда — за исключением того, что Н. С. Хрущев действительно приезжал на Ставрополье.

Важно само многообразие контактов: не только с руководителями партии и государства, но и с его тогдашними коллегами. Тут и обмен полезным опытом, и тем, что подспудно вызывало тревогу, многочисленные вопросы, размышления и даже недоумение. Внутренняя работа — она, поверьте, не прекращалась в нем ни на минуту. Он вообще не из тех, кто пребывает в довольстве собой и окружающим.

В апреле 70-го Михаил Сергеевич избирается первым секретарем крайкома КПСС. Как тогда говорили, «первым человеком края», региона, территория которого сопоставима с любым американским штатом.

Сергей Андреевич — отец Михаила Сергеевича — крестьянин, прошедший суровую школу жизни, прислал письмо по этому

поводу. «Поздравляем тебя с новой работой. Нет предела материнской и отцовской радости и гордости. Пусть эта радость не угаснет никогда. Желаем тебе крепкого здоровья и богатырских сил для работы на благо Родины». Меня это безыскусное письмо до сих пор трогает до слез.

Очень жалею, что отец Михаила Сергеевича не дожил до того времени, когда сын стал секретарем ЦК. Гордость за сына, мне кажется, она прибавляла ему, израненному фронтовику, сил и воли к жизни.

Вы вот обронили, что Михаил Сергеевич похож на свою маму. Я хочу Вас поправить — это не совсем точное наблюдение, хотя Вы можете со мной и не согласиться. Черты его лица все же — отцовские. А вот глаза — глаза бабушки Васютки. Это его бабушка по линии мамы, жена деда Пантелея. Бабушка Василиса. У бабушки Васютки — так ее звали все — были прекрасные, завораживающие черные глаза. Они и «достались» Михаилу Сергеевичу — глаза бабушки Васютки.

Внутренне Михаил Сергеевич и отец были близки. Дружили. Сергей Андреевич не получил систематического образования — ликбез, училище механизации. Но у него была какая-то врожденная интеллигентность, благородство. Определенная широта интересов, что ли. Его всегда интересовала и работа Михаила Сергеевича, и что происходит в стране, за рубежом. Когда встречались, он засыпал его массой дельных, живых вопросов. А сын не просто отвечал, а как бы держал ответ перед отцом, механизатором, крестьянином. Сергей Андреевич охотно и подолгу его слушал. Умер он в возрасте 66 лет, в 1976 году, накануне открытия XXV съезда партии. Михаил Сергеевич уже был в Москве, потом вылетел домой, когда узнал, что отцу стало плохо. Двое суток мы были у постели потерявшего сознание отца… В себя Сергей Андреевич так и не пришел… 23 февраля мы его похоронили…

В этом месте позволю себе еще одно отступление. Точно такой же портрет отца, какой находится прямо перед глазами М. С. Горбачева, когда он работает в своей загородной резиденции, стоит еще в одном месте. Далеко-далеко и от Москвы, и от Подмосковья — на Ставрополье, в селе Привольном, на здешнем сельском кладбище. Над могилой отца — та же увеличенная и переведенная на камень любительская карточка демобилизованного фронтовика с расстегнутым воротом и взмокшим поределым чубом.

Это что касается отца. А что касается матери, то, возможно, вам будет любопытен такой житейский эпизод, о котором сам я

узнал от своего младшего брата.

Брат живет в одном из близлежащих к Привольному райцентров и работает там инженером узла связи. Когда Президент звонит матери, по-прежнему живущей в Привольном, то связь идет и через их районный узел. И вот однажды брат получает от начальника узла поручение: съездить в Привольное к Марии Пантелеевне посмотреть, что у нее с телефоном — сын не может дозвониться.

Через час-полтора брат на «уазике» был у нужного дома. Объяснил, кто он и откуда, спросил хозяйку. Да вот она, сказали, как раз по двору идет. Подошла, поздоровалась. У Вас что, телефон не работает? — поинтересовался брат. Да нет, ответила. Работает вроде. А почему же к Вам из Москвы не могут дозвониться? Не знаю, ответила недоуменно. А потом как осенило ее: так меня ж и в доме не было — все утро на огороде. Погода ж, видите, какая!..

Погода была замечательная. Конец марта, солнце играет, набираясь яркости и тепла, земля парит и млеет отдохновенно… Поручение было выполнено безукоризненно, брат возвращался на службу.

Мать Президента живет в своем деревенском доме, растит свой огород… Живет по своим биологическим ли, нравственным или просто крестьянским часам, чей естественный ход неподвластен даже магнетическому воздействию сыновьей карьеры. Вот и скажи после этого, что Россия — страна порушенных устоев. Нет, мы не пыль на ветру.

А вообще-то у Марии Пантелеевны в Москве два сына: Михаил Сергеевич и Александр Сергеевич. Александр Сергеевич сорок седьмого года рождения — послевоенный! — на шестнадцать лет моложе старшего брата, офицер Советской Армии.

— Избрание Михаила Сергеевича первым секретарем крайкома для тех лет было явлением нерядовым и необычным. Во-первых, Михаил Сергеевич был свой, местный. На Ставрополье до Михаила Сергеевича, насколько я знаю и помню, первыми секретарями работали Суслов, Бойцов, Лебедев, Беляев, Кулаков, Ефремов. Все они были присланы со стороны. То есть все были «чужаками»… К слову, среди сотен поздравлений, полученных тогда, — и письмо поэта Володи Гнеушева. Вы его знали?

— Конечно. Матрос, рисковый, широкий человек. Он даже покровительствовал мне в юности. Помню строчку из песни его сочинения, которую мы распевали тогда под гитару — «*А девушки наши предместий Одессы, быть может, от счастья, а может, от*

моря смелей и смелей…». Мне она нравилась, хотя в Одессе я никогда в жизни не был и с одесситками незнаком. Сейчас, насколько я знаю, Володя живет в Москве…

— Письмо от 14 апреля 70-го года. В нем тоже прозвучала мысль о «своем». «Дорогой Михаил! — писал Володя. — Лишь сегодня сюда, в Загедан, пришла газета, из которой я узнал о твоем избрании первым секретарем. (Загедан — поселок в Карачаево-Черкессии, в горах, где подолгу живал поэт). Искренне рад не только за тебя — избрание вполне заслуженно и закономерно. Но и за край, который в твоем лице приобрел хозяина и друга. Хорошо это…»

— *Хозяина»! Лексика своего времени…*

— Наверное. Впрочем, ведь и все мы, каждый — люди своего времени. Чего ж открещиваться?.. Поздравление бывшей учительницы Михаила Сергеевича, директора школы, которую он заканчивал, Марии Сергеевны Ларионовой. Послушайте, что писала Мария Сергеевна: «Если бы можно было, как тогда, в школе, в день опубликования указа об ордене, который школьником получал Михаил Сергеевич, собрать митинг, я хотела бы сказать людям: «Пусть процветает наш край. Его возглавляет «доморощенный» секретарь крайкома, который еще привольненским мальчонкой прославлял на всю страну труд хлебороба».

— *Оказывается, слово «доморощенный» может иметь и вполне положительное значение!*

— Как видите… Во-вторых, Михаил Сергеевич был молод. Ему только что исполнилось 39 лет. По тем временам считалось, даже слишком молод для такого положения.

— *Почему же только по тем? И сейчас среди первых» — не только в партии — тридцатидевятилетних практически нет.*

— Может быть. Но мне хочется зачитать Вам еще одно поздравление другого ставропольского писателя — Евгения Карпова. «Михаил Сергеевич! Пословицу «яйца курицу не учат» выдумали неумные, злые и властолюбивые люди. Ведь сама жизнь учит, что молодость — это дерзанье, обновление, свежий ветер. Молодость — это восход, а закаты, хоть мудры они и прекрасны, но люди все-таки ждут восхода. Разумеется, далеко не одна молодость радует меня и моих товарищей в Вашем избрании. От души поздравляю Вас и — добрых, попутных, но резвых, пусть даже штормующих, Вам ветров! С уважением…»

Трудно, мучительно, но все же пробивала себе дорогу жизненно назревшая потребность обновления кадров, смены поколений. Ведь кругом десятилетиями сидели одни и те же начальники. И не только на областном, краевом уровне,

районном, но и в центральных руководящих органах. В 78-м году, когда сорокасемилетний Михаил Сергеевич перешел на работу в Москву, средний возраст членов Политбюро составлял 67 лет. А союзных министров — 64 года. Был нарушен естественный процесс обновления кадров, необходимый для нормального функционирования любого общества.

В течение нескольких лет работы Михаила Сергеевича в крае практически обновился весь состав секретарей райкомов. Вместе с омоложением, обновлением кадров шло и оздоровление моральной атмосферы, утверждалась новая динамика работы, охватившая не только партию, но и все другие участки жизни. Пришел новый дух, стиль, присущий Михаилу Сергеевичу — открытость, близость к людям, умение слушать и уважать мнение других, не подавлять работающего рядом, а вдохновлять и поддерживать его.

— А мне кажется, что за последний год что-то меняется и в стиле его общения с людьми. Возьмите те же «уличные» встречи. Раньше он больше говорил сам — азартно, с увлечением. Сейчас значительно больше слушает. У него и лицо на этих встречах — не оратора, не трибуна, каким он был в первые, романтические годы перестройки, а слушателя. Все чаще вижу его в этой роли, которая, вероятно, дается ему не так просто, если учесть его политический темперамент, и на всякого рода заседаниях. Чувствуется, что в нем, как Вы выразились, идет некая внутренняя работа. Лично мне импонируют эти перемены, это терпеливое вслушивание в собственный народ, даже когда он, народ, явно «не прав» — а история знает и такие коллизии…

— Хотите сказать, что у кого-то привилегия говорить, а у президентов — преимущественно слушать?

— *Наверное.*

— Слушать он умел всегда. Он не просто восприимчив — он прямо-таки «гигроскопичен» по отношению к чужому мнению. Но делает, поступает, правда, чаще всего так, как сам считает нужным.

— *Еще одна привилегия президентов?*

— До известной степени. Знаете, мы и сегодня получаем много писем от товарищей, кто когда-то работал рядом с Михаилом Сергеевичем. Вспоминая те годы, они особенно помнят и ценят, что Михаил Сергеевич и спрашивал с них много, но при этом предоставлял свободу действий и большую свободу.

Как-то в шутку в семейном кругу он сказал: «Перестройка для меня началась в 70-м году на Ставрополье». Должность первого

секретаря крайкома давала возможность ему делать что-то реальное для края, воплотить в жизнь немало выношенных, выстраданных ранее идей. Именно в эти годы на Ставрополье пошло интенсивное развитие новых отраслей: электроники, электроэнергетики, газовой, нефтяной, химической промышленности. Проведена была огромная работа по мелиорации края, ведь Ставрополье — зона рискованного земледелия. Почти половина территории края — засушливая степь и полупустыня. Специализация и концентрация в сельскохозяйственном производстве Поиски новых форм организации труда и его стимулирования. Внутрихозяйственный расчет, аккордная оплата. Именно в те годы и была заложена в крае основа поистине рекордных на Ставрополье урожаев 80-х годов. Были разработаны и в значительной мере осуществлены программы по социально-культурному строительству, по преобразованию курортов края: Кисловодска, Пятигорска, Ессентуков, Железноводска, Теберды, Домбая. В Ставрополе появились политехнический институт, институт культуры, многие средние технические училища…

— Раиса Максимовна, у меня к Вам и такой вопрос: не секрет, что в те годы положение первого секретаря крайкома было непререкаемым. Искушение властью существовало не только для руководителей, но и для их жен. Как чувствовали себя Вы тогда, на Ставрополье, в этом качестве?

— «Искушение властью» для меня прежде всего означало новые, добавившиеся к моим ежедневным профессиональным, семейным заботам бесконечные тревоги и волнения, связанные с работой мужа. Сопереживание за судьбу дел в крае — это, конечно, прежде всего… Хотя в определенной мере новое положение изменило нашу жизнь и с другой стороны: оно улучшило материальное состояние семьи, возможности пользования медицинской помощью, расширило круг контактов, знакомств.

Отпуск свой Михаил Сергеевич всегда брал осенью или зимой — после завершения сельскохозяйственных работ в крае. Отдыхали, как правило, «у себя» — в Кисловодске, Пятигорске или Железноводске. Но если получалось, то иногда использовали отпуск и для путешествий. Ездили в Москву, Ленинград. Один год — в Узбекистан, посмотрели Ташкент, Самарканд, Бухару, пустыню Кызылкум. Дважды за те девять лет в составе туристических групп провели отпуск в зарубежных поездках — по Италии и Франции.

К моменту избрания Михаила Сергеевича первым секретарем у нас в Ставрополе уже была своя отдельная, обжитая квартира.

Пришлось ее оставить и переехать в служебный дом, где традиционно жили секретари крайкома. Вопрос о переезде и о том, должны мы или не должны оставить и сдать свою квартиру, не обсуждался. Считалось само собой разумеющимся. Обоснование? Служебный дом имеет все, что необходимо для работы руководителя края. Так началась наша жизнь по служебным квартирам.

Годы те оказались чрезвычайно напряженными, хотя и предшествующие, скажем прямо, были нелегкими: ведь мы работали, продолжали учебу, растили ребенка. И все же девять лет — почти 9 лет, — которые Михаил Сергеевич проработал первым секретарем, были для нас особо напряженными. Отдых, свободное воскресенье выдавались крайне редко. Но когда выходной все же выпадал, мы любили проводить его за городом, на лесных и степных тропах. Дачи никакой — ни личной, ни государственной — на Ставрополье у нас не было. Спортивные брюки, кеды и пятнадцать-двадцать километров пешком. Чаще вдвоем. Иногда с Иришей, иногда с друзьями. Но «компания», как правило, не выдерживала похода и предпочитала короткую прогулочку, проминку, игру в волейбол и т. д. А каких только приключений не бывало с нами во время наших походов! И в лесу блуждали, и в степи во время пурги. Однажды дело приобрело опасный оборот. Спасла линия электропередачи. Она нас и вывела к городу. Друзья уже подняли переполох, что мы потерялись.

— Это случилось, когда он уже был первым секретарем?

— Да. А знаете, как хорошо было вдвоем! Специально уходили. Какое это удовольствие! Выехали за город и пошли. И лес, и степь были нашими. И в горах попадали в «переплеты». Но, скажу вам, самое страшное — оказаться в горах под сильной грозой. Был случай, когда в лесу нас обстреляли какие-то хулиганы. Зашли далеко, в глухомань и вдруг — выстрелы. Пришлось прятаться. Зато есть что вспомнить.

— А праздники как справляли? Наверняка же были какие-то семейные сборы» руководства края, во всяком случае — секретарей крайкома. На Ставрополье, по себе сужу, народ живой: и выпить, и закусить, и застольную спеть или, как у нас говорят, — «сыграть»…

— Конечно, собирались — на Новый год, на ноябрьские праздники. Предварительно деньги сдавали, вскладчину, Михаил Сергеевич такое правило ввел…

А вообще, друзей и на Ставрополье, и в Москве у нас много. Были и есть они и среди коллег, и просто среди людей, встреча с которыми «однажды» превращалась в душевную близость на

многие годы. Среди самых близких — Александр Дмитриевич и Лидия Александровна Будыка.

Лида — врач-педиатр, кандидат медицинских наук. Помогала мне как врач растить Иришу. Александр Дмитриевич — инженер, тоже кандидат наук, прошедший путь от директора районной МТС до союзного министра. Оба интеллигентные, умные люди, преданные друг другу. Вместе они тоже со студенческих лет. Вырастили двоих сыновей. Тридцать лет мы дружим с ними.

Михаил Сергеевич любит подшучивать: «Саша, все хорошо у вас, если бы не твой недостаток — слишком большой ты либерал». Александр Дмитриевич в ответ всегда смеется.

— А Михаила Сергеевича в ответ не называет либералом?

— Нет, почему-то не называет. Лидина слабость — дети. Педиатр по призванию. Спасать, помогать пойдет куда угодно и в какое угодно время суток. И еще с детства очень любит собак. В доме у них всегда собака. Бесконечно пыталась одаривать щенками и нас.

Тридцать лет мы уже рядом. Годы не обошли горем и их семью. Рано ушел из жизни отец Лиды, перенесший трагедию наветов и репрессий. Тяжело умирала ее мама. На руках у Лиды тяжелобольная мать Александра Дмитриевича. Да и сам Саша уже не работает, тоже нездоров. Но Лида, моя Лида остается все такой же терпеливой, доброжелательной. Очень добрый, сердечный она человек. По-житейски скажу Вам: уже одно то, что с нею многие годы живет тяжелобольная свекровь, у которой есть родная дочь, — уже одно это кое-что говорит о характере моей подруги.

— По-моему, исчерпывающая деталь.

«Многое сразу оживает в памяти. Яркие, счастливые годы жизни в Ставрополе, совместные прогулки, споры, веселые розыгрыши, сложные и радостные переживания. Но на ум почему-то больше приходят грустные воспоминания. Наверное, потому, что в тяжелые для себя минуты человек больше раскрывается, обнажается в нем глубоко запрятанное, и становится он от этого еще ближе и понятнее. Так было и в тот летний день, когда мы с Раисой Максимовной летели из Москвы в Краснодар на похороны отца, Максима Андреевича Титаренко. Накануне в нашей квартире раздался звонок, и, чуть помолчав, сдержанно и тихо Раиса Максимовна сказала: «Лида, знаешь, папа умер…»

…Я думаю, что тысячи сплетен, которые раздаются в адрес Раисы Максимовны, кроме зависти, а иногда и ненависти, вызваны простым, наивным желанием людей верить в возможность существования хотя бы где-то совершенно

сказочной, беззаботной, легкой жизни, в которой нет ни проблем, ни горьких разочарований, ни болезни, ни смерти близких людей. Да что говорить о других, когда я сама часто обманывалась, видя на экране телевизора ее мягкую улыбку, оценивая ровную, приветливую манеру общения…» Лидия Будьоса, Из письма в редакцию массового советского журнала «Крестьянка», декабрь 1990 года.

— Шли годы. Менялась жизнь, менялись люди. Менялись и мы. Что-то реализовывали, делали, достигали. Но и проблемы тоже оставались. В последние годы жизни на Ставрополье я все чаще слышала от Михаила Сергеевича не только о трудностях с социальным развитием сел и городов края, материально-техническим обеспечением, неэквивалентности обмена сельскохозяйственной и промышленной продукции, о несовершенстве системы оплаты труда, но и о необходимости глубоких перемен в стране, структурах управления, тормозящих развитие целых регионов и отдельных отраслей. О трудностях снабжения населения края продовольственными и промышленными товарами. Понимаете, край, производящий знаменитую ставропольскую пшеницу, мясо, молоко, сдающий тысячи тонн шерсти, постоянно испытывал недостаток в основных продуктах питания и других товарах.

В 1978 году Пленум Центрального Комитета КПСС избирает Михаила Сергеевича секретарем ЦК. Для меня и для Михаила Сергеевича это было, как говорят, нежданным-негаданным. Михаил Сергеевич находился в Москве. Я вернулась с работы поздно вечером — около 22 часов. Раздался телефонный звонок. Звонил Михаил Сергеевич. «Знаешь, неожиданное для меня предложение. Завтра — Пленум. Жди. Обязательно позвоню». 27 ноября 1978 года он стал секретарем ЦК КПСС.

Вы спрашиваете, с какими ощущениями покидала я Ставрополь — с сожалением, с радостью, что наконец-то вырвалась из провинции. Знаете, все неоднозначно. Дети наши восприняли переезд в Москву действительно как ощущение полноты счастья. Такого необыкновенного счастья, которого, как потом говорила мне Ириша, за все годы жизни в Москве уже не было. Так они восприняли переезд. Для меня же возвращение в Москву означало завершение огромного по времени отрезка нашего жизненного пути. Не простого, не легкого, но, поймите, очень дорогого. Здесь, на Ставрополье, прошли годы молодости. Здесь родилась и выросла дочь. Здесь были близкие и родные нам люди. Здесь, на Ставрополье, мы получили возможность личной самореализации.

Волновало меня опять чувство неизвестности. На душе было как-то тревожно…

Сразу по приезде в Москву нам предоставили государственную дачу. Позднее — квартиру. Дали из того, что имелось «в запасе», и то, что было положено по тем временам по должности секретаря ЦК. Правда, только потом я поняла сложившуюся здесь железную практику: все решала неписаная — самое удивительное, что и впрямь, похоже, неписаная! — «табель о рангах». Получаешь только то, что положено соответственно твоей ступени на иерархической лестнице, а не твоему реальному вкладу в реальное дело. Увы, система такая — и не только в Москве, а всюду. Место, должность, которую ты занял, а не тот реальный вклад, который человек вносит в дело. Вспомним ту же мою кафедру, вспомним любое другое место работы, и не только моей. По должности получаешь — и все. Это так. Должность полностью исчерпывала в этом смысле, да и сейчас еще исчерпывает живого человека. Инициатива, творчество, самостоятельность не только в большом, но и в самом маленьком, обыденном, повседневном не поощрялись или, точнее, не очень поощрялись.

В соответствии со сложившимися правилами ответственные работники министерств, ведомств, а также аппарата ЦК партии получали дачи в специальных дачных, принадлежащих этим организациям поселках. Высшее политическое руководство — члены и кандидаты в члены Политбюро, секретари ЦК — жили на охраняемых государственных дачах, расположенных в пригородной зоне, оборудованных для отдыха и работы, со штатом обслуживающего персонала. Предоставлялись дачи бесплатно на период работы в названных должностях.

Такие же дачи в Москве и других местах использовались для приема высоких зарубежных гостей, для других представительских целей. А в курортных зонах страны — для отдыха ее руководителей и руководителей зарубежных государств.

Еще об одной детали хочу сказать. Среди партийных, советских работников, с которыми мне так или иначе приходилось общаться в предшествующие годы, считалось недопустимым строительство личных, частных дач. На Ставрополье, как я уже говорила, у ответственных работников не было ни государственных, ни частных дач. Садовый или огородный участок при желании — да, но не дача.

В 1978 году, когда мы оказались в Москве, одним из многих открытий для меня было и то, что, оказывается, некоторые члены руководства страны, в том числе и партийного, занимая

предоставленные им государственные дачи, еще и строили при этом личные. Одновременно строили и личные — для детей, внуков и т. д. Я была поражена такой хозяйственной разворотливостью и смелостью.

Нас сначала расположили в старой деревянной даче. В ней в свое время жил еще С. Орджоникидзе. Она требовала капитального ремонта. И через два года нам предоставили другую. Это была новая кирпичная дача, построенная в 70-х годах. До нас в ней жил Ф. Д. Кулаков. В 85-м году, после избрания Михаила Сергеевича Генеральным секретарем ЦК КПСС, мы переехали на новую дачу, где имелись все условия, все службы, средства связи, необходимые для выполнения возложенных на него функций. В этой самой даче, в кабинете Михаила Сергеевича, мы с Вами сейчас и находимся. А дачу, которую мы освободили, занял Б. Н. Ельцин, работавший в то время секретарем Московского горкома партии и только что ставший кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. Насколько я знаю, занимал он ее до своего ухода с партийной работы.

В последние годы жизни на Ставрополье наш месячный семейный бюджет складывался из 600 рублей зарплаты Михаила Сергеевича как секретаря крайкома партии плюс 320 рублей моего доцентского оклада. По тем временам, в общем-то, прилично. Как секретарь ЦК Михаил Сергеевич стал получать 800 рублей в месяц. Если не ошибаюсь, такой же оклад был у всех секретарей ЦК, кандидатов в члены Политбюро, членов Политбюро, а также у Генерального секретаря. Кроме того, существовали ежемесячные лимиты «на питание» — 200 рублей в месяц для секретарей и кандидатов и 400 рублей для членов Политбюро.

Разрешалось бесплатное приобретение необходимых книг. Обслуживание транспортом не только основного члена семьи, но и его супруги — бесплатное. Квартира была бесплатной, выделялся денежный лимит на оплату отдыха.

За последние годы все эти льготы, включая пользование государственными дачами, ликвидированы.

В соответствии с решениями Съезда народных депутатов СССР Верховный Совет принял Постановление «Об обеспечении, обслуживании и охране Президента СССР», Председателя Верховного Совета, вице-президента и премьер-министра. Президенту СССР определена заработная плата в размере четырех тысяч рублей в месяц. С учетом действующей ныне системы налогов и взносов это означает, что «на руки» — две с половиной тысячи рублей. Выделены резиденции в Подмосковье и Крыму, служебная квартира в Москве, необходимый автомобильный

транспорт и специально оборудованный самолет и вертолет. По уходе в отставку Президенту СССР устанавливается пожизненная пенсия в размере полутора тысяч рублей в месяц, предоставляется и государственная дача с необходимым обслуживанием, охраной и транспортом. Это — что касается дел материальных.

А если вспомнить все тот же семьдесят восьмой, то переезд в Москву означал для меня новые профессиональные возможности, встречи с любимыми театрами, концертными залами, выставками, актерами, исполнителями, с которыми раньше мы встречались лишь периодически, бывая в Москве.

Ирина и Анатолий перевелись во Второй медицинский институт. Оба окончили его с «красным дипломом» — с отличием. В 1985 году Ирина защитила диссертацию по медико-демографическим проблемам. Работала сначала ассистентом на кафедре социальной гигиены и организации здравоохранения Второго Московского мединститута, затем занялась научными исследованиями и перешла в лабораторию медико-демографических и социологических исследований. Анатолий тоже стал кандидатом медицинских наук, хирург. Уже более десяти лет трудится в московской городской клинической больница

Через год после приезда в Москву родилась наша первая коренная москвичка — внучка Ксения. Имя определили заранее. Выбрала его я, мне доверили. В восемьдесят седьмом родилась вторая коренная москвичка — внучка Анастасия. Имя выбирали коллективно, всей семьей. Прошло предложение Михаила Сергеевича. Так что в этом отношении у нас с ним паритет. Правда, два раза готовили и мужское имя — вдруг мальчик? Тогда — Михаил.

Но это все — радости семьи. Было и другое. Сказать, что мы оказались в Москве в новой, непривычной для нас среде, атмосфере, — это сказать очень мало или вообще ничего не сказать. Не берусь судить об атмосфере, характере отношений среди руководства, коллег Михаила Сергеевича. Основываюсь только на собственном опыте и своих личных впечатлениях. А они связаны, конечно, прежде всего общением с членами семей тогдашнего советского руководства.

Первое, что поражало меня, — отчужденность. Ты есть или тебя нет, ты был или тебя не было — по лицам, тебя окружавшим, этого было не понять. Тебя видели и как будто не замечали. При встрече даже взаимное приветствие было необязательным. Удивление — если ты обращаешься к кому-то по имени-отчеству. Как, ты его имя-отчество помнишь? В общении часто претензия на

превосходство, «избранность». Безапелляционность, а то и просто бестактность в суждениях.

В отношениях между членами семей поражало зеркальное отражение той субординации, которая существовала в самом руководстве. Помню, как однажды я выразила вслух недоумение поведением группы молодежи. Моей собеседнице стало плохо: «Вы что, — воскликнула она, — там же внуки Брежнева!»

Встречались мы, женщины, в основном на официальных мероприятиях, приемах. Редко — в личном кругу. Но и на встречах в узком, личном кругу действовали те же правила «политической игры». Бесконечные тосты за здоровье вышестоящих, пересуды о нижестоящих, разговор о еде, об «уникальных» способностях их детей и внуков. Игра в карты. Поражали факты равнодушия, безразличия. Не могу подобрать слова-потребительства? Ну, вот такой факт. На одной из встреч на государственной даче в ответ на мою реплику детям: «Осторожно, разобьете люстру!» — последовал ответ: «Да ничего страшного. Государственное, казенное. Все спишут».

— Дети так отвечали?

— Взрослые…

Помню реакцию на поездку Михаила Сергеевича в Англию в восемьдесят четвертом году во главе парламентской делегации. По разрешению К. У. Черненко я тогда тоже ездила с Михаилом Сергеевичем. Поездка делегации оказалась весьма интересной, содержательной и результативной. Освещалась в нашей печати, но особенно — в английской, американской прессе. Дома я услыхала: «Почему это Вас там так расхвалили? Вы не думаете, что это все означает? Чем это Вы так привлекли Запад? Ну-ка, ну-ка, давайте-ка мы на Вас посмотрим поближе…»

— Поворотись-ка, сынку?

— Примерно так. Формализм и бездушие проникали и в среду обслуживающего персонала. И я всегда тепло и грустно вспоминала тех, кто был с нами рядом прежде. Водитель Анатолий Андреевич Хамуха, отслужив в армии, почти двадцать лет работал в Ставрополе с Михаилом Сергеевичем. Я знала его жену, детей. И до сих пор мы не забываем поздравить друг друга с праздником.

Надежды Михаила Сергеевича здесь, «наверху», решить назревшие проблемы во многом не оправдывались. Беды все больше загонялись внутрь, откладывались на будущее. Болел Леонид Ильич Брежнев. Это сказывалось на всем. В ноябре восемьдесят второго его не стало, умер. Пришел Юрий Владимирович Андропов. Но всколыхнувшиеся было надежды оказались недолгими. Андропов был тяжело болен. Страшно

вспоминать, но на его похоронах я видела и откровенно счастливые лица.

Наступило время Константина Устиновича Черненко, еще более сложное. Страна жила предчувствием изменений. Необходимость их ощущалась кругом. Росло число людей, открыто поддерживающих, понимающих необходимость реформаторских идей и практических шагов. Но в жизни партии и страны все оставалось по-прежнему. Часто после возвращения Михаила Сергеевича с работы мы подолгу беседовали с ним. Говорили о многом… О том же, о чем все беспокойнее и настойчивее говорили в обществе.

О чем я сейчас вдруг неожиданно подумала, Георгий Владимирович? Есть люди, которых привлекает, я это знаю, внешняя сторона моей жизни. Даже завидуют — моей одежде, моим протокольным «нарядам»… Для меня же важнее другое — сопричастность к тем огромным делам, которые выпали на долю близкого мне человека, моего мужа… Этим и дорожу.

Так долго мы еще не беседовали ни разу: шесть получасовых бобин сменил я в «Грюндиге» — седьмая исписана наполовину, как бывает исписанной наполовину последняя страничка в книге. Ворох «отобранных» листков высится на столе рядом с моей собеседницей. Поскольку листки, как я уже не раз упоминал, разнокалиберные и разномастные, то и ворох напоминает скорее китайскую пагоду с загнутыми краями. Она задумчиво перебирает их, перестраивая рыхлое, невесомое сооружение — или само время, уместившееся в нем? — но всякий раз все равно получается то же самое: пагода. Чувствуется, устала, да и кто бы не устал после нескольких часов такой работы?

— Я тут еще фотографии приготовила, — показывает на большой, плотный и толстый конверт в углу дивана, — но сегодня, наверное, смотреть уже не будем, поздно. В следующий раз, да?

— Да я бы и сейчас посмотрел, хотя бы наспех, мельком. Интересно, — рискнул показаться неучтивым.

— Ну хорошо. Посмотрите пока сами. Я сейчас.

Передала мне конверт, вернее, пакет, а сама вышла в другую комнату, в библиотеку.

Некоторое время я сидел один, разглядывая карточки из пакета. Уже знакомый мне ставропольский дом. Сельхозинститут на уборке кукурузы. Спортивные брюки, кеды, куртка — молоденькая преподавательница почти неотличима от студенток. Собирание грибов где-то в предгорьях Кавказа. Потом — это видно по формату и тассовской добротности карточек — уже

Москва. Многолюдные встречи, аэропорты. Б. Н. Ельцин, сменщик по даче, передающий с кавалергардским учтивым поклоном моей нынешней собеседнице несколько гвоздик — надо же, и такое, оказывается, было!

Где-то, кажется, у Роя Медведева, читал легенду, что однажды на перроне минераловодского вокзала встретились сразу четыре руководителя СССР: один, Брежнев, действующий, насколько можно было назвать его в то время действующим, и три будущих — Черненко, Андропов, Горбачев. Брежнев и Черненко ехали якобы с юга, с моря. Андропов отдыхал в Кисловодске. Горбачев, естественно, подъехал по такому случаю из Ставрополя. Перрон якобы очистили, оцепили, и четверка неторопливо расхаживала по пустынному асфальту поздним осенним вечером под тусклыми, тоже как бы осенними, фонарями. Поезд, длинный, как сама Россия, ждал отправления.

Я слишком хорошо знаю перроны минераловодского вокзала, чтобы, перебирая старые фотографии, запамятовать эту легенду.

Но такой фотографии в пакете я не нашел. Нет, что-что, а минераловодский перрон я бы непременно узнал!

…Фотография с перроном в том пакете все же была — она мне и запомнилась больше всех. Карточка затемненная, любительская, но вполне отчетливая. Перрон, спальный вагон на заднем плане. А на переднем — молодая, смеющаяся женщина в вельветовых джинсах и курточке, с ямочками на щеках и с копной темных, каштановых, перебираемых ветром волос.

— А, это мы первый раз в Париже, туристы. Только-только сошли с поезда, — пояснила, заглянув через плечо.

Муж, я так понимаю, где-то за пределами кадра — с фотоаппаратом. Он, судя по всему, ее и снимал — ее единственный тогдашний фотограф в Париже. Москва впереди. Париж, в известном смысле, — как и Вашингтон, и Бонн, и Мадрид — тоже…

Когда я предложил одну из главок будущей книги посвятить счастью и соответствующим образом назвать ее «О счастье», она подумала и отказалась:

— Разве я похожа, Георгий Владимирович, на женщину, порхающую от счастья к счастью?

Нет, не похожа — теперь я и это представляю лучше. И все же у той женщины на пустынном перроне в тот миг, когда кто-то невидимый воскликнул озорно и молодо: «Снимаю!» — не просто смеющееся лицо. Оно показалось мне счастливым.

Но состояния счастья, говорят, минутны. Все остальное — жизнь.

О чем болит душа

В уже хорошо знакомом кабинете все было по-старому, за исключением одного: на кожаном диване лежала груда приветственных адресов, телеграмм, открыток. Несколько дней назад Президент отметил свое шестидесятилетие.

— Вот, разбираю, — сказала хозяйка. — Уже насчитали более трех тысяч писем и телеграмм. Хотите посмотреть подарок Патриарха всея Руси Алексия Второго к юбилею?

— *Да.*

Мы прошли в библиотеку. Мне показали икону в прекрасном, сусальной позолоты, окладе. Михаил Архангел, современного, но как и в старину, глубокого, медового — цвета гречишного меда — письма, печально и строго смотрел из окошка в окладе.

— *Грустный, — сказал я.*

— Было бы странно, если бы ангел-хранитель был другим.

Показала в кружеве церковнославянской вязи крошечный, незнакомый мне значок.

— Архистратиг. Знак высшего предводителя небесного воинства.

Мы постояли, полюбовались иконой. День был пасмурный, но икона собирала, фокусировала в себе весь рассеянный весенний свет, что растворен был в комнате, и мягко горела в глубине библиотеки. Я вспомнил, что скоро — Пасха.

Так получилось, что оказался рядом со столом, на котором лежали две стопы книг высотой, наверное, в полметра каждая. Что сегодня наверху? Что читают сегодня? Изящно изданная «Песнь любви», стихи — вот чего, честно говоря, не ожидал! — а в другой стопке томик Пушкина. Синий, выцветший, из десятитомного издания пятидесятых годов. Взял его в руки, обнаружил закладку, раскрыл. «Борис Годунов».

— Это я читаю, — сказала у меня за спиной и взяла из рук раскрытую книгу.

> Ах! чувствую: ничто не может нас
> Среди мирских печалей успокоить;
> Ничто, ничто… едина разве совесть.
> Так, здравая, она восторжествует
> Над злобою, над темной клеветою.

Прочитала негромко, как бы для себя, и, закрыв книгу, положила ее рядом с иконой. Михаил Архангел и тисненый

профиль Пушкина соседствовали вполне естественно.

Еще через минуту уже шла наша беседа.

— С чего начать? — спросила перед диктофоном сама себя. — Наверное, с этого. 10 марта 1985 года вечером не стало Константина Устиновича Черненко. О его самочувствии и болезни официально ничего не сообщалось. 2 марта были опубликованы итоги выборов в Верховные Советы союзных и автономных республик. Из них явствовало, что в выборах приняли участие 99,98 процента избирателей, а свыше 99 процентов проголосовали за выдвинутых кандидатов в депутаты.

— *Какие цифры! И как быстро мы от них отвыкли…*

— То, что отвыкли, думаю, к лучшему. Депутатом Верховного Совета РСФСР был избран и К. У. Черненко. Пресса сообщила о вручении ему представителями окружной избирательной комиссии удостоверения об избрании депутатом. Было опубликовано его обращение к избирателям, к советским людям. И ни слова о том, что Константин Устинович находится в больнице и пребывает в тяжелом состоянии.

Больше того, 6 марта в соответствии с издавна установившейся в стране протокольной практикой его супруга Анна Дмитриевна проводила прием по случаю Международного женского дня. Он дается для жен глав иностранных дипломатических представительств, аккредитованных в Москве. Прием, как и водилось тогда, шел с танцами, песнями, концертом.

О кончине К. У. Черненко Михаилу Сергеевичу сообщили сразу. Он срочно собрал членов и кандидатов в члены Политбюро, секретарей ЦК. Приняты были решения, связанные с похоронами. На следующий день назначили заседание внеочередного Пленума ЦК КПСС. На этом Пленуме, 11 марта, Михаил Сергеевич и был избран Генеральным секретарем ЦК. О том, как проходило это Политбюро и этот Пленум, написано много. Высказываются разные точки зрения, предположения, суждения… Как рассказывал Михаил Сергеевич мне, ни на Политбюро, ни на Пленуме других кандидатур на пост Генерального секретаря не вносилось. Очевидно, к этому времени у большинства членов ЦК сформировалась определенная общая позиция в оценке сложившейся ситуации и в руководстве, и в стране в целом. Ситуации непростой, неоднозначной, внутренне напряженной. Внешне же все выглядело как обычно. Избрание Михаила Сергеевича было единогласным.

Домой он вернулся поздно. Встречали всей семьей, с цветами. Ксаночка, которой было тогда пять лет, тоже встречала и сказала:

«Дедуленька, я поздравляю тебя. Желаю тебе счастья и хорошо кушать кашу». Михаил Сергеевич засмеялся и спросил: «А ты тоже будешь со мной ее есть?» «Нет мышцы устали ее жевать». «А ведь надо, — сказал смеясь Михаил Сергеевич, — я тоже не люблю ее, кашу, но, понимаешь ли, ем — надо…»

Мы, взрослые, поздравляли Михаила Сергеевича, были счастливы, горды за него и уверены в нем.

Но, конечно, в тот вечер ни дети, ни я реально не представляли ношу, которую он взял, принял на себя. Не представляли и сотой доли того, что же будет означать в действительности его «новая работа» и что ждет Михаила Сергеевича и всю нашу семью в будущем.

У Вас, Георгий Владимирович, наверное, возникает вопрос: а если бы я тогда знала, что все сложится так непросто и даже драматично, не стала ли бы я отговаривать Михаила Сергеевича?

— *Есть такой вопрос.*

— И вот что хочу Вам совершенно искренне на него ответить. При всей тяжести сегодняшних испытаний я не спешу Вам сказать: да. Нет, не спешу и не могу этого сказать. Что будет именно так, как сегодня, мы, конечно, не знали. Но скажите, сегодня Вам не приходит в голову мысль: а что бы означало для страны, народа, если бы тогда, в 85-м году, пришел бы некто, вполне достойный своих предшественников, причем пришел бы опять эдак лет на пятнадцать? А? Чем бы это кончилось? О какой ситуации в стране мы говорили бы сегодня? — если бы вообще говорили. К чему бы это привело страну? Шесть лет назад мы прежде всего думали об этом. Поэтому Михаил Сергеевич и принял такое решение.

Через месяц, в апреле, состоялся Пленум ЦК. На нем Михаил Сергеевич выступил с докладом. Пленум принял постановление о созыве в феврале 1986 года очередного съезда партии. Теперь этот Пленум — апрельский — называют началом поворота. Но впереди были и XXVII съезд партии, и XIX Всесоюзная партийная конференция, и I Съезд народных депутатов СССР…

В 1985 году Михаил Сергеевич совершает свои первые поездки по стране. Май — Ленинград, июнь — Киев, Днепропетровск, июль — Минск, сентябрь — Тюменская и Целиноградская области. Потом это станет обычным в его работе, да и не только в его, но и всего руководства страны. Так рождались новые традиции. А тогда это было необычно, ново. Да и сами встречи с людьми — не формальные, не для галочки. Откровенный, далеко не всегда «лицеприятный», но всегда искренний разговор обо всем, что волнует. Разговор от сердца к сердцу, задушевный и обеспокоенный.

— Этот же стиль он перенес и за границу.

— Да, но это было позже.

Часовое выступление Михаила Сергеевича 17 мая в Смольном, в Ленинграде, было включено в телевизионную программу. В то время и это тоже было воспринято как нечто необыкновенное, если не сказать — диковинное. Во-первых, Михаил Сергеевич не зачитывал заранее написанную на бумаге речь. Он говорил, рассуждал, излагал личное понимание острых проблем экономики. Советовался. И, во — вторых, обращался сразу ко всей стране, ко всем советским людям. Никогда прежде — за редким исключением — выступления руководителей партии и страны на партийных конференциях, съездах, Пленумах, активах не передавались по телевидению, да еще в прямом эфире.

Надо сказать, страна быстро отреагировала на эти новации. Помните, даже анекдоты пошли…

— И Вы хотите сказать, что знаете те анекдоты?

— Конечно. И те, и кое-что из современного «фольклора». Что касается анекдотов 85-го, то, например, вспоминаю такой. Вернулся северянин из Москвы. Спрашивают: «Ну, как там, в центре, поддерживают Горбачева?» — «Не поддерживают». — «Да что вы?» — «Не поддерживают. Представьте, сам ходит». И другой анекдот: «Неграмотный Горбачев, совсем неграмотный». — «Ну что ты, у него же, говорят, два высших образования». — «Все равно неграмотный. Все до него читали, а он — говорит…»

В том же, 85-м году, Генеральный секретарь посетил с официальными визитами Францию, Польшу, Болгарию, Чехословакию. В ноябре состоялась его первая встреча с Президентом Соединенных Штатов Америки Рональдом Рейганом в Женеве. Перед визитом во Францию впервые в нашей отечественной истории руководитель партии, государства в телевизионном эфире беседовал с иностранными, западными журналистами. Прежде это было немыслимо.

В 85-м году состоялся и первый при Михаиле Сергеевиче официальный визит главы зарубежного правительства в нашу страну. Это был визит господина Раджива Ганди. Церемония официальной встречи высокого гостя согласно протоколу была начата на аэродроме. Завершиться она должна была по правилам того же протокола на площади Кремля. Но в тот день шел дождь. В момент въезда машины на территорию Кремля обрушился просто настоящий ливень. Мы, встречавшие, вынуждены были спрятаться под арочные перекрытия. И вот сюда, под арку, из машин стремительным шагом, полубегом вошли, а практически вбежали к нам Раджив и Соня Ганди. Молодые, красивые, полные сил и оптимизма, в блестках русского ливня.

— К счастью?

— Я надеюсь. Потом, с годами, я в полной мере оценила и другое — их душевное, гражданское мужество.[1]

Позднее в наш дипломатический протокол встречи и проводов глав зарубежных государств и правительств внесли изменения. Церемония встречи, приветствия гостей Председателем Президиума Верховного Совета СССР, а потом и Президентом страны стала проходить не на площади Кремля, а в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца.

Шесть лет назад Михаил Сергеевич и его единомышленники начали преобразования, имя которым во всем мире стало — перестройка. Преобразования, связанные с поиском новых путей развития внутренней и международной политики нашей страны, — в условиях нового времени, нового существования нашего общего человеческого дома.

На повестку дня были поставлены экономическая, политическая реформы, демократизация всей жизни, замена старых, отживших структур административно-бюрократической системы, создание правового государства. Концепция нового мышления в международных отношениях означала — я так понимаю — признание главенства политики над силой, невмешательство в дела других, предотвращение мировой ядерной и экологической катастроф.

Перечисляя все это, Георгий Владимирович, я подумала сейчас вот и для нас с вами, и для многих, многих людей в стране, и не только в ней, такое перечисление звучит уже как нечто обычное. Мы к этому привыкли. Но ведь за каждой этой констатацией, за каждой этой фразой, мыслью — мучительное переосмысление и мучительная переоценка прошлого.

Мучительная! Тяжелейшие поиски ответов на жестко, императивно поставленные временем вопросы и проблемы. А какая внутренняя, и не только внутренняя, борьба?! Она шла и идет.

Я была свидетельницей, как при подготовке доклада на XXVII съезде партии в острейших дискуссиях ближайших соратников Михаила Сергеевича рождались новые взгляды на современный мир — как на единую цивилизацию со всеми ее противоречиями и проблемами. Тогда в Политическом докладе ПК XXVII съезду в феврале 1986 года Михаил Сергеевич сказал: «Ход истории, общественного прогресса все настоятельнее требует налаживания конструктивного, созидательного взаимодействия государств и народов в масштабах всей планеты… Такое взаимодействие нужно, чтобы предотвратить ядерную катастрофу, чтобы смогла выжить цивилизация… Именно так, через борьбу

противоположностей, трудно, в известной мере как бы на ощупь, складывается противоречивый, но взаимозависимый, во многом целостный мир». Тогда, в 86-м, эта формулировка была революцией!

Идеи перестройки, ее шаги с самого начала оказались привлекательными для людей и были горячо подхвачены ими. Солидарность и поддержка — в чувствах, словах, наконец, — в глазах сотен тысяч людей, выходивших на встречи с Михаилом Сергеевичем в его поездках по стране и за рубежом, стали эмоциональным фоном перестройки. Поддержка и единение — в беспрерывном потоке писем. В 1985 году лично Михаилу Сергеевичу в месяц поступало до 40 тысяч писем. А всего за 1985 год ему пришло 402 с половиной тысячи писем! И это, повторяю, лично! А не те общие письма, которые пришли в ЦК. В 1986 году Михаилу Сергеевичу, опять же лично, поступало более 60 тысяч писем в месяц. В 1990 году приходило ежемесячно до 40 тысяч писем. В январе и феврале 1991-го — 93 тысячи писем.

Убеждена: нет более точного, более зоркого, более честного документа эпохи перестройки, чем эти письма. В письмах — ее история, анализ всех ее идей, советы, предложения, размышления, все напряжение и весь драматизм перестройки. Чего скрывать: есть и письма злости, письма ненависти, ярости. Но большинство — письма поддержки, письма надежды и решимости действий.

Конечно, мне хочется зачитать хотя бы несколько писем, выдержки из них. «Перестройка — это народное чаяние. Не сворачивать с избранного пути, не отступать. А. Лаврик, г. Свободный Амурской области». «Если будет возврат к прошлому, то лучше в петлю» — это было письмо Л. Шевелевой из Братска. «Верим и надеемся. А. Феклисов, г. Москва». «Прошу Вас, берегите здоровье: битва начинается. Е. Глушков. Южно-Сахалинск». «Любому ясно — сколько энергии, времени, душевных сил, здоровья, наконец, берет у Вас колоссальное, нечеловеческое бремя, которое Вы взвалили на себя. Строить всегда трудно… Может быть, вам будет хоть немного легче, если будете знать, что огромная масса простых людей целиком за Вас, что они Вас любят и болеют за Вас К. Ласта. Ленинград». «Великих побед, дай Вам Боже, великий, родной человек. Михайлина, Ровенгань, Украина». «Уважаемый Михаил Сергеевич! Дорогой! Я не стесняюсь от души назвать Вас этим словом, так как Вы близки честным людям по духу. Семья Чермак, г. Черновцы».

«Безмерно горжусь Вами, наблюдая Вашу работу за

рубежом. Михаил Сергеевич, дело мира для всех нас — самое главное. Если надо, мы все — простые люди — готовы отказаться от любых благ, сесть на хлеб и воду, только бы отстоять мир. Очень прошу Вас, берегите свое здоровье. Вы полностью завоевали любовь и признательность нашего народа.

З. Потоп, г. Кыштым».

А это письмо хочу процитировать полнее. «Знаете, стало интересно жить… Раньше я особенно не вникала, что там говорят по телевизору. Да и, чего греха таить, не очень интересовалась материалами съездов, пленумов… Как будто шло это далеко от меня и меня не очень касалось. Сейчас я требую дома полнейшей тишины, когда Вы выступаете. Всегда с огромным интересом смотрю передачи и читаю материалы о Ваших встречах с рабочими и колхозниками. Если что-то непонятно, перечитываю. Сейчас даже жалею, что не стала членом КПСС. Как, впрочем, жалею и о том, что у нас растет одна дочь. Вы знаете, было постоянное чувство страха перед завтрашним днем — а вдруг завтра война? А сейчас смотрю с надеждой в будущее и думаю: да не может быть, чтобы приложить столько сил, сделать столько мирных предложений и не избавить всех от безумия ядерной войны… А письмо я Вам написала, чтобы Вы знали, что мы, рабочие, с Вами всей душой, мыслями и сердцем. За последний год столько пришлось осмыслить, продумать, что я уже не смогла не поделиться с Вами своими чувствами и мыслями. Л. Бардецкая, Кировская область».

Еще одно. «Держитесь, правда за Вами. Мое письмо может быть каплей в бесконечном океане, но мне очень хочется Вас поблагодарить, поддержать и попросить никогда не уходить в отставку», — автор, как видите, максималист: «никогда». — Иногда, — продолжает он, — и у Вас могут опуститься руки от того, что происходит в мире. Но Вы держитесь, так как за Вами правда. И Ваши инициативы служат интересам всего мира. Благодарю Вас за Ваше мужество. Спасибо Вам. М. Ж. Лелотт. Бельгия».

А вот самые последние письма. Письмо С. Герша из Южно-Сахалинска: «Очень хочется просто по-человечески поддержать Ваши усилия в осуществлении перестройки. Сообщить, что мы верим в Вас, в Ваши начинания. У нас на Сахалине появился хоть какой-то просвет, какая-то надежда на лучшее будущее. Поэтому я Вас очень прошу: доведите, как это ни трудно, начатое Вами дело до конца».

А это — от шофера первого класса А. Аборванова, село

Донское Оренбургской области. «…Я и мои избиратели горячо приветствуем Вас и поддерживаем. Параллельно поддержав церковь и разбудив народ, Вы пробудили чувство доброты в людях и взаимопонимание, которого нам так не хватало в те годы застойного периода. Дружески советую так и держать — своим намеченным курсом, который ведет нашу страну в будущее. Здоровья и сил Вам на долгие-долгие годы! Пусть это письмо придаст Вам силы и уверенности. Я думаю, что поддержка народа — это хорошая платформа для добрых дел».

— *Метко сказано — о платформе.*

— Да. Письмо от 6 марта этого года инженера Новолипецкого металлургического комбината О. Туркиной. Письмо подписали она, ее муж С. Туркин и сыновья — Туркин Дима и Туркин Миша. «Здравствуйте, уважаемый Михаил Сергеевич! Хотела написать Вам это письмо год назад, но не надеялась, что Вы его прочитаете. Может быть, сегодня Вы нуждаетесь в поддержке, и мое письмо согреет Вас. Год назад у нас родился второй сын, которого мы назвали в честь Вас, Михаил Сергеевич (моего мужа зовут Сергей). Мне 34 года. Я беспартийная, работаю инженером Центральной теплотехнической лаборатории на Новолипецком металлургическом комбинате. С первого года перестройки я Ваша горячая сторонница. Назвав сына Мишей (все знают, что в честь Вас), я тесно связала свою судьбу с Вашей. Горячо переживаю все неудачи этого периода, радуюсь успехам. Больно слышать лавину нападок, которым подвергается Ваше доброе имя. Верю в Вас, верю в будущее нашей страны, верю в наш народ. Очень рада буду узнать, что письмо Вами прочитано…»

Идеи перестройки захватили чувства и воображение многих представителей художественной интеллигенции. Их поддержка, их проникновенное слово имели огромное значение для понимания в обществе целей перестройки. Помните стихи Евгения Евтушенко, опубликованные в 1988 году?

Когда страна почти пошла с откоса,
зубами мы вцепились ей в колеса
и поняли,
ее затормозя:
«Так дальше жить нельзя!»
Как он прорвался к власти
сквозь ячейки
всех кадровых сетей,
их кадр —
не чей-то?!
Его вело,

всю совесть изгрызя:
«Так дальше жить нельзя!»
Есть пик позора в нравственной продаже.
Нельзя в борделе вешать образа.
Жизнь
только так и продолжалась дальше —
с великого:
«Так дальше жить нельзя!»

За эти годы мы получили от многих писателей их книги с дарственными надписями, в которых так много сказано важного, значительного.

Мы бережно храним письма ученых, писателей, кинодеятелей, публицистов. Татьяна Ильинична Иванова в ответ на мою записку к ней в связи с одной из ее публикаций в «Новом времени» писала в 1990 году: «…Спасибо за хорошие слова. Поверьте, если бы я могла и умела, я сделала бы что-то очень хорошее для Вас. И, конечно, для Михаила Сергеевича. Но не могу придумать что. Так хочется доставить Вам удовольствие… За все — за все то счастье, которое многие (знайте, очень многие), как и я, испытывали в эти пять лет. Боже мой, ведь принято говорить, что молодость — самые счастливые годы. А мне сорок седьмой год, и самые счастливые годы начались пять лет назад. Причем это какое-то особое счастье — свобода, достоинство его главные признаки. Горбачев — великий человек. Великий и прекрасный. Вот была его встреча с молодежью, я опять восхищалась его ответами. Горжусь, что у меня такой Президент! Я очень хорошо (так мне кажется) представляю себе, какая бешеная нагрузка на его и Ваших плечах. Как бы подставить вам в помощь свои… Стараюсь как могу. Пусть вас обоих хранит судьба, небо, Бог, если все-таки он есть. Будьте подольше здоровы и молоды. Если бы такие, как я (а нас легионы), встали вместе с делегатами III съезда приветствовать Горбачева в связи с его избранием на пост Президента, поверьте, и он пусть знает таких оваций, какие услышал бы он от нас, мир еще не слышал. Поздравляю Вас, Раиса Максимовна, и Михаила Сергеевича со всеми весенними праздниками. И с лучшим из них — с рождением Перестройки — особо. Еще раз спасибо…»

Н. А. Бенуа — внук Николая Бенуа — замечательный русский художник, представитель знаменитой художественной семьи, столько сделавшей для российской культуры, 23 февраля 1988 года написал мне из Италии: «Многоуважаемая Раиса Максимовна! Очень прошу меня простить, что, не имея

удовольствия и чести быть лично с Вами знакомым, я позволяю себе обратиться к Вам с этими строками. Но я уже давно намереваюсь выразить Вам и Вашему гениальному мужу весь тот беспредельный восторг перед грандиозной перестройкой… в области внутренней и внешней политики нашего необъятного, во всех отношениях великого Советского Союза, благодаря которой будет радикально обновлена (и, я бы сказал, омоложена) вся структура советской жизни в соответствии с заветами Ленина. И будут утверждены правильные пути завоевания истинного социализма. Так позвольте, многоуважаемая Раиса Максимовна, высказать Вам, раз уж я наконец решился дерзнуть Вам написать, все мое восхищение перед этой… грандиозной исторической инициативой, от которой будет зависеть вся дальнейшая судьба великой Советской страны. И от всего сердца пожелать Вам и уважаемому Михаилу Сергеевичу успешной дальнейшей работы на благо человечества. Но цель этого письма заключается не только в моем горячем желании выразить Вам и Вашему замечательному мужу эти мои чувства, но и в том, чтобы от всего сердца поблагодарить Вас за тот интерес и внимание, которые Вы проявляете к созданию музея семьи Бенуа… в Петродворце, в окрестностях героического Ленинграда, откуда родом почти все члены «творческой части» нашей обширной художественной семьи…»

Перестройка все более расширяет свой фронт, углубляет позиции, захватывает одну сферу за другой. Как человек, как гражданин, по своему внутреннему убеждению я не могла, конечно, оставаться в стороне от ее движения. Но для меня прежде всего это означало — быть рядом с Михаилом Сергеевичем, помогать ему, поддерживать его что есть сил и возможностей.

— Раиса Максимовна, а я все хочу спросить: а как же Ваша работа? Возникала ли, скажем, идея докторской диссертации?

— Возникала. Однако я отошла от своей профессиональной деятельности. Не скажу, что это было просто и легко. Напротив, даже мучительно. Какое-то время я еще продолжала собирать материал для докторской диссертации, посещала интересующие меня философские семинары, конференции. Внимательно следила за всей выходящей философской, социологической литературой. Поддерживала активные контакты со своими коллегами. Но жизненные обстоятельства поставили меня перед выбором, и я его сделала. Докторские напишут и без меня, другие…

— Вы противоречите самой себе. Прошлый раз Вы ратовали за продвижение женщины в науке, за интеллектуальное равноправие.

— Все правильно. И все в жизни конкретно. Помните: «Истина всегда конкретна»? Я не жалею сегодня о своем выборе. Так нужнее было для моей семьи, для меня. Должность доцента на кафедре философии осталась в моей жизни последней официальной должностью. Хотя уж для полной честности скажу Вам: был все-таки момент, когда меня назначали заведующей кафедрой. Еле-еле отбилась от этого повышения. Дело дошло до слез. Пришлось даже мужа просить, чтоб вмешался.

— *Вмешался, чтобы не повысили?*

— Да.

— *Впервые слышу о подобного рода протекционизме. Обычно вмешиваются с противоположной целью.*

— По-всякому бывает в жизни. Свое непосредственное «гражданское» участие в перестройке я связала с деятельностью общественной. В частности, с деятельностью — на общественных началах — в Советском фонде культуры.

— *Расскажите о ней подробнее.*

— Сегодня в стране существуют уже сотни неправительственных общественных фондов и организаций. Фонд культуры создан одним из первых. Его появление было связано с благородным стремлением к непосредственному участию в демократических преобразованиях, начатых перестройкой, стремлением к духовному обновлению нашей жизни. Он начал свою жизнь под девизом: хранить, осваивать, приумножать. Его задачами стали: активизировать интерес, внимание к культуре и духовным ценностям, к таланту, расширять круг энтузиастов, подвижников культуры, развивать культурный диалог между народами нашей страны, культурные связи с народами других стран. Через культуру — гуманизировать отношения между людьми. Особой заботой, на мой взгляд, должна была стать забота об «экологии культуры», сохранении, охране, как говорят, культурного слоя цивилизации, в который, по моему пониманию, на равных входят творения и человека, и природы. Но прежде чем продолжить, я предлагаю Вам выпить по чашке чаю…

Да, по ходу работы рождались и свои маленькие традиции. Одна из них — чай после двух часов беседы, диктовки и записи. На время чаепития диктофон, естественно, отключали. Но кто же из русских, дайне только русских, чаевничает молча? Разумеется, разговаривали, беседовали, и эти наши «чайные» разговоры бывали чаще всего самого обычного, житейского свойства.

Иногда рассказывала мне о внучках. Чувствовалось, что, как и каждая бабушка, могла бы рассказать о них многое — как я понял, она даже записывает какие-то свои полушутливые-

полусерьезные наблюдения за ними. Но каждый раз сдерживала себя, чтобы не впасть в распространенный и, в общем-то, вполне простительный грех чадолюбивой словоохотливости. Ей вообще присущ внимательный, как и на окружающих, взгляд на саму себя. Пригляд — за собой.

— Они очень разные, внучки. Всегда вместе, но удивительно разные. Ксанка — очень эмоциональная, доброжелательная, хохотушка. Очень отходчивая. Для нее все — очень хорошие. Любит маленьких детей, музыку, любит танцевать. Ксаночка, например, может рассуждать следующим образом: «Бабулечка, ты представляешь себе — мне уже десять лет, годы летят!» Или: «Бабуль, а у тебя были огорчения в жизни?» — «Были, да». — «А ты знаешь, у меня такой существенный недостаток! — буква «д» падает влево, вместо того, чтобы падать вправо»…

Говорят, что Ксенечка на меня похожа. И на Иринку, которая тоже, говорят, похожа на меня. Но одно у нее точно от Михаила Сергеевича — чувство юмора…

Настёнка — маленькая и совершенно другая. Спокойная, уравновешенная. Твердый характер — с самого дня рождения. Всегда знает, что ей надо. Если хочет есть — будет есть, упрашивать не надо. Если не хочет — можете упрашивать, не упрашивать — не будет. Говорит о себе в третьем лице. Допустим, сядет на стул и скажет рассудительно: «Бабулечка, вот она устроилась, а? Неплохо, правда?» «Бабулечка, жить надо не спеша, правда?» «Конечно», — говорю. «Настенька, ты мой друг», — говорю. «Ну какой же я тебе друг? Я — подруга. Я же женщина». «Настёнка, ты мой цветочек». — «Бабулечка, у меня же две ножки, а у цветочка — одна. Как же я могу быть цветочком?» «Бабуля, дай печенье». — «Нет, Настенька, ты будешь толстая». — «Я и так толстая, какая уж разница!..»

Иногда же разговор о внучках возникает совершенно спонтанно — просто они сами напоминают о себе. Нет, не лично: ни ту ни другую я так ни разу и не видел, хотя иногда и слышал где-то в округе, в смежных пространствах частый-частый, резвый топоток и приглушенный стенами-дверями смех. Несомненные гуманоиды! — судя по этому сороконожному топотку и смеху — пробегали по официозному дому, оживляя и населяя его своими беззаботными голосами.

В последний раз мы встречались, когда хозяйка только-только выходила из трудного, с температурой и кашлем, гриппа. На ней была длинная, до колен, с широкими проймами, толстая вязаная безрукавка. Под безрукавкой черная, с букетиками по

косому полю, шелковая, а может, и не шелковая — я в этом не специалист — кофточка с длинными, строгими, зауженными на запястьях рукавами. По черному, беззвездному полю — скупые букеты.

— Очень красиво, — сказал я, придвигая стакан с чаем.

— Подарок, — ответили мне, сразу поняв, о чем речь. Чей, не уточнили, и я не спросил. Что-то в тоне ее уже подсказывало: мужа.

Сунула руку в карман безрукавки в поисках очков. Сколько раз за эти вечера искала моя собеседница очки! Несколько раз даже находила их, укладывала перед собой на столе, на видное место. Но так ни разу их и не надела — в очках я ее не видел. Сунула руку в карман вязаной безрукавки в поисках очков и наткнулась в кармане на лист бумаги. Засмеялась — это была записка внучки Ксении к ее маме (из чего я понял, что кофту надевает не только мать, но и дочь — у меня дома такое случается на каждом шагу: мои дочери умудряются носить не только материнские кофты, но и мои свитера, заворачиваясь в них, как в шаль).

Дорогая мамочка, — писала девчушка. — Я хотела у тебя узнать: на мой день рождения мы кроме этой дурацкой поликлиники еще куда-нибудь пойдем? Я имею в виду кафе или цирк… Вряд ли дождусь тебя, наверно, лягу спать, потому и пишу эту записку». Улыбку вызывала концовка — я ее запомнил дословно: «Жду ответа, как ваш соловей. И жду лета…» Мне показалось, что все это — и уютная для всех безрукавка, и записка в кармане, и сам стиль ее (что за «ваш соловей»? — любопытно все-таки приспосабливают к себе наши дети наши с вами и даже еще «донашенские» расхожие архаизмы) несут отпечаток стиля, принятого в доме, в своем кругу…

— Итак, продолжим разговор о Фонде. Его возглавил академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, которого раньше я знала как специалиста по древнерусской литературе и как автора «Заметок о русском», размышлений о культуре России, об особенностях русского национального характера, о природе России, о русской пейзажной живописи. Дмитрий Сергеевич делился со мной: «Очень хочется, чтобы Фонд культуры был фондом высокой культуры. Надо «подтягиваться к небу, к вершинам».

На счету Фонда уже немало доброго. Фонд явился родоначальником возрождения благотворительности в стране, внес свой вклад в ликвидацию «белых пятен» в литературе, истории искусства, в восстановление и развитие различных видов

творчества.

Под его эгидой родились целевые программы: «Краеведение», «Уникальные исторические территории», «Возвращение забытых имен», «Великий шелковый путь», «Новые имена», «Сохранение и развитие культур малочисленных народов», «Через культуру к здоровью и милосердию» — и такая программа у нас недавно создана. Стали действовать Пушкинское общество, ассоциации коллекционеров, колокольного искусства, реставраторов. Масса усилий, энтузиазма была потрачена на реализацию идеи создания музея личных коллекций. Сейчас осуществляется и замысел музея современного искусства. Очень популярен — и это тоже приятно мне — журнал фонда «Наше наследие», который издается на полиграфической базе корпорации «Максвелл коммьюникейшн».

Фонд культуры стремится выйти на конкретные полезные дела во всех уголках страны. В связи с этим вспоминаю поездку Михаила Сергеевича в Свердловск в апреле 1990 года. Она дала мне возможность побывать в местах моего детства, в Алапаевске, и при содействии Фонда поддержать инициативу уральцев о развитии Алапаевско-Синячихинского культурного комплекса, в том числе о создании алапаевской детской Школы искусств. Это меня очень радует.

Огромное удовлетворение доставило мне участие в создании Фонда Рериха. Николай Рерих — великий русский художник и мыслитель. Последние десятилетия жизни его, как известно, прошли в Индии, но он не порвал связи со своей Родиной. Благословением судьбы считаю я личное наше с Михаилом Сергеевичем знакомство со Святославом Николаевичем Рерихом — сыном Н. Рериха, известным современным художником, и его женой — Девикой Рани, индийской киноактрисой, племянницей Рабиндраната Тагора.

Мне памятны наши встречи с ними, наши беседы, такие человечные, такие сокровенные: о мудрости, красоте, духовности, добре, о «Канченджунге» — есть такая священная гора «пяти сокровищ»… И, конечно, о судьбе.

Мы говорили с Рерихами и о создании Фонда Рериха в Москве, открытии культурного центра-музея Рериха. Много говорили о Неру, он ведь был когда-то близок с семьей Рерихов. Святослав Николаевич не раз повторял, что очень верит в Михаила Сергеевича, что все у него, Михаила Сергеевича, получится…

А сама речь Святослава Николаевича, пересыпанная такими старинными и трогательными словами: «матушка моя», «батюшка ты мой»! Надпись, сделанная Рерихом на подаренной нам фотографии: «Будем всегда стремиться к прекрасному». Все это

символично — как вечный зов… Зов человеческой естественности и мудрости.

Странно, но почему-то в связи с творчеством Рерихов все время вспоминаю судьбу Музея древнерусского искусства имени Андрея Рублева. Впервые я оказалась там несколько лет назад и пережила целую гамму чувств. Невозможно недооценивать то высокое воздействие, которое оказывает на человека искусство древних, будь то предметы зодчества, быта, фрески или, как в нашей отечественной духовной культуре, — иконы.

Увидела я и то, что трудностей у музея больше чем достаточно. И не могла остаться равнодушной. Попыталась принять участие в судьбе этого музея. К сожалению, вызволить его из бед оказалось непросто. Но, уверена, необходимо. Такие уникальные музеи, своеобразные центры истории русской культуры — наша общая патриотическая забота. У нас их немного. Мы — не Италия.

Когда ездишь по Италии, только и слышишь: X век, XII, XIII… Здания, музеи, целые города. И потому, думаю, нам должны быть еще дороже все наши исторические памятники. Мы должны быть внимательны, бережны к ним.

Мне кажется важным, что деятельность таких организаций, как Фонд культуры, не только зиждется на возрождении нравственности, на нравственных импульсах, идущих от людей, но и сама способна вызывать их. Бесценны предметы и творения искусства, народных промыслов, которые передаются многочисленными дарителями Фонду. Все это пополняет экспозиции наших музеев и передвижных выставок. Но для меня не менее важно и то, что люди делают это бескорыстно, движимые высокими побуждениями.

— А возвращение из-за рубежа наших национальных художественных и культурных ценностей!

— Хочу сказать и об этом. Люди, подчас генетически не связанные с Россией, передают их не только из чувства определенного долга перед страной и не только по широте душевной, но еще и потому, что верят — они вручают их в честные и добрые руки: потеплел и очеловечился за годы перестройки сам образ нашей страны. Я горжусь, что причастна к этому возвратному шествию домой, на Родину наших культурных святынь. Многие такие дарения посчастливилось принимать мне. Помню тепло человеческих рук — и старых, почти древних, и совсем юных, и мне кажется, что эта цепочка, цепочка тепла и участия ощущается всеми советскими людьми в нынешние, очень нелегкие для всех нас дни.

Мне хочется выразить благодарность людям Америки,

Франции, Англии, Италии, Японии, Испании, других стран как выходцам из России, каких бы национальностей они ни были, так и тем, кто формально к ней отношения не имеет и в своих деяниях был движим лишь собственной доброй волей.

Сама я издавна люблю книгу, театр, живопись. Чрезвычайно ценю проникновенное творческое слово. Преклоняюсь перед самобытным, одаренным умом, человеческим благородством, мужеством и самоотверженностью. Восхищаюсь красотой человеческого лица. Красотой ландшафта, цветка, травинки. И верю: спасая красоту в любом ее проявлении, человек в конечном счете содействует спасению собственной души.

— Но в последнее время, Раиса Максимовна, в нашей стране все больше говорят о «спасении души» в прямом смысле. Более активным стал интерес к церкви, к религиозной литературе, к религиозным учениям и постулатам. Одна из причин, наверное, ˆстабильность нашей материальной жизни, определенный духовный надрыв?

— Да, наверное. Но нельзя отрицать и того, что перемены, происходящие в последние годы в обществе, позволили, с одной стороны, церкви сделать смелее шаг из тени и отчуждения, в котором она пребывала многие и многие годы, а с другой — дали возможность людям не скрывать, не стыдиться своих убеждений, да и просто своего интереса, даже если они не совпадают с официозом. Например, того же интереса к церкви. Не «может быть», а утвердительно: перестройка способствовала возрождению церкви, сняла некий элемент запретности с ее повседневной жизни. Верующим возвращаются сегодня церкви, мечети… По просьбам верующих мне самой не раз доводилось участвовать в этом. И я была рада помочь доброму делу. Сегодня мы слышим уже и праздничный звон колоколов, а религиозные проповеди звучат даже по телевидению. Активнее зациркулировала богословская мысль.

Вы, конечно, помните, что до 1985 года даже такие книги, как Библия и Коран, являлись библиографической редкостью. Их невозможно было приобрести, купить. Сегодня мы открываем для себя богатый, многокрасочный мир многих забытых или почти неизвестных мыслителей, подвижников веры и духа. Словом, в обществе и государстве налаживается нормальный диалог с церковью. Падает существовавший еще недавно «железный занавес» между ними.

Помните, как торжественно прошло празднование 1000-летия крещения Руси? Церковь сегодня активно включилась в миротворческую, благотворительную, патриотическую работу в обществе. Для нас это чрезвычайно важно. Страна наша

многонациональная, в ней представлены многочисленные конфессии, и согласие в обществе во многом зависит от всех пастырей многомиллионной паствы.

Мне приходилось встречаться с разными деятелями церкви. Встречалась с покойным Патриархом Всея Руси, Его Святейшеством Пименом и с нынешним Патриархом, Его Святейшеством Алексием II, с Римским Папой, Его Святейшеством Иоанном Павлом II, с Верховным патриархом, Католикосом всех армян Вазгеном I и другими духовными лицами. И просто верующими людьми, людьми высокообразованными, глубоко думающими. Его преосвященство Питирим, митрополит Волоколамский и Юрьевский, — член президиума Фонда культуры. И мы сегодня вместе обсуждаем все волнующие нас проблемы.

Бывая в храмах, обязательно беседую не только со священнослужителями, но и с обычными верующими. Я ведь понимаю, что люди приходят сюда со своей болью, тревогой, приходят в особом состоянии, несут свою боль Богу. А это значит, что мы, люди, их окружающие, где-то не заметили эту боль и не откликнулись на нее.

Как-то во время посещения Свято-Данилова монастыря одна из женщин, уже старушка, спросила у меня: Раиса Максимовна, а почему Вы не стали на колени перед иконой? Что было ей ответить? Я спросила в свою очередь: «Вы верите в Бога?» «Да», — ответила она. «Ну, что ж, хорошо. Я думаю, человек не может жить без веры, на то он и человек. Но, согласитесь, вера ведь может быть разная. Главное — в какие поступки она выливается. Я знаю достойных людей — атеистов и людей, которые не верят в Бога, а верят в некую таинственную «всевышнюю» силу. Ваша вера не мешает мне уважать Вас, Ваши чувства, верить Вам. Главное — терпимость и уважение к взглядам другого. Важно, чтобы во имя какой бы то ни было собственной веры мы не били друг друга и не сносили головы друг другу. Это — главная моя вера, мой идеал, моя надежда. А теперь скажите, — продолжала я, — неужели было бы лучше, если бы я, просто для того, чтобы подладиться, понравиться, встала здесь на колени?» «Нет, — ответила женщина, — лицемерить не надо. Это было бы хуже».

Лицемерить не надо! Мне кажется, это знаменательные слова, ключ к пониманию многого.

Наверное, я слишком заинтересованная защитница перестройки и все же среди других ее заслуг отметила бы и такую: да, она возвратила людям чувство достоинства. Даже тот же естественный, возросший в последнее время интерес к религии, он ведь тоже в конечном счете зиждется на этом — на

возрожденном чувстве собственного достоинства! Но — не лицемерить, не фальшивить. Фальшивить — значило бы унижать собственное достоинство и обижать других, оскорблять их. И не просто оскорблять.

Я убеждена: лицемерие, ложь — родная сестра зла, нетерпимости и жестокости. Когда вижу, с какой легкостью вчерашний безбожник, вчерашний энергичный пропагандист и проповедник атеизма сегодня клянется в вечной верности христианским догматам, а иной священнослужитель неистово сражается на баррикадах политического противостояния (а у нас такие есть), я думаю: а имеется ли тут хоть капля веры — любой! — или только испепеляющее душу неверие, ложь и лицемерие? Только «бесценное наследство» прошлого, идеологической нетерпимости и противостояния, от которого так нелегко нам отказаться… Помните пьесу Е. Шварца «Дракон»? Дракон, побежденный рыцарем Ланцелотом, говорит: меня утешает, что я оставляю тебе прожженные души, дырявые души, мертвые души.

Говорят, нет ничего дороже человеческого общения. Трудно, невозможно даже перечислить имена всех, с кем за эти годы судьба подарила возможность нам с Михаилом Сергеевичем и лично мне встретиться, познакомиться, узнать их ближе. Государственные, политические, общественные деятели, ученые, художники, врачи, домохозяйки, колхозники, рабочие, служащие… Известные всему миру и неизвестные. Среди них столько талантливых, незаурядных, ярких, неповторимых людей! Память хранит мгновения встреч, слов, образов, ситуаций, атмосферы. Мечтаю когда-нибудь собрать их вместе на страницах книжки.

Сопровождая Михаила Сергеевича в его поездках по стране, я часто сама посещаю школы, детские дома, сады, больницы, рынки, магазины, учреждения культуры, бываю в семьях. И это, конечно, не просто удовлетворение моего любопытства. Встречи мои — неофициальные, носят непосредственный, достаточно непринужденный характер и дают дополнительную возможность что-то увидеть, услышать и понять, а если можно — и помочь. Увидеть и мне, и Михаилу Сергеевичу.

Вспоминаю его поездку в Мурманскую область в 1987 году, в города советского Заполярья. Помню их величавую, строгую красоту в духе природы Севера. Поразило само расположение Мурманска — на трех террасах, как на трехпалубном лайнере. Помню посещение комбината «Североникель» — гиганта цветной металлургии. Героическую подводную лодку К-21 — памятник мужеству наших воинов в Отечественной войне. Музей

поморского быта. Хорошо помню детей и сотрудников мурманского дошкольного детского дома, который мне удалось посетить

И, конечно же, прекрасно помню встречи с женщинами — в Мончегорске, Мурманске, Североморске. Говорили о многом: о недостатке рабочих мест, проблеме занятости женщин, жен рыбаков, военнослужащих. О пенсиях северянам, не меняющим места жительства после выхода на пенсию и остающимся жить на Севере. О моральной и материальной ответственности родителей, отказывающихся от новорожденных детей и оставляющих их на произвол судьбы, на попечение детских домов. Это — проблема в Мурманске, как и во многих других портовых городах. О качестве питания в детских домах, обеспеченности домов ребенка и школ-интернатов транспортом. О состоянии сферы быта, об экологии в Мончегорске. Говорили об участии мурманчанок в работе Фонда культуры, в развитии культурных связей с жителями соседних, Скандинавских стран. И мне приятно, что в подвижке, в решении некоторых «женских» проблем региона есть сегодня, пусть маленькая, но и моя доля, мое участие.

С председателем Мурманского облсовета по работе среди женщин Маргаритой Михайловной Молодцовой мы готовили записку по самым острым социальным проблемам и передали эту записку в ЦК КПСС и Совет Министров СССР. Некоторые предложения женсоветов Мурманска и соображения, которые готовили партийные, советские организации Мурманска — по проблемам женщин-северянок, детей, престарелых — мы адресовали в Президиум Верховного Совета СССР, в Комитет советских женщин, в Детский фонд. Были общие решения по итогам поездки Михаила Сергеевича, они затронули целый комплекс проблем — наши предложения тоже вошли в них.

Конечно, не во всем, с чем я сталкиваюсь, о чем слышу, о чем пишут и просят меня люди, я могу помочь. И хотя болит душа, хотя я, поверьте, очень хотела бы помочь каждому, но есть реалии жизни и, как известно, нет всемогущих людей. Труднее всего с тем, что касается жилья, тяжелых заболеваний, судьбы инвалидов, одиноких, престарелых людей.

За эти годы я услышала немало добрых слов и по своему адресу. У меня тоже появились свои сторонники, свои союзники и друзья — и на Родине, и за рубежом, а в США даже есть общество друзей Раисы Максимовны. Я благодарна им всем, моим далеким и близким друзьям, за их поддержку, за их добрые чувства и добрые слова. Написанные и подаренные мне картины, книги, стихи, песни, рисунки — что может быть дороже этого душевного всплеска? А слова — простые, искренние и доверительные: «С

уважением к Вам и благодарностью за мужество и достойнейшее представление женщин нашей страны перед всем миром. Тищенко К., Кривой Рог».

Перебираю совсем свежую почту: «Дорогая Раиса Максимовна! Поздравляю Вас с праздником 8 Марта. Желаю Вам сибирского здоровья, кавказского долголетия, мира и любви Вашей семье, конечно, терпения. Я понимаю, как трудно быть женой Президента, но все будет хорошо. Молюсь за Вас, жду Вашего звонка. Очень много нужно сказать. С уважением Мухарамова Раиса Алексеевна, Ашхабад». Из Ивано-Франковска — от семьи участника Великой Отечественной войны. Поздравляют с 8 Марта. «В этот прекрасный день дарим Вам миллион белых подснежников»…

Письмо из США — от Глории Хаттен Сапп, штат Джорджия. «Уважаемая госпожа Горбачева! Я сидела дома, смотрела и слушала по телевидению Ваше первое выступление, обращенное к студентам Уэлсли-колледжа и широкой аудитории Соединенных Штатов Америки. Я не знаю, как к Вам относятся граждане Советского Союза. Надеюсь, что с огромным уважением, которое Вы заслуживаете. Ваши слова вселяли надежду, манеры были грациозны. Все Вами сказанное нашло понимание у тысяч наших граждан. Ваше выступление способствовало сокращению пропасти, разделяющей наши народы. Пропасти, которая сокращается день ото дня. Я желаю Вам, Вашему супругу и вашей стране победы над трудностями, с которыми Вы сталкиваетесь. Я благодарю Вас за все то, что Вы сделали для народов нашей планеты. С огромным уважением Глория Хаттен Сапп».

Впрочем, еще одно письмо зачитаю полностью. «Уважаемая Раиса Максимовна, здравствуйте! Не знаю, дойдет ли до Вас это письмо и стоило ли мне его писать. Но очень, Вы мне поверьте, очень хочется сказать Вам добрые слова. Откровенно говоря, когда еще только Михаил Сергеевич стал совершать поездки по нашей стране и Вы присутствовали отнюдь не в туристических, а действительно рабочих поездках, меня это раздражало. А несколько позже, после первых Ваших поездок я поняла, что для Вас это тоже труд, а не развлечение. И не просто работа, а работа нелегкая. Это — и большая общественная работа, и моральная нагрузка. Это — когда независимо от настроения и самочувствия Вы должны улыбаться журналистам и людям, окружающим Вас. Это — когда Вы должны знать все, о чем говорят, и говорить с людьми, отвечать на их вопросы не поверхностно, лишь бы что-то и как — то ответить, а намного глубже, знать все их проблемы и отвечать на все их вопросы. Это и Ваше умение скромно, но в то же время со вкусом и модно одеваться. Это и умение чисто по-

женски располагать к себе людей. На мой взгляд, быть женой Генерального секретаря очень нелегко, когда на Вас смотрят не только как на женщину вообще, а именно как на жену Михаила Сергеевича. Воистину это тяжело! Письмо пишу после просмотра программы «Время», в которой было показано Ваше пребывание в Югославии. И, честное слово, когда я видела Вас на экране, я испытывала чувство гордости за Вас, за Михаила Сергеевича, за советских людей, за свою страну. Возможно, письмо мое путаное и не все в нем Вам будет понятно. Я просто хочу, чтобы Вы поняли мое доброе и самое хорошее отношение к Вам… Гуцал Лариса, 28 лет».

«Раиса, Вас зовут именно так — без титулов и прилагательных. Мы любим Вас за Ваше умение скромно, мягко и умно, но одновременно — с любовью — быть рядом с господином Президентом. Уверенная, спокойная, ясная. Вы идете, *сея* весну, которая уже дает всходы цветов свободы, цветов радостей. Пусть Вам и дальше не изменят силы на этом пути. Спасибо. Сестра Анна Лонеро. Неаполь».

— Ну, это уже не проза, а поэзия…

— Я глубоко признательна пяти миллионам читателей английского журнала «Уименз оун», выбравших меня «женщиной года» и присудивших в 1987 году приз за международную деятельность. Признательна международному фонду «Вместе за мир» и его председателю г-же М. Фанфани за присуждение премии «Женщины за мир». До глубины сердца трогает меня, когда узнаю, что, скажем, семья г-на Ривьелло в Италии, семья г-на Модзелевски в США, семья г-на Режина в Бразилии, семья Димовых в Болгарии назвали своих дочерей моим именем. А польская фирма «Витрофлора», ее владельцы супруги Анна и Кароль Павляк вывели сорт прекрасных, удивительных гербер и назвали их «Раиса». Мое имя фирма ФРГ «Огилви энд Мэйзер Фокас» присвоила только что выведенному ею сорту роз.

Я, поверьте, вовсе не падка на подобные знаки внимания. Не жажду всеобщего обожания. Но так уж устроено человеческое сердце: чью-то доброту, чье-то расположение оно слышит, угадывает безошибочно. Это — его наилучшая питательная среда. Оно моментально откликается на добро добром.

Вспоминаю Сицилию, Мессину, город Линц в окрестностях Бонна, Миннеаполис. Навсегда сохраню в душе благодарность всем, кто в те памятные дни вышел пожать мне руку, через меня выразить доверие и признательность моей стране, моему народу, моему мужу.

— И все же не случайно у нас, русских, есть и такая поговорка: на весь мир не будешь мил. А бывает и так, что «мир» оказывается

благосклоннее, чем «дом»…

— Бывает… За эти годы слышала я, конечно, и другое. Что «претендую на какую-то особую роль», что «вмешиваюсь не в свои дела», что я — «тайное оружие Кремля», что — «царица», «Жозефина» и т. д., и т. п.

Думаю, Георгий Владимирович, не столько моя индивидуальность и не только многообразие человеческого мышления, подходов, оценок определяют эту противоречивость суждений. На мой взгляд, главным образом имеют значение другие обстоятельства. Возможно, прежде всего — сам факт моего открытого общественного появления.

Суть в том, что понятие «жена руководителя партии, страны» стало у нас весьма абстрактным, ни о чем не говорящим. И дело здесь не просто в супруге руководителя государства, как таковой. Мне кажется, это глубже. Речь об отношении к женщине вообще. Женщине-жене, к женщине-матери — особенно. Об их положении в нашем обществе. Мы говорили уже с Вами, что, немало сделав для женщин и детей, страна так и не смогла создать необходимых условий для реализации фактического равенства советской женщины. Для полноправного утверждения ее человеческого достоинства. К тому же произошло понижение, «уценка» в общественном сознании и общественном мнении роли семьи. А вместе с тем — обесценение и принижение роли женщины-матери, женщины-жены и — не торопитесь с выводами — мужчины-отца. Да-да, принижение роли женщины неизбежно «уценило» и значение мужчины в семье. Это взаимосвязанные вещи. Характерная мелочь: помню, еще в моем детстве все праздники, все торжества — общественные и семейные — семья отмечала вместе. Отец с матерью в гости шли — вместе, в клуб, на официальные торжества и мероприятия — вместе.

Не исключительной, а вполне естественной была, скажем, такая ситуация. У отца на работе торжественное собрание. В числе других передовиков и ему вручают грамоту или премию. Мать — тут же, в зале, вместе с другими женами сослуживцев отца. А через некоторое время, когда «торжественная часть» заканчивается, на той самой дощатой сцене, где только что вручали отцу почетную грамоту и жали руку, появляюсь — вместе со своими одноклассниками — и я. Концерт. Поем, пляшем перед ударниками, строим гимнастическую пирамиду… И я знаю, что самые благодарные, самые пристальные, самые «переживающие» мои зрители — отец с матерью, сидящие бок о бок где-нибудь в первых рядах. Всей семьей мы выезжали на пикник, на маевку — даже транспорт тогда выделяли, чтобы вся семья могла участвовать в том или ином событии, обязательно с детьми.

Сейчас же, Вы знаете, сослуживцы и коллеги, как правило, на работе отмечают дни рождения — без жен и мужей. Праздники — тоже без приглашения жены или, соответственно, мужа. Даже поход коллективный в театр — по принципу принадлежности к трудовому коллективу. «Билеты по числу членов профсоюза!» — кому не знакома эта сакраментальная фраза? В отпуск, на отдых тоже стало модно поодиночке. Опять же путевки на всю семью — проблема. Много ли у нас семейных пансионатов, домов отдыха? Практически нет. Мы не думали об этом. Считали, что строим нечто большее, чем семью.

Кстати, только в нашей стране да еще в нескольких странах из нашего былого окружения на государственных приемах, обедах — без жен, без супруга. А я считаю, пусть бы этих приемов было меньше, но все-таки лучше, достойнее — не поодиночке, а так, как принято в цивилизованном мире. А когда высокопоставленное должностное лицо на сессии Верховного Совета РСФСР на глазах у 300-миллионной телеаудитории страны оскорбляет свою коллегу-женщину? Чью-то жену, мать. Когда же его попросили извиниться, человек сделал вид, что не знает за что…

И материально, и нравственно мы обесценили домашний и семейный труд женщины. Стало не только непристижно, но и почти «неприлично» гордиться женой-домохозяйкой или представлять обществу в таком качестве свою спутницу жизни. Тут я вновь и вновь вспоминаю свою маму. Да, она тоже домохозяйка. Но ведь она вырастила троих детей — что может быть «государственнее» этого труда! Дала всем детям, повторяю, отличное образование — и все на скромные доходы нашего отца. А чтобы «выкрутиться» в таких условиях, нужно было и трудолюбие, и даже, простите, талант. Ее руки, на которых так много держалось, были не просто трудолюбивы, но и талантливы. Шила, перешивала, перелицовывала, готовила, обстирывала, убирала, выращивала огород, ухаживала за коровой и птицей, лечила детвору, экономила копейку — а это тоже талант, и еще какой!.. Душевная, деятельная должность — вести дом, семью. Как жаль, что мы ее обесценили!

И только ли домохозяйкой не принято сейчас хвалиться? Думаю, положение женщины, семьи в государстве и обществе — наша общая забота. Где-то я совсем недавно прочитала: будет счастлива женщина — будет счастливо и все общество. Все сразу, конечно, не бывают счастливы, и все же мысль весьма любопытная.

Меня занимает еще одно наблюдение Вслед за принижением «домашней» роли отца, матери, жены — впрочем, может быть и

одновременно — какие-то необратимые процессы стали происходить и с самим понятием «дома».

— Что Вы имеете в виду?

— Поясню. Стала теряться, охладевать когда-то столь характерная для всех людей приверженность родному гнезду. «Казенное» жилье стало предпочитаться своему, нажитому не одним поколением, родному. Я говорю не только о заброшенных, выстывающих по всей стране родительских очагах. Перебираясь с одной квартиры на другую — из коммуналки в «малогабаритку», из «малогабаритки» в конце концов в более приличную — и получая каждую из них с боем, с великим трудом, мы поневоле становимся энтузиастами «обмена». Процесса. Не успеваем прикипеть душой к чему-либо. Не успеваем согреть, «насидеть» то или иное место — уже надо «расширяться» или «разбегаться». Может, поэтому и не бережем, не дорожим особо ни казенными квартирами, ни домами, не дрожим над ними, как дрожали бы над своими? Вечные временщики, постояльцы…

Во время встречи Михаила Сергеевича с Джорджем Бушем на о. Мальта я побывала в одной мальтийской молодой семье. Молодожены, обаятельные, приветливые. Детей пока нет. Но в квартире уже есть детская комната — они ее уже и обставляют потихоньку. Квартира — сразу трехкомнатная. Купили в кредит, в рассрочку, с помощью родителей. Сразу купили квартиру «навырост», надолго и даже — не на одно поколение. Так и закладывается родовое гнездо! Лепится, как лепят его ласточки. Мы, конечно, не Мальта. Другие масштабы, в том числе и прорех, нехваток. Нельзя покамест — даже за деньги — каждой молодой семье дать возможность поселиться вот так, просторно, надолго, с заглядом в завтрашний день. Но что-то уже можно делать и сегодня! Если человек живет в доме, в котором жили его отец и мать, у него другое восприятие и этих стен, и не только стен. Он устойчивее к жизни, он более укоренен в ней, что ли. Дом ведь — не только стены, но и что-то неизреченное, сокровенное.

Опять вспоминаю свою маму. Я Вам уже говорила, что насиженного места у нас тоже не было: без конца переезжали «хвостиком» вслед за отцом-железнодорожником, без конца меняли жилье. Но куда бы ни ехали, ни перебирались, мать как нечто заветное, живое упрямо возила с собою с места на место старенький буфет. Куда бы ни приехали, поставит буфет — и уже дом. Уже — свое. Какое-никакое, а гнездо. На душе теплее и не так бесприютно. Так и не расставалась с ним. Он связывал и ее, и всех нас с теми, кто был, кто составлял наш дом.

— В то, о чем я Вам сейчас скажу, трудно поверить, но это так перекликается с Вашим рассказом! В Буживале, у Тургенева,

мне посчастливилось побывать вместе с Вами. И знаете, что меня поразило больше всего? Я помню, что у моей матери был шкаф темного, если не ошибаюсь, чинарного дерева. Шкаф, горка, полочки — ни единого гвоздика. Он достался ей от ее матери, а той — тоже от матери. Это была, как я теперь понимаю, самая дорогая вещь в нашем доме. Он, конечно, уже рассыпался, но дерево было легким, выспевшим, ароматным. Я любил совать нос в шкаф: не только в поисках чего-то лакомого, но и просто — понюхать сам его воздух, пряный, вкусный и загадочный. Но мать умерла, и я, несмышленый, пытался из антресолей шкафа сделать санки. Пилил — дерево не пилилось, сбивал гвоздями — оно кололось. В общем, сгубил антресоли. А затем дом продали, нас, детей, отправили по детским домам и интернатам, вещи тоже продали или растеряли. Пропал и шкаф. Все пропало. Одна ветхая льняная скатерть осталась, докочевала до сего дня в память о матери. А я с годами стал почему-то все чаще и больнее вспоминать этот самый шкаф — может, потому, что виноват перед ним. Для меня он действительно «глубокоуважаемый» — как в вишневом саде». Ностальгия бывает и по вещам. И вот захожу тридцать лет спустя в дом-музей И. С. Тургенева, и знаете, что первым бросается мне в глаза?

— Догадываюсь.

— Да, старинный шкаф темного дерева, как мне показалось, точь-в-точь такой, какой был когда-то у моей покойной матери, в моем отчем доме! Я был потрясен и почти всю экскурсию простоял возле него. Хотелось открыть дверцу, засунуть голову в его пряные недра и понюхать.

— Надо было так и сделать! — у музея, помнится, очень гостеприимные, простые хозяева… А вообще я Вас вполне понимаю. Чувство дома — его нельзя утрачивать, это опасно. Его надо возрождать всем нам и в каждом. Это тоже путь к основательности, ускорению, стабильности и в каждой конкретной человеческой душе, и в обществе. Мой дом не просто моя крепость, а мой мир, моя галактика. Так считаю я. И еще надо с детства не отбивать у ребятишек охоту к труду всякими там формальными «уроками труда», которые чаще всего учат их лишь умению изворотливо уходить от любой постылой трудовой повинности, а дать им вволю трудиться самим: где захотят и где не вредно их здоровью. Лучше всего — в том же собственном доме, саду, огороде…

— А сейчас многие просто мечтают об этом — о собственном доме и саде-огороде. И взрослые, и дети — мои в том числе. Это, похоже, имеет глобальный характер. В Америке наступивший бум индивидуального строительства, садоводства связывают с тем,

что в активную деловую жизнь пришли люди рождения послевоенных лет. Поколение «бэби-бума» и его дети. Думаю, что и к нам это имеет прямое отношение. Я лично верю и крепко надеюсь на свое поколение — хотелось бы, чтобы это было поколение не тех, кому, нечего терять», а — социалистических собственников.

— Я бы всячески поощряла такое движение. Поощряла бы все, что привязывает человека к дому, земле, к порядку, делает его социально устойчивее, честно приращивает его достаток. Пора, пора переходить от крика, воплей, нагнетания нетерпимости, ненависти и злобы — к делу… и к дому. Я тоже верю в работящих, деловых — моя мама сказала бы: дельных — людей и с нетерпением жду их прибавления на перестроечном пути…

Чтобы закончить тему дома. Нынешней весной Президент собирался прилететь на восьмидесятилетие матери. Сам. Лично. Я это знаю точно. Не получилось — шахтеры не отпустили. Полетели те, кто хоть как-то мог заменить его в данном случае, доставить матери радость, сравнимую с приездом сына.

Прилетели личные представительницы Президента. Два крохотных посла с бантами: Ксения и Анастасия.

Мать его была счастлива, хотя и грустна одновременно — состояние, знакомое всем нашим матерям, независимо от того, кого они терпеливо ждут у отчею порога: президента, премьера или разнорабочего. Сына — этим все сказано.

— Мы начали говорить с Вами, Раиса Максимовна, о положении в обществе жены руководителя страны…

— Вообще-то во всем цивилизованном мире это положение, права и обязанности жены главы государства как-то очерчены. Если не нормативными документами, то определенными традициями. Мне рассказывали, например, что в Белом доме для помощи в исполнении на должном уровне женой президента США ее официальных функций существует соответствующий персонал. Свой шеф канцелярии, есть даже своя личная территория», свой «офис» в крыле Белого дома. Г-жа Миттеран, супруга президента Франции, много сил отдающая созданной ею организации «Франс Либерте», во время одного из посещений Парижа знакомила меня с работой своего секретариата, который традиционно помогает супруге президента в ее общественной и благотворительной деятельности. Г-жа Коль, активная, занятая весьма многообразной общественной и попечительской работой, также рассказывала о специальном бюро, оказывающем ей необходимую помощь.

В моем же распоряжении, Георгий Владимирович, оказалась только одна традиция, сформировавшаяся со времен Сталина, — отсутствие права на гласное, официальное существование. Мне

даже иногда приходит мысль, что мое появление, в глазах определенной части нашего общества было воспринято с чрезмерным пристрастием, прямо как «событие» перестройки.

Да, мое положение рядом с Михаилом Сергеевичем потребовало от меня как супруги главы государства выполнения некоторых официальных обязанностей: участие во встречах, некоторых государственных, общественных мероприятиях, в том числе протокольных. Каких-то специальных дипломатических знаний и уж тем более какого-то «великосветского» опыта у меня, конечно, не было. Все осваивалось по ходу событии, делалось на основе жизненной логики и интуиции.

— Интуиции?

— В самом деле — многое по интуиции. И по природной склонности к здравому смыслу. Впервые доподлинно узнала, что в международной жизни существуют строгие правила дипломатического церемониала и протокола. Что есть общие, принятые во всей международной практике, а есть — особенные, национальные протокольные правила и требования, связанные с различными традициями тех или иных народов и государств. Узнала — теперь уже не понаслышке, а из «первоисточников», — что даже такие мероприятия, как «обед», «чай», «фуршет» имеют свои «индивидуальные» элементы дипломатического этикета. Например, обед — наиболее почетный вид приема. Проводится обязательно в вечерние часы, обычно с 19 часов и позже, хотя и называется обедом. Предполагает строгий, определенный порядок «рассадки» за столом и, как правило, нарядную форму одежды.

В некоторых странах на официальных обедах женщинам предписано появляться в длинных вечерних платьях. В практике же нашей повседневной жизни длинное платье — вещь не очень нужная, а по мне — так и вовсе ненужная. Изысканно, конечно, а вместе с тем выполнение этого требования довольно расточительно: часто ли бываешь на такого рода «обедах»? Опять же мелочь, но в дипломатическом протоколе нашей страны в 1985 году было принято правило: на официальных приемах и обедах в нашей стране для мужчин желателен темный костюм, для женщин — нарядное платье обычной длины.

— Будем считать, что наш протокол — самый экономный в мире!

— Не экономный, Георгий Владимирович, а демократичный.

Всякого рода представительство требует внимания к особенностям быта, традиций и обычаям народа, страны. Внимания как в большом, так и в малом. С благодарностью вспоминаю, например, с каким пониманием отнеслись к моей просьбе г-жа Буш и руководство колледжа Уэлсли во время

участия в торжественной церемонии выпускниц колледжа — не надевать мне академическую мантию и специальный головной убор, потому что у нас это не принято. Я бы этого стеснялась, чувствовала бы себя, как говорят, не в своей тарелке.

Во время последнего визита в Англию для выступления Михаила Сергеевича британское правительство предложило Гилдхолл — чрезвычайно престижный зал в Лондоне, центр лондонского Сити. Эта почесть иностранным гостям оказывается крайне редко, подчеркивает особое уважение. По старой английской традиции церемония в Гилдхолле предполагает обязательные элементы в одежде: женщина должна быть в шляпке и перчатках, а мужчина — во фраке, визитке или военной форме.

Для нас было сделано исключение. Г-жа Тэтчер проявила уважение, тоже решив не надевать, вопреки традициям, головной убор и перчатки. Во время этого же визита Михаил Сергеевич и я были в Виндзоре, состоялась встреча с королевой. В Англии аудиенция королевы — высший знак дипломатического протокольного внимания. Я еще раньше узнала, что любимый цвет королевы Елизаветы 11 — синий, «роял блу», он обычно присутствует в ее одежде. Узнала, что члены королевской семьи и гости королевы стараются при ней не использовать этот цвет в своих костюмах. Я тоже постаралась исполнить традицию.

В ходе официальных визитов глав государств помимо основной программы визита хозяева по традиции всегда предлагают еще и отдельно дополнительную программу для супруги. Как правило, эта программа также согласовывается заранее через МИД. Хозяева учитывают интересы, пожелания гостей, но прежде всего, конечно, гость должен тоже иметь в виду возможности и предложения хозяев. Мне иной раз приходилось слышать в поездках относительно моих программных мероприятий от людей, кто был со мной рядом, наших же, моих соотечественников: «Раиса Максимовна, неужели Вам это интересно? Неужели Вы не можете придумать себе ничего другого?» Придумать можно, но осуществить — далеко не всегда. Хотя иногда потихоньку, «втихомолку» я и вырываюсь из жестко обусловленных рамок программы. Так, в Финляндии в 1990 году «инкогнито» убежала посмотреть «церковь в скале» и побродить по улицам Хельсинки. В Сан-Франциско вне запланированной программы предприняла вылазку в прибрежный район города, побывала в China Town, в семейной бакалейной лавке, а на площадке прогулочного трамвайчика побеседовала с кондуктором. Растрогавшись, она предложила мне любезность: воспользоваться бесплатной услугой ее подруги-парикмахера — она, мол, сделает мне красивую американскую прическу.

— А мне особенно запомнилась лавка. Право выбора лавки было за шефом охраны с американской стороны — Ваше «бегство», конечно же, лежало целиком на его ответственности. Малоразговорчивый — чаще просто молча улыбался в усы, — импозантный, с седыми висками. Вылитый Фолкнер в лучшие годы. Но когда мы вместе с Вами вошли в лавку, у меня глаза разбежались: бутылки, бутылки, бутылки! На любой вкус. Молодец «Фолкнер»! — знает адреса.

— Да, винный отдел там и впрямь был богатый. Впрочем, не только винный. А во Франции, в Буживале, в маленьком кафе «Розарий» я пила кофе с француженками и имела с ними совсем не дипломатический, а чисто женский разговор…

«Нестыковка» каких-то протокольных правил дипломатического этикета, на мой взгляд, послужила основой распространения в американской прессе слухов о «трениях» между Нэнси Рейган и мной. Я не воспринимала и не воспринимаю всерьез эти суждения. Нам повезло с Нэнси Рейган — мы с нею стали свидетельницами, а в чем — то и участницами величайших но своей значимости исторических встреч руководителей наших стран. Все наши переживания, волнения, тревоги — это капля в общей, рожденной этими встречами надежде людей земли: мир и будущее для всего человечества.

Помню ноябрь 1985 года. Первая встреча в Женеве. Знакомились, присматривались, «примерялись» друг к другу, вели обсуждение, дискуссии. Трудно рождалось понимание, трудно рождались первые официальные документы. Помню особняк «Мэзон де Сосюр». 20 ноября здесь давался официальный обед от имени Рональда и Нэнси Рейган в честь Михаила Сергеевича и меня. Два часа ночи — мы еще в особняке. Завтра утром вылет из Женевы, но никак не дорабатывается окончательно совместный документ. Борьба идет за каждую фразу, каждое слово, каждую букву. И все же Женева родила главное: признание, что ядерной войны не должно быть, в ней не будет победителей.

После Женевы началось оживление научных, культурных, экономических связей между нашими странами, замороженных или вообще не существовавших. Затем октябрь 1986 года. Исландия, Рейкьявик. Сколько написано уже об этой советско-американской встрече в верхах, ее драматизме! Да, мы все пережили это, но помним, понимаем и ее значимость — без Рейкьявика не было бы Вашингтона в 1987 году и Москвы в 1988-м. Не было бы встреч, которые оказались более конструктивными и более результативными, чем в Женеве. Не было бы Договора об уничтожении ракет средней и меньшей дальности. И не было бы

того редкостного человеческого взаимопонимания и единения советских и американских людей, четко и ярко обозначившихся в декабре 1987 года в Вашингтоне; в 1988 году в Нью-Йорке и Вашингтоне, Миннесоте и Сан-Франциско в 1990 году. Единения во имя мира и дружбы.

В Женеве мы с Нэнси Рейган приняли участие в закладке камня в здание Музея Международного Красного Креста. Сегодня этот музей уже открыт. Хотелось бы, чтобы он, как и вся деятельность Международного Красного Креста и Красного Полумесяца, всегда символизировал сотрудничество всех государств и народов во имя понимания друг друга, доверия, во имя добра и милосердия.

Из массы впечатлений, которые остаются в моей душе после поездок Михаила Сергеевича в разные страны, главное — тысячи открытых, дружелюбных человеческих лиц. Помню Дели, Нью-Йорк, Миннесоту, Прагу, Краков, Щецин, Берлин, Дортмунд, Штутгарт, Шанхай, Мадрид, Барселону, Рим, Мессину, Милан, Нагасаки… Заполненные улицы и площади городов. На лицах симпатия и дружелюбие. В сердцах и глазах людей надежда и вера: мир может жить без насилия, мир может быть без войны.

Италия. Земля Данте и Петрарки. Россыпи памятников великой культуры. Соборная площадь Милана: мраморный, удивительно красивый ажурный собор. И столь же удивительный и незабываемый всплеск чувств многих и многих тысяч собравшихся здесь людей. Миланцы приветствуют Михаила Сергеевича и делегацию. «Го́рби, Го́рби, Го́рби!» — несется над площадью. Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе и я — рядом. Мы отстали от Михаила Сергеевича и пробиваемся через плотную массу народа. Смотрю на него: на глазах у него, как и у меня, слезы. «И ради этого, — сказал он мне тогда, — тоже стоило начинать перестройку…»

Сколько раз, вновь и вновь, я задаю себе, и не только себе, один и тот же вопрос: стоило ли Эдуарду Амвросиевичу, другу и единомышленнику Михаила Сергеевича, так ее заканчивать? Я сохранила письмо, написанное Эдуардом Амвросиевичем в особый для него и для нас, его друзей, день 60-летия со дня рождения.

«Дорогие Михаил Сергеевич и Раиса Максимовна!

Сегодняшний день моей жизни, высокая награда Родины и ваши добрые слова в мой адрес но случаю моего шестидесятилетия дают мне моральное право сказать вам идущее от сердца спасибо. И все-таки в этом письменном отклике на ваши поздравления и пожелания я хотел бы выйти за пределы этой знаменательной для меня даты.

Правомернее, на мой взгляд, говорить о знаменательности целого периода в жизни партии и страны, малой частицей которой стали мои жизнь и работа на порученном мне посту.

Недавно в Мадриде на приеме в советском посольстве один пожилой испанец, весьма далекий от наших идеалов, но мучительно переживший трагедию тридцатых и долгую ночь франкизма, сказал: «Наконец-то в мировой политике появились люди с высокими идеалами и чистыми помыслами, рыцари без страха и упрека, сродни Дон Кихоту в нашем, испанском понимании. Наконец-то великая человеческая цель получила пленительное человеческое воплощение».

Он имел в виду Вас.

Вы помните, с какими большими личными переживаниями и сомнениями было сопряжено для меня новое назначение. Я и сегодня не свободен от них. На каждом шагу, ежедневно и ежечасно, испытываю колоссальное «сопротивление материала». Однако и два с лишним года назад, и сегодня я находил и нахожу в себе силы для его преодоления. Источник этой силы отнюдь не в том, что мне удалось до конца постичь и освоить сложное искусство дипломатии нового типа, дипломатии эпохи нового политического мышления — к этому еще надо идти и идти. Истоки этой силы вижу в другом.

В вашей поддержке, которую ощущал и ощущаю в часы и дни самых трудных испытаний. В разработанной Вами политике, чья честность, общечеловеческая привлекательность и научная обоснованность делают ее неотразимой для миллионов людей. В позициях партии, общества и страны, по нраву отождествляемых в мире с вами.

Большую часть жизни и я, как мог, служил делу партии. Никогда не скрывал и сейчас не стану: были сомнения, нелегкие раздумья, подчас — внутреннее несогласие, но всегда над ними верх брала вера в решающий и переломный для Отечества час. Теперь, когда он наступил, я впервые ощущаю полный лад своей жизни с жизнью партии и народа.

Это большое счастье, и им я тоже обязан вам. Лучшей награды себе — не знаю. Не знаю лучшего ответа на нее, чем всегда быть рядом с вами на переднем рубеже перестройки.

Тот испанец был прав во всем, кроме одного: мы не с ветряными мельницами имеем дело. Но все преграды на нашем пути сокрушим и возродим страну для счастливой жизни в радующемся ей человечестве. В это верил и верю.

Всегда ваш

Э. Шеварднадзе».

Меня и сейчас очень волнует сказанное в этом письме…

Не раз уже спрашивали и спрашивают у меня: легко ли быть женой Президента и Генерального секретаря ЦК? Отвечаю: легче, чем быть Президентом и Генеральным секретарем. Я не принимаю государственных и политических решений, не участвую в их подготовке и не несу за них ответственности. Моя деятельность — сугубо общественная. Все, что делаю, — в ее рамках. Это так. Но Президент и Генеральный секретарь — мой муж. Его жизнь — это и моя жизнь. Его тревоги — это и мои тревоги. Боль Отечества, отзывающаяся сегодня в душе каждого здравого советского человека — может ли она пройти мимо моего сердца?

Когда присутствую на Съезде народных депутатов СССР в Кремлевском Дворце съездов, сижу среди приглашенных в амфитеатре, ко мне подходят многие люди — и депутаты, и гости, и представители прессы, корреспонденты. Что-то спрашивают, советуются, благодарят, что я здесь, вместе со всеми, в этом зале. А некоторые действительно говорят: «Зачем это Вам? Вы себя не жалеете, Раиса Максимовна. Зачем рвете свои нервы, душу, зачем?» Как-то в беседе с Аллой Борисовной Пугачевой, нашей талантливой, популярной певицей, услышала от нее: «Не могу я петь, Раиса Максимовна, на темы, должна — от души». Я ее понимаю. Я жить не могу «по теме». Не вкладывая душу во все, чем живу, во все, что делаю, к чему сопричастна, за что ответственна.

Вспоминаю еще один эпизод, правда, уже не в Москве, а в Париже. Вместе с Михаилом Сергеевичем мне привелось бывать там несколько раз. И получилось так, что два раза с французской стороны меня опекала очень миловидная девушка Изабель. В последний раз, уже перед тем как уезжать, у меня с нею состоялся любопытный разговор.

— Мадам, — сказала она. — По долгу службы я вижу много высоких особ. Я переживаю за Вас. Вы похожи на меня. Вам будет тяжело.

— Почему, Изабель?

— Вы слишком открыты, за все переживаете.

— Что же делать? — спросила я.

Девушка пожала плечами.

— А я помню другой эпизод, связанный с этой девушкой.

— Какой?

— Вы прилюдно похвалили ее за элегантность, и она прямо вспыхнула от удовольствия. И на следующий день пришла в еще более стильной одежде, даже отдаленно не напоминавшей униформу, пусть даже и парижской, полиции.

— Ну, что ж, все верно. Женщина всегда женщина…

Трудное, очень трудное время переживает сегодня наша страна. Выбор сделан. Он тверд и неизменен. Общество встало на путь обновления, слома тоталитаризма, изжившей себя командно-административной системы. Назад дороги нет. Только вперед, только по пути демократизации, национального возрождения, дальнейшего осуществления политических, правовых, экономических реформ. Но сколько трудностей встало и встает на этом пути!

Ранее замаскированные, прикрытые, а теперь, в эпоху перестройки, обнажившиеся бесконечные «черные дыры» в экономике, экологии, культуре, медицине, социальной обеспеченности, правовой защите людей… Оказалось, все мы, общество в целом, не знали реального, фактического положения дел во всех сферах нашей жизни. На долю перестройки пал Чернобыль, землетрясение в Армении, события в Нагорном Карабахе, Сумгаите, Оше, Южной Осетии, в Баку, Литве… Тысячи беженцев в своем Отечестве!..

Нелегкое, непростое время перестройки. Все эти драматические события — испытание души, ума и воли. За ними — неизлечимая душевная боль и бессонные ночи. Телефонные звонки, как выстрел, разрывающие ночную тишину. Я теперь боюсь их. С ними врываются крики отчаяния, мольбы, страдания и — чья-то смерть…

Я помню все эти страшные ночи — от чернобыльских до Персидского залива, когда в 2 часа 20 минут Михаилу Сергеевичу сообщили: через час начинается операция, начинают бомбить Ирак. Ночь с 19 на 20 января 1990 года — ночь бакинских событий. Помню, на следующий день я не узнала Михаила Сергеевича. Поседевший, серое лицо, какой-то душевный надрыв, душевный криз.

И Вы представляете, не только я заметила этот надлом. Я вот сейчас нашла удивительное письмо, написанное 24 января. Оно пришло в редакцию газеты «Правда», но — на имя Михаила Сергеевича. Письмо из Литвы, город Паневежис, автор его — Василяускас Ю. И.

«Михаил Сергеевич! Если есть Бог или какая-то другая высшая сила, пусть они дадут Вам самого крепкого здоровья и выдержки, выдержки именно сейчас. Я просто боюсь, чтобы Вы не сломались и не махнули рукой на всех тех, кто сейчас и за углом, и в открытую шипит и злорадствует, имея в виду конфликт в Закавказье. Почему я решил обратиться к Вам? Просто первый раз я видел, что у Вас были такие грустные глаза, когда Вы выступали по телевидению по поводу событий в Азербайджане. Не буду

здесь долго обсуждать, скажу только одно: мне прекрасно понятны чувства человека, который отдает все, что может, людям, старается сделать как можно лучше, а в ответ нередко получает непонимание и, я бы сказал, просто черную неблагодарность. Я прекрасно понимаю, что тогда человеку просто хочется сказать: да живите вы как хотите! Вам не нравится — так делайте сами, как вам нравится! Это чисто человеческое чувство, и оно понятно. Но, дорогой Михаил Сергеевич, Вы нередко говорите в своих выступлениях: без этого перестройка заглохнет или без того… Я вообще Ваш убежденнейший сторонник в принципиальном плане, хоть, как и каждый, могу иметь свое мнение. Вы умеете убеждать, это факт. Но в одном никто меня не переубедит, даже Вы, а именно: если Вы сейчас с обидой или по каким-то другим соображениям решите уйти — перестройке конец! Это — тысяча процентов! Вы ни за что, ни при каких условиях и обстоятельствах не должны этого делать, не должны. Этого допустить нельзя! Если Вы сейчас уйдете, это конец всему.

Перестройка — довольно уже дежурное слово, поэтому скажу, что Ваш уход в настоящих условиях означал бы конец надеждам всех, кто верит, что в конце туннеля все-таки есть свет… Люди далеко не ангелы, но что делать — Вы выбрали свой путь. И как бы ни было тяжело, надо идти до конца. Уйти Вам нельзя! Ни за что! Поэтому, даже если на Вас будут давить, обвиняя в ошибках, не то что не сдавайтесь — просто по-человечески не падайте духом. Очень прошу Вас. Я просто не понимаю, как люди, если они хоть немножко мыслят, могут не одобрять Ваших действий и уж во всяком случае не понять одну, на мой взгляд, самую элементарную вещь. А именно того, что даже амебе должно быть ясно: что действуете исключительно ради блага людей в стране и мире в целом. Это Ваша высшая цель, и не видеть этого может только слепец или человек, сознательно не желающий видеть. Я не хожу на демонстрации — ни на какие, ни за, ни против, не состою ни в какой партии. Но я всегда безо всяких оговорок поддерживаю Вашу линию, Ваши цели и Ваши идеи. Не было бы Вас — и ничего бы не было. Я не туповатый баран или подхалим, мне ничего не нужно. Я понимаю Ваше право устать от всего. Но ради Бога, Михаил Сергеевич, только не сейчас, кто бы и что бы Вам ни говорил! Дай Бог, чтобы я ошибался, и все мои страхи были бы пустыми, дай-то Бог! Но из кусков информации и разных слухов можно сделать и такой вывод. Кроме того, еще на втором Съезде Вы несколько раз сказали: пусть кто хочет займет мое место, я за него не держусь. Дай Бог, чтобы это было сказано Вами сгоряча. Все, чего Вы уже добились, что Вам уже удалось, еще не есть необратимое. Все еще могут повернуть вспять, если

Вы уйдете. Не делайте этого, заклинаю Вас! Я убежден, что я не один в своем мнении. Таких, кто думает, как я, не один миллион. И не на Западе, а здесь, у нас, в целом по стране.

Помните, что с Вами связаны все наши надежды. Если мои страхи напрасны, слава тебе, Господи. Извините за частое упоминание имени Господнего, я не верующий. Но если бы я был таковым, молил бы Бога, чтобы мое письмо было именно не напрасным. Тем более извините за сумбурность этого письма. Полагаю, что в данном случае именно это может убедить Вас в его искренности. Остаюсь самым убежденным Вашим сторонником. Желаю Вам всего самого лучшего и Вашим близким. И еще Вам — выдержки, выдержки и еще раз выдержки. Извините за беспокойство».

Вот такое эмоциональное, но очень рассудительное, умное письмо. Я больше доверяю его автору, чем тем, кто с явным подстрекательским подтекстом, с завидным упорством в это трудное время твердит революцию в белых перчатках не делают. Мне не раз приходилось слышать от Михаила Сергеевича: цели, которые мы перед собой поставили, не позволяют нам использовать любые, без разбора, средства их достижения.

— На встрече с секретарями райкомов и горкомов партии в рамках XXVIII съезда КПСС одна из женщин, азербайджанка, бросила Генсеку, что он чуть ли не палач азербайджанского народа. Он тяжело поднялся из-за стола и сказал — не сразу: «Знаете, с таким обвинением невозможно жить». И зал зашумел. Женщина извинилась…

— Сейчас, когда так осложнилось положение в экономике, да и в целом с условиями жизни людей, предстоит принятие очень трудных решений. Но принимать их надо. Видимо, уже нельзя откладывать… И так долго откладывали…

Но ведь на нас сегодня давят не только проблемы материальнного порядка. Перестройка, демократизация, гласность сделали духовную жизнь общества, как и в целом всю нашу жизнь, более свободной, более открытой. Общественное сознание освободилось от многих устаревших стереотипов и догм, плюрализм мнений дал возможность по-новому взглянуть на нашу историю, сегодняшний день, на окружающий нас мир. Выявилось многообразие взглядов и интересов различных общественных слоев и групп. Однако и здесь на нас обрушились немалые, а может быть, и самые тяжкие испытания.

На поверхность всплыли национализм и экстремизм. Как раковая опухоль, вплетаются они сегодня в ткань национального самосознания людей. Так получилось, что я имею и русские, и украинские корни. Отец, как уже знаете, с Черниговщины,

родилась на Алтае, жила в Сибири, на Урале, в Башкирии, на Кавказе с его очень пестрым национальным составом. Почти два десятка лет уже живу в Москве. Хорошо знаю, что это такое — взаимоотношения, связь, взаимопомощь людей разных национальностей. По моему глубочайшему убеждению, это — та незримая материя, в которой только и может выжить и каждая отдельная человеческая жизнь, и сама наша человеческая цивилизация. Это то, что помогло нам выстоять, выдержать или, как бы сказала мать, «перемочь» самые горькие для Отечества годы, дни. И мне чрезвычайно тревожно, когда вижу, что рвется то здесь, то там эта бесценная материя человеческой нравственности.

Впервые меня со страшной силой поразило это в Армении. Да, в Армении, в дни трагедии землетрясения. Вы помните, Михаил Сергеевич тогда прервал свой официальный визит в Соединенные Штаты и мы, сделав лишь короткую остановку в Москве, оказались в самом центре страшной беды. Побывали в Ленинакане, Спитаке, Кировакане. Никогда не забуду те дни! Не забуду лица людей. Их пронзительными глазами смотрело само горе…

Я видела мужчин, обезумевших под тяжестью утрат, видела женщин, рыдающих над крохотными гробами, и, как могла, утешала их. Видела в больницах искалеченных детей. Как и всякий взрослый человек, глядела в их глаза не просто со страхом, а с чувством вины. Да, это было стихийное бедствие. Человек тут практически ни при чем. Но я знаю: что бы ни случилось, ни стряслось с людьми, особенно с детьми, человек никогда не может чувствовать себя отчужденным от общей человеческой боли, трагедии. Поэтому минуты величайшего горя, как это часто бывает в людской жизни, становятся и минутами взлета человеческого духа, человеческой добродетели. Те дни, кстати, были полны этим драматическим сочетанием — беды и душевного, всенародного, даже общечеловеческого отклика на нее.

Страна вспомнила, что она страна, а люди — что они люди, где бы, по какую сторону и каких границ ни находились. И тем ужаснее, когда на фоне слез, горя, гибели тысяч людей, несущихся из нерасчищенных развалин криков о помощи и стонов я услышала лозунги и требования «об освобождении Нагорного Карабаха». И узнала, что в этот трагический момент была отвергнута помощь со стороны Азербайджана. Неужели подобным людям можно доверять судьбу народную? Воистину — если слепой поведет слепого, то оба упадут в пропасть.

Помню, как в перерыве IV Съезда народных депутатов СССР в

декабре 1990 года в фойе Дворца съездов меня окружила большая группа людей. Как всегда, вопросы, ответы, суждения и обсуждения. И вдруг молодой красивый мужчина на самых высоких тонах, обращаясь ко мне, говорит:

— Раиса Максимовна, русских унижают кругом, Вы не видите?! Унижают нацию, ограбили, поставили на колени… — Мне с трудом удалось прервать его:

— О чем Вы говорите? Остановитесь, вдумайтесь. Ведь от других мы слышим: русские — баре, лентяи, не привыкли работать, только эксплуатируют других. Вы подумайте, что Вы говорите. Еще шаг — и мы будет искать врагов. Кто они — грузины, армяне, эстонцы, литовцы, евреи, казахи, азербайджанцы — враги? История не раз уже показывала, что это значит. Или чужой опыт всегда лишь теория? Сила русского народа и в том, что мы никогда никого не эксплуатировали. Никогда не жили за счет других народов. Разделили радость победы и горечь трагедий со всеми народами нашей страны. И в этом не слабость, не унижение наше, а, повторяю, сила, наша моральная правота.

Помните Достоевского: «Я говорю лишь о том, что ко всемирному, всечеловеческому единению сердце русское, может быть, из всех народов наиболее предназначено…»?

Тревожно сегодня, за многое тревожно и больно. За будущее страны, за судьбу Союза народов, за все, что создано столетиями совместной жизни. Откуда вырвалась эта всеуничтожающая агрессивность? Когда пятидесяти-шестидесятилетние мужи, три десятка лет теоретически обосновывавшие необходимость казарменного социализма и его превосходство, руководившие строительством общества и строившие его, заявляют, что с радостью будут все разрушать, и приступают к разрушению, мне становится страшно. Неужели Герострaты в нашей отечественной истории не перевелись? Неужели мы не поумнели, так и не избавились от рокового вируса взаимоистребления? Неужели перед злом бессильна любая политика? Да и вообще нужно ли все разрушать, чтобы идти вперед? Ведь это противоречит здравому смыслу! Счастливыми, убеждена, можно быть только от созидания.

А откуда эта страсть покрыть грязью памятники истории своего же народа, стремление представить всю 70-летнюю историю советского периода историей сплошных ошибок, преступлений, позора? Да что история! Сколько их развелось сейчас, псевдоперестройщиков — тех, кто строит свою карьеру, свое личное благополучие, свое процветание на втаптывании достоинства страны, собственного народа, собственной истории.

А что происходит порой с нашей интеллигентностью? Или мы поспешили и интеллигентность сдать в букинистический магазин? А некоторые интеллигенты предпочли интеллигентности ненависть. Всеразрушительную страсть ненависти или предпочли усыплять свою совесть изречениями вроде: революцию всегда начинают интеллектуалы, осуществляют фанатики, а плоды пожинают негодяи…

Так и хочется сказать: люди, одумаемся. Культура — это ведь явление и интеллектуальное и нравственное. А демократия — я лично понимаю — существует для того, чтобы вместе, сообща искать пути прогресса общества, наиболее целесообразные формы существования человеческой жизни, а не для того, чтобы бить и уничтожать друг друга. Она, конечно, ценна и сама по себе, и все же в первую очередь демократия — инструмент. Инструмент для созидания чего-то более значительного. Или мы не может жить без врагов? Еще по-настоящему не сформировалась у нас оппозиция, как уже слышатся призывы: засучить рукава, составить списки благонадежных и неблагонадежных, поставить «своих» людей, «своего» прокурора, разогнать конституционные органы власти.

Как трудна оказалась битва со временем, в котором мы жили и которое сформировало нас! Нетерпимость к инакомыслию, пронизывающая общество в прошлом, выливается сегодня во все новые и новые формы ненависти, противоборства, противостояния. «Остервенелые демократы» и «остервенелые консерваторы», «персональная охлократия» и «персональная демократия» — все это оттуда. Был, говорят, ревтрибунал — стал ревтрибунал. На практике крайности оборачиваются одним и тем же.

Вспоминаю иные фрагменты XXVIII съезда партии, Российской учредительной партийной конференции, апрельского объединенного Пленума ЦК и ЦКК. Партия, которая признала и поддержала своего лидера в том, что так дальше жить нельзя. Но, оказывается, для кого-то — и многих! — хорошо бы жить и меняться, не меняясь. И не принимая изменений жизни, ее новых условий и требований, не реагируя на них. И опять те же нападки, та же агрессивность, тот же нравственный «расстрел» инициаторов перестройки.

В дни XXVIII съезда партии там, на съезде, выходила многотиражка под названием «13-й микрофон». У Михаила Сергеевича тоже взяли интервью для нее. Взяли и напечатали. Я хочу привести кусочек. «Сколько Вы спали в эти дни?» — «Не мог спать, и во сне идут баталии». — «Что Вас больше всего огорчило на съезде?» — «Я уже говорил об этом. Не люблю сюсюканья, с

молодых лет не люблю. Мои друзья по студенческим годам это знают. И сегодня я живу так, как жил всегда. А вместе с этим не терплю хамства. Оно, к сожалению, проявилось на съезде. И это было очень тяжело пережить. Стремление превратить съезд в судилище — это ужасно, и это больше всего меня огорчало». — «А что Вас больше всего радовало в эти дни?» — «Как бы ни было трудно, но здравомыслие торжествует».

Вспоминаю прошлогоднюю поездку в Испанию. Мадрид, Барселона, дворец Эль-Ориенте, дворец Сарсуэла, Олимпийский комплекс, университет Комплутенсе, Институт советской науки и культуры… Музей Прадо — сокровище Испании. Сокровище и сокровищница. Там и «Герника» Пикассо. Много говорят об антифашистской сущности этой картины. Но я ее восприняла не только как осуждение фашизма, но и как символ войны в самом страшном ее виде в истории; символ-ужас гражданской войны. Именно гражданской! Картина — призыв к разуму людей. Испания пережила гражданскую войну. Почти сорок лет франкистского тоталитарного режима. Многие помнят, как в тридцатые годы встречали мы испанских сирот, вырванных из пекла гражданской войны. Тысячи их нашли свой кров в нашей стране. А в наших, советских женщинах — свою вторую мать. А теперь испанский народ нашел в себе силы, мужество через гражданское, через национальное согласие — а не через войну! — уйти от диктатуры, встать на путь демократического развития.

Наши исторические драмы во многом сходны — может быть, поэтому столько понимания и столько друзей мы обрели сейчас в Испании. Это король Хуан Карлос I, королева София, председатель правительства социалист Гонсалес, о котором мой муж после переговоров сказал: «Наша беседа с ним затянулась, мы вышли на интереснейшие рассуждения, важнейшие выводы…» Это и профессор права, крупный ученый, ректор университета Комплутенсе г-н Вильяпалос. Это и бывшие дети Испании, принятые нами в 1937 году, а ныне вернувшиеся на родину, — сколько их подходило ко мне! И все они спрашивали: чем можно конкретно помочь сейчас вашей стране?

Перестройку часто называют революцией. Если это и революция, то для России, страны многих революций, практически беспрецедентная, потому что главная задача, которую ставит перед собой Михаил Сергеевич, — это провести ее демократически, без крови и репрессий. К сожалению, перестройка уже не обошлась без жертв. Но, поверьте, их было бы и будет несравненно больше, если каким-либо силам удастся столкнуть Президента страны с позиции, которую совершенно осознанно, решительно и мужественно занимает и отстаивает он.

Как это у Максимилиана Волошина:

И здесь и так между рядами
Звучит один и тот же глас:
— «Кто не за нас — тот против нас.
Нет безразличных, правда — с нами».
А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.

— Как точно! А если не ошибаюсь — девятнадцатый год.

— Сегодня в вихре политической борьбы, на мой взгляд, происходит еще одно опасное явление: общество безмерно политизировалось.

И я думаю: в этих условиях тотальной политизации взрослые обязаны как никогда быть внимательны к тем духовным витаминам, которые сейчас получают наши дети. Я уверена: ведь мы сейчас пожинаем плоды детства поколений, выросших на образах, на проклятиях «изменников», «предателей», «врагов народа». Вот почему так важно сейчас уберечь детей от воздействия политических страстей, не растягивать их по разные стороны баррикад.

Тревожно и страшно, когда на митинги «Долой — убрать» и «Бей по штабам» мы выводим колонны школьников и подростков. Тревожно и страшно, когда заполняем чувства и поступки наших детей теми же образами «врагов народа», только теперь уже — современных «врагов».

Я как-то уже говорила Вам, что мне грустно и тревожно оттого, скажем, что жена популярного народного депутата в интервью журналу «Огонек» с гордостью сообщает, что ее малолетняя дочь по лицу выступающего по телевидению, по тому, как он говорит, интуитивно определяет: «наш» он человек или «наш» враг. И я разделяю позицию писателя Анатолия Алексина — президента советской ассоциации «Мир — детям мира», изложенную им в газете «Советская культура»: «Семена вражды и ненависти, национализма и шовинизма, заброшенные сегодня в детскую душу, никогда не взойдут добром, никогда не взойдут порядочностью и интернационализмом. Мы забрасывем трагедию и конфронтацию, груз и скверну прошлого в будущее, в наш общий завтрашний день…»

— Кредо Вашего мужа, которое он неоднократно высказывал, — соединение политики и нравственности. А как Вы относитесь к этой сверхзадаче? Не считаете ли ее

идеалистической?

— Да, Михаил Сергеевич любит повторять: интересы миллионов людей — это большая политика. Политика же должна быть нравственной. Идеализм ли это? А если мы раскинем с Вами по высокому, большому счету? Вспоминаю один разговор. Он состоялся во время первого официального визита г-жи Тэтчер в Москву. На обеде я спросила премьер-министра Англии, выдающегося политика:

— Г-жа Тэтчер, как человек, хотела бы спросить Вас: нравственно ли отстаивать идею необходимости сохранения ядерного оружия на Земле? — Она мне сказала:

— Вы — идеалистка, г-жа Горбачева. — Я защищалась:

— Но таких идеалисток, как я, много, и я уверена — будет все больше.

Сейчас, после трагедии войны в Персидском заливе, — я чрезвычайно ценю и уважаю патриотические чувства американского народа и все же рискну назвать эту войну, как и любую другую, трагедией — я вспомнила этот разговор. И знаете почему? Услышала недавно, как крупный политический лидер одного государства сказал: что ж, если действует только сила, мы будем создавать собственное ядерное оружие. А это что? Как назвать? Нет, любая война, даже во имя наказания агрессора — не благо. Люди должны научиться сегодня считаться друг с другом. Хотя бы для того, чтобы выжить. И не думаю, что в этой системе координат точкой пересечения политики и простой человеческой нравственности является только идеализм. Нет!

Нет, здесь, в точке пересечения политики и нравственности, — истоки, основы самых высоких, самых плодотворных результатов современной политики.

— *Михаила Сергеевича обвиняют и в том, что он не может решительно порывать, отсекать привязанности, обязательства перед людьми, особенно соратниками, с которыми начинал путь реформ…*

— Опять же вдумайтесь: а так ли уж это плохо? Так ли нравственен сугубо прагматический, потребительский, конъюнктурный подход к обстоятельствам и людям?

Я не отрицаю: случаются, правда, и горькие уроки.

Я, например, если бы на нашу долю судьба не отвела перестройку, наверное, никогда бы не узнала всего многоцветия, всей многоликости человеческих превращений. Поймите, это серьезно. Для меня это — одно из тяжелейших нравственных испытаний перестройки: конкретное поведение людей, личностей, их слова и дела. Они вчера и они сегодня. Они рядом с тобой и они рядом с другими. Выгодно им это или невыгодно,

удобно или неудобно. Иногда даже вижу, а скорее, — чувствую: не лица, а маски. Только маски не сказочного, фантастического, а реального мира. И, знаете, маски вдруг расплываются у меня, растворяются, и я вижу, четко вижу среди них и тех, кто писал донос на моего деда в тридцатые годы. И тех, кто уничтожил его. И тех, кто, поджав хвост, не подошел к умирающей женщине — только потому, что она из семьи врага народа.

Как-то Н. Н. Губенко — министр культуры, актер и режиссер — сказал мне: Знаете, о чем мечтаю? Поставить фильм: «Как я был министром». Я тоже верю: будет, и не один фильм будет, но — не вымысел, не чья-то больная фантазия или воспаленное воображение. Будут документальные фильмы-правды о людях перестройки. Благо, документального материала для них — официального и неофициального, письменного и устного, известного и пока малоизвестного — предостаточно.

Конечно, чаще, больнее всего я думаю о тех, кто был соратником, сподвижником Михаила Сергеевича, кто называл себя «братом по оружию…»

— Нет, я бы убрал это выражение.

— Ну почему же, — пожала плечами. — Называли… Кто отдал немало сил перестройке.

Нелегкие испытания встали на жизненной стезе каждого… Но всем ли оказались они по плечу, каждый ли может, положа руку на сердце, сказать: на крестном пути перестройки, в трудах за наше общее дело мы были, есть и будем вместе.

Вчитываюсь в строчки вот этого, — показывает, — рукописного письма Станислава Сергеевича Шаталина к Михаилу Сергеевичу, и так хочется верить в них! Письмо написано год назад.

«Дорогой Михаил Сергеевич! С горечью и неукротимым желанием бороться узнал о подробностях Пленума. Вы знаете, что я не люблю говорить начальству комплименты. Но хочу сказать Вам, что я уважаю и люблю Вас искренне и готов идти с Вами до конца. Не обращайте внимания на «правых». Они по глубокому историческому недоразумению считают себя коммунистами, а на самом деле являются политическими временщиками, не имеющими никакого права говорить от имени народа. Жизнь выбросит их, и народ будет говорить о них с презрением. Не обращайте внимания на кликушество «леворадикалов». Не в плебейском, а реальном понимании этого слова, может быть, я являюсь одним из самых левых в СССР. Но Вы проводите в целом единственно реалистическую программу спасения настоящего социализма и нашей страны. Если Вы захотите узнать мое мнение о придании ей более последовательного характера, буду рад

этому. Проявите спокойствие и решительность на Съезде депутатов. Он — главная Ваша опора. Ленин не испугался Брестского мира. Отнеситесь философски и к безответственному решению Компартии Литвы. 3 января я вернусь из заграничного турне (я готовлю проведение длительного фундаментального проекта Восток — Запад) и готов выполнять любые задания, которые Вы мне можете поручить. Пусть эти слова помогут хоть на капельку улучшить Ваше душевное равновесие. Передайте мой искренний поклон Раисе Максимовне. Счастливого Вам и Вашей семье Нового года. У нас нет выбора: мы победим. Всегда Ваш академик Станислав Сергеевич Шаталин».

А вот и фотография, где все вместе. «Фотокор» — член-корреспондент АН СССР Шахназаров Георгий Хосроевич. По его словам, достоинство фотографии в том, что другой такой ни у кого нет: в столь узкий круг фотокорреспондентов, как правило, — даже в эпоху гласности — не приглашают.

Да, наверное, именно сегодня перестройка проходит пик своего напряжения. Сплелись различные, противоречивые, прямо полярные процессы и силы. И в центре этого гигантского вихря — Президент СССР и Генеральный секретарь ЦК КПСС, самый близкий для меня человек. Сможем ли мы достойно выйти из этого вихря, сможем ли идти к достойной современного человека жизни, возродим ли лучшее в душах наших, сохраним ли лучшее вокруг нас?

Михаил Сергеевич живет в невероятном напряжении. Шесть лет повседневного, самопожертвенного — в полном смысле этого слова — труда. Годы слились в один бесконечный рабочий день. Раньше 10–11 часов ночи я его дома не вижу. Да и домой приезжает с целым ворохом бумаг. Работает часто до двух, а то и до трех ночи.

В зарубежных поездках программы у него чрезвычайно уплотнены и напряжены. Переговоры, подписание документов, десятки встреч, мероприятий, все рассчитано до часа, до последней минуты пребывания в стране. Члены делегаций, пресс-групп, люди, сопровождающие его в поездках, хорошо это знают. Спать больше 4–5 часов во время визитов никогда не удается. При этом надо иметь в виду и состояние организма в связи с климатическими изменениями, сменой часовых поясов. К тому же Михаил Сергеевич никогда не позволял себе роскошь иметь не только день — два, но и несколько часов на адаптацию после сложнейших перелетов.

— Я заметил, что зарубежные визиты сейчас чаще всего приходятся на субботу или воскресенье. Если раньше время визитов измерялось днями, сутками, то сейчас — часами. В Испании — 30

часов, в Италии — 6 или 7.

— Правильно. А насыщенность, интенсивность визитов вырастает в геометрической прогрессии. Отключиться от работы не удается практически и во время отпуска. Всегда в отпуске готовит свои основные предстоящие выступления. Там писал и свою «Перестройку…». И главное — ни на минуту, где бы ни был, не прерывает связь со страной. Я подсчитала, в августе 90-го года, в эти двадцать удавшихся ялтинских отпускных дней, в среднем за сутки у него было до семнадцати срочных, «горячих» звонков.

Тогда, перед отъездом из отпуска, Михаил Сергеевич сказал мне: «Впереди — самое сложное время. Пойдут политические схватки… политическая грызня… Тревожно… Ведь это неминуемо будет сказываться на экономической ситуации, на решении экономических проблем. Архисложность наша сегодня: нельзя уступать консерватизму — не вырвемся. Но нельзя судьбу страны и ее будущее отдать наездникам. Погубят. Будем продолжать делать шаги. Может, и не все они будут точны, не все попадут прямо в цель. Но их надо делать и делать!»

Знаю, какая боль и тревога терзает его. Нелегко, всегда нелегко честному человеку. Вдвойне — человеку, взявшему на себя такой груз ответственности перед Отечеством и народом. Человеку, осознающему свой долг перед людским доверием, гуманисту и демократу по натуре, открытому к восприятию как счастья, так и горя людского.

— У *Вашего мужа завидное самообладание. В чем секрет?*

— О его выдержке, терпимости говорят часто. Правда, для других — такие тоже есть — это вовсе и не выдержка, а «отсутствие решительности». Это они как раз с подстрекательской целью заявляют, что политику не делают трясущимися руками. Опасные люди, выброшенные на поверхность нашим бурным временем. Но вернемся к Вашему вопросу. Однажды я слышала, как Михаил Сергеевич сам отвечал на этот вопрос. Это было в Финляндии на завтраке у г-на Койвисто. Михаил Сергеевич как бы в шутку назвал тогда три «причины». Первая — надо, мол, сказать спасибо родителям за переданную генетическую способность самообладания. Второй — он назвал меня. Мол, спасибо Раисе Максимовне: за помощь, поддержку и верность. А третья — вера в правильность жизненного выбора, поставленной цели.

Думаю, Георгий Владимирович, третья и есть главная: ощущение справедливости, значимости и необходимости начатого в 85-м. Лишить мужества сильного человека, на мой взгляд, может прежде всего потеря веры, сомнение в ее истинности. Думаю, так.

— А ведь он практически то же самое повторил и в недавнем, очень откровенном, неформальном интервью советскому телевидению.

— Да-да, Вы правы. И я, конечно, тоже видела и слышала это интервью. И не скрою, мне было приятно, что в числе «трех китов» своего самообладания он вновь назвал, не забыл и меня.

И я бы добавила к названным Михаилом Сергеевичем факторам еще один, существенный для понимания, как Вы говорите, его самообладания, терпимости, выдержки. Очень важный. Для него все люди, все человеки — личности. Собственное достоинство никогда не утверждает через попрание достоинства других. Всю жизнь это была характерная для него черта. Никогда в жизни он не унижал людей, рядом с ним стоящих, чтобы только самому быть повыше. Никогда.

И именно отсюда и его суждения вроде: «не со всем, конечно, можно согласиться, но он рабочий человек», «у него свое мнение» и т. д. Или — «надо, конечно, подумать», «что-то в этом есть рациональное». Или — «в принципе что-то можно принять».

Это не дипломатический этикет и вовсе не робость, нерешительность и неопределенность. И даже не какое-то особое воспитание. Это — врожденное человекоуважение, о котором я говорила. Знаете, он и в семье выслушивает каждого как равного — от восьмидесятилетнего до трехлетнего!

За прочность духа Михаила Сергеевича я спокойна. Мои тревоги о другом. Я думаю, миллионы женщин, жен, матерей меня поймут. Я сегодня чрезвычайно тревожусь за его здоровье…

Нашу нынешнюю встречу, Георгий Владимирович, я хотела бы закончить ответом на Ваш вопрос: что есть счастье в моем понимании? Такой простой и такой сложный. Такой вечный, неоднозначный, многомерный, как сама жизнь. Знаю одно: не может быть счастья обособленного — если ты никому не нужен.

Передо мной поздравление с женским праздником 8 Марта, полученное вот только что. «Уважаемая Раиса Максимовна! Как ни тяжело Вам и Михаилу Сергеевичу в наши отчаянные дни, будьте уверены, что усилия последних шести лет преобразований страны к лучшему сделали ее лицо простым и открытым, гармонирующим с понятиями честности, нравственности и человечности. Трудно и невозможно за шесть лет довести процесс перестройки до совершенства. Но знаю, что все, что вы вместе передумали, перечувствовали, переделали за эти годы, все это имело одну цель — служить Родине.

Николай Губенко».

И вторая — записочка от Георгия Хосроевича Шахназарова. Дорогая Раиса Максимовна! Сердечно поздравляю Вас с днем 8

Марта… На Вашу долю выпала удивительная судьба — и счастливая, и в чем-то немилосердная. Но и подарки ее, и удары Вы переносите с большим человеческим достоинством. Если браки действительно заключаются на небесах, Бог постарался дать Михаилу Сергеевичу спутницу жизни в согласии с предназначенной ему миссией… Искренне Ваш Шахназаров».

Георгий Владимирович, может быть, это и есть счастье? Или…

Вот один из дорогих для меня подарков, сувенир «Vanity Fair» — «Ярмарка тщеславия» Теккерея. Первое издание книги в Лондоне, 1848 год. Подарила мне эту книгу г-жа Тэтчер. Роман выдающегося романиста заканчивается вопросом: «Which of us is happy in this World?» — «Кто из нас счастлив в этом мире?»

Работа закончилась. Меня проводили вниз, до самого крыльца, где уже ждала машина, я поцеловал хозяйке руку. Она осталась на крыльце, где — как чистотою в горнице — тоже сквозило весной. Дом за ее спиною освещен скупо, выборочно — никаких иллюминаций. Прежде чем шагнуть в машину, я так и запомнил их: дом, неяркий витраж дверного проема, женщина на пороге…

Да, и мне приходилось читать, как на Западе Р. М. Горбачеву называли «тайным оружием Кремля», давая понять, что человеческое обаяние тоже способно приносить вполне осязаемые политические дивиденды. Но у меня не идет из головы картинка, увиденная перед Дворцом шахтеров в Донецке: Горбачева берет, как товарку, за руку женщину, по виду работницу, которая хочет что-то сказать, но никак не может пробиться к начальству, и вводит ее в круг жаркой политической и производственной дискуссии. Не идет из головы, наверное, еще и потому, что так часто повторялась она, эта картина, на моих глазах. Не только в Донецке, не только в Свердловске или Нижнем Тагиле…

И вот я думаю сейчас, на обратном пути в Москву: а в самом Кремле? Чье «оружие» — а это ведь факт, что она там не просто фарфоровая статуэтка, — она в самом Кремле?

Сегодня, когда знаю об этой женщине больше, чем кто-либо другой, такой же посторонний для нее, как я, для меня яснее и ответ на этот вопрос. Как бы элегантна и даже рафинированна ни была она в коридорах власти, по-своему очеловечивая их, делая привлекательнее, наряднее и даже любопытнее для широкой публики, следом за нею, как ведомые ею за невидимую руку, входят, мне кажется, под любые позолоченные своды ее же перелетное, с нуждой и невзгодою, детство, слепые калеки, нетрезво певшие на наших послевоенных перронах и так печально

запомнившиеся ей, входит издерганная нашими сегодняшними унизительными нехватками и неустройствами женщина шахтерских предместий…

Если на Западе Раиса Горбачева — «оружие Кремля», то в самом Кремле, мне кажется, она — «оружие» самых безоружных. Дай-то Бог!

В чем ее феномен?

Недавно прочитал где-то любопытное сообщение. Группа специалистов изучила современные массовые представления о женской красоте — я только не знаю, что за специалисты то были: по женской красоте или статистике. Изучила и свела их воедино, обобщила. Обобщение вышло ошеломляющим: идеалом оказался идеал стандарта. Лщо, составленное из самого стандартного, тютелька в тютельку, носа, из самых стандартных губ, бровей и т. д. Симметрия властвует не только над миром, но и над нашим воображением, оказывается, тоже! Чем меньше индивидуальности — тем привлекательнее. Индивидуальность есть отклонение? — во всяком случае, от массовых представлений о красоте.

В России уже из чувства самосохранения жена первого руководителя чаще всего ни на миллиметр не выступала из тени самого руководителя. Чем тщательнее подогнаны они друг к другу — жена и тень, — тем спокойнее.

Р. М. Горбачева подчеркнуто сторонится любых официальных властных структур: если и заседает где, то лишь на общественных началах и только не в центре стола, не на первых ролях. Не могу сказать, что она хоть где-то «выпадает» из политических контуров мужа или допускает какую-либо отсебятину. Не выпадает. И чрезвычайно щепетильна в этом. Мне кажется, даже ритм речи ее, особенно перед телекамерой, обусловлен не только многолетней преподавательской практикой, но и жестким внутренним самоконтролем.

Контуры совпадают, и все же налицо совершенно очевидное причудливое свечение по краям. Правда, я бы назвал это не феноменом Горбачевой, а феноменом Горбачевых. Она позволяет себе индивидуальность, что выражается прежде всего в чувстве собственного достоинства, он же к этому чувству относится с неизменным, без нажима, уважением… Это и есть их феномен — феномен сохранения индивидуальности.

…Светской рассеянной болтовни, как я заметил, она не любит. Прочно держит в своих руках нить любого разговора. Чутко реагирует на ваше удачно найденное слово, нетривиальную мысль, но и на "молоко» реагирует тоже — едва ли не с большей зоркостью. В общем, женщина, чью книжку вы сейчас листаете, не из тех, беседуя с которыми отдыхаешь умом — последний

желательно держать в работоспособном состоянии.

Эта женщина и не из тех, кто отводит глаза от правды: не знать, не видеть, не слышать. Не отводит и, в свою очередь, сама предпочитает называть вещи своими именами. Я не знаю, много ли в высшем советском истэблишменте лиц, говорящих Президенту чистую правду — при всем его демократизме. Но что она — одна из них, я в этом убежден, потому что сам это неоднократно слышал. Хотя именно ей, наверное, сказать ему эту чистую правду бывает и больнее, и труднее, чем кому-либо.

Есть ложь во спасение. Она же, мне кажется, считает, что спасительной может быть только правда, как бы горька она ни была. Это больше соответствует ее характеру и тому прошлому, что лежит у нее за спиной…

Мои надежды

Эти заключительные строки книги пишу поздно вечером. Только что закончилась главная программа новостей советского телевидения — «Время». Был в ней и сюжет, имеющий прямое отношение к нашей последней встрече с Р. М. Горбачевой. Дело в том, что, показывая мне на кипы приветственных адресов и телеграмм в связи с шестидесятилетием мужа, она сказала в тот день;

— А один человек, пенсионер, пчеловод с Украины, прислал, кажется, тонну меда — в подарок Михаилу Сергеевичу.

Почему «кажется»?

— Да вот уведомление — мол, надо получить тонну меда. А я думаю: ошиблись, наверное. Вместо килограмма написали «тонна».

— Давайте расскажем об этом меде в книжке — интересно.

— Вряд ли стоит, — засомневалась она. — Все-таки надо узнать поточнее: вдруг и впрямь описка или еще какая ошибка.

Судя по репортажу, промелькнувшему в программе «Время», — не ошибка. Раиса Горбачева привезла мед в дом престарелых. Сидит в их кругу, беседует, отвечает на вопросы и за компанию пьет с ними чай с тем самым, передаренным ею по поручению мужа, переадресованным сюда медом. В этом же московском доме престарелых, я знаю, «осел» еще один президентский подарок: роскошный телевизор, который Ли Пэн подарил в Пекине М. Горбачеву, а М. Горбачев велел передать сюда, старикам и старушкам.

Впрочем, то, что с медом никакой ошибки-описки не вышло, я понял еще днем, когда совершенно случайно встретился и разговорился на работе с человеком, которому Президент, оказывается, поручил передать часть меда детскому дому, где находятся дети с церебральными заболеваниями. Дети, от которых при рождении отказались их родители…

«Президентский мед», к слову сказать, поделили на три части: детскому дому, дому престарелых и Московской детской республиканской больнице, над которой, как уже упоминалось в книге, шефствует Р. Горбачева…

Вообще-то заключение книги, послесловие к ней, конечно же, должно по праву принадлежать самой рассказчице — Р. М. Горбачевой. Но вот пишу эти строки — особенно после того как увидел на экране сосредоточенное, собранное лицо своей недавней собеседницы, услышал столь необычные в ее устах, да и

в устах советского телевидения тоже, слова поздравления старичкам и старушкам с Пасхой — и думаю.

Трудные, даже горькие времена у Президента — украинский пасечник, может быть, дальний потомок того самого Рудого Панька, от чьего имени написаны незабвенные «Вечера на хуторе близ Диканьки», в простоте душевной и сам не подозревает, сколь знаменателен его чистосердечный подарок…

Моя собеседница уже объяснила, почему решилась на создание книги. Эта книга — объяснение самой себя. Объясняя саму себя, обращаясь к американскому читателю, Раиса Горбачева краешком глаза, конечно же, видит читателя нашенского, российского — кто знает, может, это вообще проба пера перед книгой, обращенной исключительно внутрь? Она хочет быть понятой дома. Я видел, как, решаясь на эту книгу, собеседница моя переступала через самое себя, через характер, природную замкнутость. Через традицию, в конце концов: еще ни одна «первая дама» Советов, за исключением Надежды Крупской, если мне память не изменяет, ничего подобного не предпринимала. Через традицию, хотя именно за переступание неких патриархальных отечественных традиций ее и критикуют чаще всего. Быть же понятым уже в известной мере означает быть поддержанным.

Мне по-человечески импонирует душевный порыв, которым движима Р. Горбачева, — я уже не говорю, что участие в такой книге само по себе — редкая репортерская удача. К тому же я глубоко убежден, что при всей своей исключительности М. С. Горбачев — не случайная, а вполне закономерная, необходимая фигура в нашей новейшей истории. А исключительность его, может быть, в том, что, необычайно остро уловив общее направление движения — от раскола мира, разлома, чреватого фатальностью самоуничтожения, к его целостности — и подспудную готовность общества к такому движению, он придал ему исключительные темпы — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Придал еще и потому, что понимал: времени у него — в обрез.

Перечитывал В. О. Ключевского и обратил внимание на такие даты, мимо которых глаз проскальзывал налегке: Петр Первый, решительнейший и драматичнейший реформатор России, правил страной 36 (!) лет. Царем был уже с 1682 года, а правил с 1689 по 1725-й. Столько лет, оказывается, необходимо России для успеха кардинальных реформ! Горбачев понимал, что у него тридцати шести лет правления не будет — уже хотя бы потому, что не для этого же сам он ставил окончательную точку в сталинщине.

Все мы в стране ждем от него результатов — «здесь и

немедленно». Как отец четверых детей, я, несмотря на общее и вполне естественное нетерпение, согласен: пусть они, результаты, достанутся им — только бы были. Будем считать это простительным отступлением репортера в несвойственном ему жанре политического обобщения.

А теперь предоставляю микрофон моей собеседнице. Говорит Раиса Горбачева:

— Итак, Георгий Владимирович, сегодня шестая наша встреча и последняя — как мы с Вами и договаривались. Встречи-беседы, встречи-интервью, встречи-воспоминания — как точно их назвать? Не знаю. Вы помните, что я не сразу решилась на них. Почему? Я об этом говорила в начале книги, с этого мы начинали.

Мы с Михаилом Сергеевичем очень любим романсы. Может быть, это характерно для нашего поколения — не знаю. Так вот, в числе романсов, наиболее любимых нами, романс, запись которого довольно часто звучит у нас в доме, — старинный русский романс А. Абазы на слова И. С. Тургенева. Едва ли не единственный романс Тургенева. В исполнении Николая Гедды — «Утро туманное, утро седое, нивы печальные, снегом покрытые…» Прекрасный романс! Голос Гедды — я даже не знаю, какой эпитет подобрать: прекрасный, чарующий, волшебный, изумительный голос. Романс настраивает на воспоминания. Его герой сам вспоминает. Но, Георгий Владимирович, наша жизнь с ее повседневными делами, проблемами, заботами, до отказа забитая часами, днями и годами не до воспоминаний…

Сколько раз я слышала от Михаила Сергеевича — «Всегда хотел и хочу писать. И никогда для этого не было и нет времени». А я — меня мучали сомнения: должна ли я давать интервью, рассказывать о себе — зачем? Рассказывать о Михаиле Сергеевиче? Но больше него, глубже и правдивее его самого никто не расскажет — что он пережил и переживает. Что и как делал и почему. Хотя в жизни сплошь и рядом «разделение труда»: одни делают, другие об этом пишут и оценивают. У каждого — своя судьба. Но это — попутно.

А вот сейчас, Георгий Владимирович, я не жалею о наших состоявшихся беседах. Не жалею. Хотя эти четыре месяца — насколько я помню, первая наша встреча была где-то в конце декабря прошлого года — оказались для меня физически, интеллектуально и эмоционально нелегкими. И потому, что совпали с тяжелым, может быть, даже самым тяжелым периодом жизни страны, работы Михаила Сергеевича. И потому, что я впервые в своей жизни как бы остановилась и прошла вновь собственный жизненный ггуть. Попыталась вспомнить факты и

события пережитого. И неожиданно для меня из какой-то совершенно немыслимой глубины моей памяти они — эти эпизоды, случаи, факты пережитого — стали выкатываться, как бусинки, и цепляться друг за друга, нанизываться и превратились в длиннющую, бесконечную нить воспоминаний. Такое, наверное, бывает однажды в жизни каждого человека.

Я обнаружила, что еще многое хочется рассказать: о семье, о людях, с которыми свела судьба, об увиденном. О письмах, что пишут мне люди. Раньше я об этом, о том, чтобы рассказать, как-то не думала.

И еще. Оказалось эмоционально не так-то просто совладать с этой лавиной воспоминаний. Я в самом деле как бы все заново пережила. Я Вам говорила, что я плакала, вспоминая то или другое. Что у меня болело сердце. Все заново пережила — за эти четыре месяца.

И, наконец, я пыталась понять, осмыслить произошедшее и происходящее. Для меня это тоже важно. Эти четыре месяца вместили в себя столько чрезвычайных событий, столько важнейших решений! Столько изменений произошло в стране, в нас самих. Воистину переломное, воистину судьбоносное время.

Перестройка — не бесплодная смоковница, плоды у нее есть. Но есть и беды, обнаженные ею, «срезонированные» или, может быть, даже невольно вызванные. Я мечтаю о том времени, когда их не станет. И перестройка начнет плодоносить осязаемыми, богатыми плодами, чтобы каждый конкретный человек почувствовал — для меня самое главное что на душе у него стало спокойнее, под ногами тверже, а на столе и в доме всего больше. Чтобы муж мой вместе со своими сторонниками, соратниками довел начатое до успешного завершения и сам увидел реальные плоды предпринятых им громадных преобразований.

Хочу особо сказать о его сподвижниках, о тех, кто с ним начинал и кто идет бок о бок теперь, вместе пробиваясь сквозь завалы, ошибки и предубеждения. Среди них есть люди, которых я хорошо знаю, есть те, кого знаю хуже, кто помоложе, кто встал на эту тернистую, но столь необходимую стране и обществу дорогу позже. Но я благодарна каждому из них за деятельную *помощь* моему мужу, за верность их общему делу. Я желаю им всем добра. Желаю им и семьям их не уставать. Не терять крепости духа — ее питает сама насущность дела, которому служат они.

Стабилизация потребительского рынка, денежной системы, земельная реформа, зачатки разгосударствления, предпринимательство понемногу набирают силу. Если им не помешают политические катаклизмы, мы вправе ждать перемен к

лучшему. Поскорее бы!

17 марта 1991 года впервые в истории нашей страны прошел референдум. 80 процентов советских людей из числа внесенных в списки для голосования пришли на избирательные участки, чтобы ответить на вопрос: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных, суверенных республик, в которых будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?» 76,4 процента сказали: «Да, быть великому, обновленному, демократическому Советскому Союзу».

Я верю, надеюсь, что у советских людей достанет сил, выдержки, патриотизма и — я это считаю очень важным — здравого смысла, чтобы преодолеть все трудности и препятствия на пути к такой цели. Чтобы Советский Союз, пройдя горнило обновления, остался союзом — людей, республик, идеалов. Не может быть пущен по ветру бесценный, веками намывавшийся нравственный, социальный опыт существования, сотрудничества, взаимного притяжения и совместного проживания многих десятков народов! Мне кажется, этот опыт еще пригодится всем, всей цивилизации. И кто знает, может, как раз это вековое взаимное притяжение, взаимопроникновение и составляет то, что в старину называли «эманацией духа» — каждого из населяющих Союз народов, включая и русский народ?

Моя надежда — мир. Нет ничего более страшного и бесчеловечного, чем война. Горе войны, где, когда и на кого бы оно ни обрушилось, — трагедия человечества. Еще несколько лет назад практически на любой встрече Михаила Сергеевича с людьми звучал возглас: «Только бы не было войны!» А в 60–70-х годах даже у меня, еще совсем молодой женщины-социолога, ходившей с опросным листом от одного сельского двора к другому, люди, особенно женщины — матери, выпытывали тревожно: «А войны не будет?» Я их спрашиваю о зарплате, о работе, о детях, семье, об их нуждах, о том, как часто бывают они в кино, клубе, в гостях — в опросных листах были и такие вопросы, — а они в ответ: «Лишь бы не было войны!» Сейчас же ни подобных возгласов, ни таких извечных вопросов нет. Угроза мирового пожара, угроза уничтожения, десятилетиями остро ощущавшаяся каждым нашим домом, каждой семьей, по существу, развеяна. Для моей страны, испокон веков лежащей на стыке двух миров, это — сдвиг мироощущения, мировосприятия: от постоянной тревоги к обретению чувства надежности.

Исчезло глобальное противостояние в мире. Мир для России, для Союза, для всех людей Земли стал прочнее. Я горжусь: ведь

это — во многом благодаря политической и государственной деятельности моего мужа. Горжусь его Нобелевской премией мира. Конечно, меня тревожит, очень тревожит, чтобы не возникло, не пришло сегодня противостояние внутри страны. Губительное и бессмысленное, оно может стать трагедией не только нашего народа, но и трагедией общечеловеческой. В мирном будущем — счастье и благополучие людей Земли, счастье страны, наших детей и внуков, семьи Президента тоже.

Только что завершился март. Этот месяц особый в жизни Михаила Сергеевича. В марте 1985 года его избрали Генеральным секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. В марте 1990 года он стал первым Президентом страны. 2 марта исполнилось 60 лет со дня его рождения. Несколько тысяч теплых, дорогих для нас поздравлений и добрых пожеланий получили мы от самых разных людей, из самых разных регионов, мест, точек страны.

«Дорогой Михаил Сергеевич! Поздравляем Вас с днем рождения. От всей души желаем Вам всего самого доброго, здоровья и счастья, стойкости. Ведь так безумно трудно быть Президентом нашей несчастной страны! Мы бесконечно благодарны Вам за то невероятное, что Вы сделали, — избавили нас от страха, дали надежду и свободу. Мы выросли при Брежневе и ко всем, кто стоял у власти, относились с отвращением и ненавистью. Но Вам мы верим. И когда будут всенародные выборы Президента, будем голосовать за Вас.

С глубочайшим уважением Сигал Лев Исакович, Морозова Марина Валентиновна, Москва».

«Добрый день, Михаил Сергеевич! 60-летием не расстраивайтесь. Это — немного. Каждый прожитый Вами день сравним с годами. Добрые семена, посеянные Вашим сердцем и умом на нашей грешной земле, обязательно дадут урожай радости. Куда можно прислать Вам белые сушеные грибы?

Семья Чакушкиных, Чебоксары».

«Дорогой Михаил Сергеевич! Сердечно поздравляем Вас с Вашим юбилеем. Мужества Вам, дорогой человек, в борьбе за правду и счастье людей.

Коммунисты, комсомольцы, пионеры, учителя,

весь коллектив школы № 64 из Ставрополя».

«Уважаемый Михаил Сергеевич! Искренне, от всей души поздравляю Вас с 60-летним юбилеем. Прежде всего желаю Вам здоровья и силы духа. Не сдавайтесь и не сдавайте своих позиций. Вижу, что Вам трудно. Ваши политические, да и не только политические оппоненты, прикрываясь демократической фразеологией, ведут с Вами, Вашей командой непримиримую борьбу. И не только политическими методами. К сожалению, им удалось одурачить, именно одурачить часть граждан нашей страны, используя в своих корыстных целях экономические трудности и межнациональные конфликты, которые, уверен, и возникли по вине этих «демократов»… Еще раз здоровья Вам, успехов и счастья в личной жизни.

Ваш твердый сторонник А. Козлов, Смоленск».

«Дорогой Михаил Сергеевич! От всей души поздравляем Вас с юбилеем. Желаем Вам крепкого здоровья, успехов в Ваших многотрудных делах по обновлению нашей Родины. Истинные труженики целиком на Вашей стороне. Поддерживаем и верим Вам. Знайте: Вы — наша надежда. Целуем Вас крепко-крепко. Да поможет Вам Бог!

Телеграфисты Главпочтамта Алла Карабанова и Нина Назарова, Москва».

«Дорогой, глубокоуважаемый Михаил Сергеевич! Сердечно поздравляем с юбилеем. Доброго-предоброго, крепчайшего Вам здоровья. Держитесь, пожалуйста, наперекор лжи и экстремизму. Нижайший Вам поклон за долготерпение и мужество. Помните, Ваше благородство — наша человеческая надежда. Поддерживаем всей душой.

М. Шаск. Ленинград».

«Дорогой Михаил Сергеевич! Поздравляю Вас с днем рождения. Желаю Вам крепкого здоровья, успехов в Вашем тяжелом труде. Хочу, чтобы Вы всегда были Президентом и боролись за мир. Приезжайте к нам в гости в Петрозаводск, вместе сходим на рыбалку.

Миша Торчик, 9 лет. Петрозаводск».

«Дорогой Михаил Сергеевич! Поздравляем с днем рождения. Желаем успехов в Вашей трудной работе.

Студенты Львовского государственного университета».

Еще два письма, которые я хотела бы выделить особо.

«Дорогой Михаил Сергеевич! Горячо Вас поздравляю в день 60-летия Вашего. Под старость лет судьба дала мне возможность некоторого общения с Вами, человеком, находящимся в самом центре мировых со бытии. Это исключительно ценно для меня, я рассматриваю это как благо. Жизнь смешала теперь многое (но не все!). Трудно укрыться от ее ветра. Мы все стоим на юру. Русский провинциал по рождению, я продолжаю верить в человека Земли, он ближе к небу, чем «человек воздуха». И тем — сильнее его. Шлю Вам сердечный привет, желаю здоровья, душевной крепости и долголетия для выполнения задачи, возложенной на Вас.

С глубоким уважением Георгий Васильевич Свиридов».

«Президенту СССР Горбачеву М. С. Глубокоуважаемый и дорогой Михаил Сергеевич! Позвольте сердечно и от души поздравить Вас с исполнившимся 60-летием со дня Вашего рождения. Молюсь об укреплении Господом сил Ваших и о том, чтобы неизменно пребывала в Вашем сердце мудрость, исполненная мира и любви. Да будут благословенными деяния Ваши — Главы Великой Советской Державы, и да благоуспешно скрепляют ее единство во многообразии и взаимообогащении жизни наших народов. Верю, что с помощью Божией начатое Вами великое дело обновления нашей Родины на демократических, правовых и нравственных началах придет, несмотря на все трудности, к своему благодатному завершению. Заверяю Вас, что наши молитвы и наши усилия являются неотъемлемой частью этого великого исторического процесса. Прошу передать мои искренние поздравления спутнице жизни, Раисе Максимовне, и всем Вашим близким.

С глубоким уважением Патриарх Московский и Всея Руси Алексий».

Получили мы в день рождения и много цветов. Роскошные розы, величавые орхидеи, посланцы сердца — гвоздики, степные тюльпаны. Синие-синие, как цвет надежды, ирисы. Пятна багрово-красных антуриумов, желто-лилово-сиренево-белая фрезия. По традиции, Георгий Владимирович, я дарю Михаилу Сергеевичу на день рождения фиалки. Хрупкий, изящный цветок с запахом воздуха и весны. Для нас фиалка — символ молодости, память первого года супружеской жизни, когда впервые после женитьбы мы с Михаилом Сергеевичем приехали в его родное село. Знаете ли Вы эту южную традицию — садик перед родительской хатой и запах растущей на грядках ночной фиалки? Вот с тех пор фиалка и стала моим неизменным подарком.

От матери его и моей, от наших детей, внуков, братьев и сестер и от себя, конечно, в этот день я сказала Михаилу Сергеевичу: «Спасибо за то, что ты есть, что ты такой, как есть, и что мы — рядом с тобой».

Надеюсь, что здоровье не покинет и не подведет мужа. Ведь ему исполнилось только 60. Надеюсь, что будут здоровы мои дети и внуки. Надеюсь, что и мне судьба даст силы как можно дольше быть с ними, рядом с мужем, помогая ему и разделяя каждый удар сердца.

В нашей жизни было все — радости и горести, огромный труд и колоссальное нервное напряжение, успехи и поражения, нужда, голод и материальное благополучие. Мы прошли с ним через все это, сохранив первозданную основу наших отношений и преданность нашим представлениям и идеалам. Я верю: крепость духа, мужество, твердость помогут мужу выдержать сегодня небывалые испытания тяжелейшего этапа нашей жизни.

Я — надеюсь.

декабрь 1990 — апрель 1991 г.

Москва

notes

Примечания

1

«Рукопись этой книги уже находилась в издательстве, когда 21 мая пришло страшное известие о злодейском убийстве Раджива Ганди. Оно буквально потрясло нас с Михаилом Сергеевичем. Мы с мужем направили телеграмму соболезнования госпоже Соне Ганди, в которой писали, что Раджив Ганди был нашим большим личным другом и что мы сполна разделяем ее безутешное горе.

К этой личной телеграмме я хотела бы добавить только одно: Раджив Ганди был не только нашим личным другом — он был большим другом всего нашего народа, и весть о его трагической смерти горько отозвалась в каждом советском доме.